СОЮЗ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОЦИАЛИСТОВ

МАКСИМАЛИСТ

WWW.REVSOC.ORG

№3 (лето 2010г.)

ТЕМА НОМЕРА:

ПРЕОДОЛЕНИЕ АНАРХИЗМА

СОДЕРЖАНИЕ

НАШ САЙТ: WWW.REVSOC.ORG

АКТУАЛЕН ЛИ АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ?

Нас часто спрашивают о нашем отношении к анархо-синдикализму: считаем ли мы что именно анархо-синдикализм может привести к освобождению пролетариата? На этот вопрос мы постараемся ответить в данной статье.

Во-первых, следует сказать, что анархистами, точно также, как и коммунистами, называют себя сейчас совершенно разные люди и течения. Если анархо-индивидуализм, анархо-рыночничество (анархо-капитализм, прудонизм) и анархизм образа жизни заведомо лежат за пределами социально-революционного движения, то анархизм классовой борьбы, считающий, что именно эксплуатация и угнетение трудящихся капиталом и государством лежит в основе всех общественных бедствий, – такой анархизм представляет собой часть социально-революционного движения, один из источников будущего социально-революционного синтеза. Анархисты, стоящие на его позициях – это наши товарищи, наша критика в отношении такого анархизма, это критика товарищей, а не врагов. Такой анархизм входит в число традиций, критическое преодоление и снятие которых мы считаем необходимым для развития дальнейшей социально-революционной теории и практики.

Однако, на наш взгляд, этот революционный анархизм не даёт ответа на актуальные проблемы освободительной борьбы пролетариата и должен быть преодолён. В этой статье мы попытаемся коротко рассмотреть историю анархо-синдикализма и объяснить какие уроки может извлечь современное социально-революционное движение из его поражений.

Революционный синдикализм возникает во Франции начала XX века в качестве практики и теории тогдашнего весьма радикального профсоюза - Всеобщей Конфедерации Труда (ВКТ). Точка зрения революционных синдикалистов, их критика французского реформистского парламентаристского социализма была следующей:

Парламент по своей природе является межклассовым органом, где заседают представители разных классов, точно также межклассовыми организациями являются партии, объединяющие людей не на основе интересов, а на основе мнений (в социалистическую партию могут входить буржуа, придерживающиеся социалистических взглядов). Именно в этом основной порок партий и парламентов.

В отличие от партий, профсоюзы объединяют только рабочих, именно поэтому профсоюзы и только они являются настоящей классовой организацией. Именно профсоюзы представляют собой начало нового мира, в котором будет господствовать не «гражданин», а «производитель». Посредством всеобщей стачки профсоюзы возьмут управление экономикой в свои руки, после чего государство само отпадёт...

Первое, что бросается в глаза – это крайняя идеализация синдикалистами рабочих, «рабочести» и капиталистического разделения труда. Ревсиндикалисты забывали, что капиталистическое производство не просто организует рабочих, но организует их последовательно капиталистическим образом: как наёмных рабов капитала и как шестерёнок капиталистического производства. Пока рабочие остаются рабочими, пока сохраняется технологическое разделение труда – никакого действительного упразднения капитализма быть не может. И, в случае, если бы профсоюзы в начале XX века смогли провести всеобщую стачку и установить контроль над производством, профсоюзные руководители стали бы таким же новым правящим классом, как партийное руководство большевиков после 1917 года.

Идеализация революционными синдикалистами пролетария как производителя была следствием их ошибочного представления, что социализм вызревает на капиталистическом технологическом базисе, что рост последнего будет неминуемо сопровождаться ростом сознательности

пролетариата, которому достаточно будет убрать в конце концов кучку паразитов, чтобы наступило светлое царство социализма (точно так же считали такие социалистические мыслители как О. Бауэр, А. Грамши, В.М. Чернов).

На самом деле задача социальной революции, к сожалению, намного сложнее, чем устранение кучки паразитов, социальная революция означает уничтожение всей капиталистической общественной системы, включая технологическое разделение труда и самоупразднение самого пролетариата – не только как наёмных рабов капитала, но и как шестерёнок-исполнителей в системе индустриального производства.

Пролетарии – это прежде всего не «производители», как считали синдикалисты, а обездоленные, лишённые собственности и власти в капиталистической системе. Задача социально революции - уничтожить пролетариат, в новом мире не будет рабочих физического труда, противостоящих другим группам трудящихся, а будут люди бесклассового общества, для которых «труд», как деятельность, вызванная внешней необходимостью, исчезнет, сменившись творчеством как свободной жизнедеятельностью. Как писал японский анархо-коммунист Хатта Сюдзе в своей критике синдикализма: ««Синдикализм заимствует капиталистический способ производства, а также сохраняет систему крупных фабрик, и прежде всего сохраняет разделение труда и способ хозяйственной организации, который избрал своей основой производство» [1].

При всём своём «рабочизме», идеализации рабочих, последовательные революционные синдикалисты и анархо-синдикалисты (те анархисты, которые пошли в ВКТ, считая именно революционные синдикаты средством достижения безгосударственного коммунизма) были – об этом часто забывают – на самом деле меньшинством в ВКТ, большие массовые профсоюзы, входящие в ВКТ – профсоюзы железнодорожников, горнорабочих, текстильщиков, печатников и т.д. - на самом деле, были обыкновенными

профсоюзами с левой фразеологией, опорой революционного синдикализма и анархо-синдикализма являлись маленькие и более радикальные профсоюзы. Именно поэтому революционные синдикалисты настаивали, чтобы решения в ВКТ принимались по принципу 1 профсоюз = 1 голос, независимо от численности профсоюза, надеясь тем самым перевесить большие реформистские профсоюзы голосами маленьких радикальных.

Именно из-за того, что революционные синдикалисты были меньшинством, они отстаивали идею революционного меньшинства, а некоторые из них даже говорили о будущей синдикалистской революционной Партии (!), в противовес парламентской социалистической партии. Л.Д. Троцкий тесно общавшийся с рядом революционных синдикалистов вообще считал революционный синдикализм протобольшевизмом, не продуманной до конца попыткой создания революционной партии [2]. Но, в отличие от радикальных социал-демократов, ревсиндикалисты считали, что революционное меньшинство не должно командовать пролетариатом, они видели его задачу в том, чтобы действием и примером инициировать борьбу своего класса.

Однако, идея революционного меньшинства, отстаивавшаяся ревсиндикалистами, вступала в непримиримое противоречие с профсоюзной формой. Пока профсоюзы были маленькими и больше походили на революционную пропагандистскую группу, а не на профсоюз, они могли быть очень революционными. Но по мере роста вся их революционность улетучивалась.

Есть элементарная истина науки, что функция определяет орган, а не наоборот. Профсоюз по своей природе есть организация по продаже рабочей силы его участников, независимо от его внутренней демократичности и радикальности, ничем другим он быть не может быть по определению.

Изначальная радикальность ВКТ была во многом следствием того обстоятельства, что во Франции конца 19 века прошла новая волна индустриализации, за 20 лет число промышленных рабочих выросло с 4 до 6 миллионов и пролетарии первого поколения, не прирученные ещё капитализмом, с остатками коллективистских традиций, надеялись на возможность сразу покончить с капитализмом. Среди них были очень сильны мессианские настроения, во время стачек они искренне верили, что капитализму осталось жить ещё пару месяцев, не больше. Однако, не они осуществили революционное преобразование профсоюза, а профсоюз преобразовал их в соответствии со своими надобностями.

Попытка всеобщей стачки в 1906 году кончилась поражением. После этого начался закат революционного синдикализма. В 1908 году радикалы потеряли контроль над руководством ВКТ, а в 1914 году ВКТ одобрило империалистическую бойню, точно также как одобрили её парламентские социалисты. Профсоюз оказался столь же негодным для совершения социальной революции, как и партии.

Свои выводы из краха французского рев. Синдикализма ВКТ сделали испанские анархо-синдикалисты из Национальной Конфедерации Труда (НКТ), на их взгляд причина вырождения ВКТ была в том, что у нее не было четкой анархо-коммунистической программы. Если ВКТ была классическим образцом чистого революционного синдикализма, то НКТ стала образцом чистого анархо-синдикализма. Однако, если ВКТ капитулировала перед буржуазным государством в 1914 году, то НКТ капитулировала перед буржуазным государством в 1936 году. И капитулировала не в разгар шовинистических страстей, вызванных началом империалистической войны, а в разгар грандиозной народной революции! И не перед сильным буржуазным государством, как во Франции в 1914 году, а перед призрачным буржуазным государством испанской республики июля 1936 года! Власть лежала под ногами, однако НКТ принципиально отказываясь брать власть, преподнесла её буржуазному государству.

О причинах такого позорного поведения НКТ было много дискуссий в анархистской и ультралевой среде. Мы хотим подчеркнуть два обстоятельства.

На наш взгляд, в начале XX века из-за отсутствия технических средств коммуникации, позволяющих огромным массам людей вместе вырабатывать решения и вместе исполнять их, было неизбежно выделение особого руководящего слоя управленцев, неподконтрольного трудящимся массам. Эта неизбежность одинаково действовала, как в масштабах всего общества, так и внутри рабочих организаций. НКТ не оказалась исключением. Её руководящая верхушка решила пойти на сговор с буржуазным государством, а рядовые члены НКТ не смогли помешать этому. Попытки ряда революционеров из НКТ (Дуррути в 1936г. и оппозиционной группы «Друзей Дуррути» в 1937г.) бороться против подобного позорного вырождения своей организации и отстаивать линию на немедленную социальную революцию точно так же кончились поражением, как и борьба децистов и мясниковцев против вырождения РКП(б) в партию новой государственной буржуазии.

Если мы будем говорить о причинах того, почему верхушка НКТ пошла на интеграцию в буржуазное государство, то во-первых, следует помнить, что слой управленцев, какие бы у него изначально ни были намерения, неизбежно вырабатывает особые интересы. Интересы руководителей рабочих организаций всегда ближе к интересам буржуазии, чем к интересам чернорабочей массы. Будут ли эти руководители руководителями партии или профсоюза – вопрос второстепенный.

Перерождение единственной массовой рабочей анархистской организации - НКТ доказывает, что причиной вырождения старого рабочего движения были не доктринальные его ошибки, не следование злобному авторитарному марксизму вместо единственно верного анархического учения, но непреодолимость при тех обстоятельствах разделения труда на управленческий и исполнительский.

Следует указать на субъективной фактор в крахе НКТ во время реальной революции. У активистов НКТ, даже её героического периода, было утопически мессианское представление о революции, согласно которому большинство рабочих, уже ставших идейными анархистами, за один день разрушает капитал и государство, после чего наступает анархо-коммунистический рай. Что делать, если реальная революция начнётся тогда, когда большинство рабочих ещё не стали идейными анархистами, но придерживаются других политических взглядов? Как относиться к другим революционным течениям в пролетариате? Как организовывать оборону революции от внешнего и внутреннего врага? Обо всех этих вопросах активисты НКТ предпочитали не задумываться, надеясь на всеобщую стачку, которая чудодейственным образом решит все проблемы.

В реальности всё оказалось намного сложнее. Стихийное пролетарское восстание 18-19 июля развалило старое государство на двух третях Испании, однако, республиканское правительство хоть и стало на короткое время бледной тенью, не думало самоотмирать, но лихорадочно пыталось восстановить контроль над ситуацией. Если в Каталонии подавляющее большинство революционных рабочих были анархистами, то в Мадриде, Астурии и.т.д. позиции НКТ были слабы, а тамошние революционные пролетарии состояли в ИСРП (Испанская Социалистическая Рабочая Партия). Победа социальной революции в Испании не могла быть достигнута силами одной НКТ, власть должна была быть взята всеми пролетариями и принадлежать не профсоюзу, а общим собраниям и советам. Нужно было всеми способами уничтожать республиканцев, сталинистов и правое крыло ИСРП, налаживать контакты с революционно настроенными рядовыми членами ИСРП, которые тогда были заметными большинством всей партии, умело разоблачая оппортунистических вождей левого крыла ИСРП (Кабальеро и.т.д.).

На деле произошло наоборот, НКТ отступила перед сложностью задач, она не могла и не хотела взять власть сама, но вместо того, чтобы ориентироваться на взятие власти всеми трудящимися, на откалывание революционных рабочих из ИСРП от их буржуазного руководства, она взяла курс на союз с этим руководством и с политиканами из буржуазного лагеря вообще. НКТ говорила, что сперва нужно выиграть войну, а потом уже совершать революцию, но, сдав революцию, она проиграло войну.

Эта печальная история имеет не только исторический интерес, она должна служить уроком и предостережением на будущее. Один из важнейших вопросов любой революции – это вопрос о власти, все попытки обойти этот вопрос, избежать фронтального столкновения с буржуазным государством и его разрушением, ограничиваясь только экспериментами по «коммунизации» производства на низовом уровне кончаются тем, что потерявшее на время контроль над ситуацией буржуазное государство, получив передышку, собирается с силами и давит на корню все коммунарские попытки. Тот, кто отказывается бороться за уничтожение власти буржуазии и установление власти общих собраний трудящихся – неизбежно капитулирует перед властью буржуазии. Основные вопросы революционной стратегии должны быть продуманы заранее, чтобы не оказаться в положении тех горе-революционеров, которые не знают, что им делать в реальной революции. Мы критикуем НКТ не из праздного безделья, а для того, чтобы не повторялись в будущем её катастрофические ошибки, ошибки, которые были хуже преступления...

Американские Индустриальные Рабочие Мира (ИРМ) и Рабочая Федерация Аргентинского региона (ФОРА) отличались в ряде весьма важных аспектов как от ревсиндикалистской ВКТ, так и от анархо-синдикалистской НКТ. ФОРА, например, подвергла весьма глубокой и правильной критике одну из коренных ошибок революционного синдикализма – идеализацию им индустриального производств и обусловленного последним разделения труда (за это же критиковали ревсиндикализм и анархо-синдикализм японские анархо-коммунисты 1920-1930-х годов – см. приведенную нами выше цитату из Хатты Сюдзе). Однако часть современных сторонников анархо-синдикализма в России любит ссылаться на опыт ФОРА, как-то забывая о том, что самоотверженная и героическая борьба аргентинских рабочих из ФОРА не увенчалась победой безгосударственного коммунизма, что ФОРА в начале 1930-х годов была разгромлена военными диктатурами, и уже поэтому для современного социально-революционного движения необходима не ее некритическая идеализация, а трезвое понимание ее слабостей и ошибок.

Если французская ВКТ и испанская НКТ погибли бесславно, будучи интегрированы в буржуазное государство, то американские Индустриальные Рабочие Мира (ИРМ) и Рабочая Федерация Аргентинского региона (ФОРА) были уничтожены буржуазным государством. С моральной точки зрения это большая разница, но поражение остаётся поражением.

ИРМ и ФОРА были массовыми и открытыми рабочими организациями, а существование массовых радикальных рабочих организаций возможно только в условиях относительной буржуазной демократии, однако при капитализме, сколь угодно демократичном, власть остаётся у буржуазии и последняя может менять форму своей власти соответственно своим классовым интересам. Когда

капитализм вступает в глубокий кризис, буржуазная демократия, предполагающая какие-то уступки пролетариям, отбрасывается буржуазией и её сменяют всеохватывающие репрессии против рабочего движения. Таким образом, массовое радикальное рабочее движение уничтожается буржуазией двумя способами: оно либо интегрируется в систему воспроизводства капитала посредством буржуазной демократии, либо, если это по каким-то причинам не получается, уничтожается откровенной террористической диктатурой. Именно такая диктатура уничтожила революционную ИРМ и ФОРА.

ИРМ и ФОРА при всём своём радикализме были массовыми открытыми организациями – организациями хотя и не легалистскими (в смысле безусловного подчинения буржуазным законам, с которыми они в своей деятельности не считались), но легальными, открытыми для широких масс рабочих и именно в силу своей открытости абсолютно не готовыми действовать в условиях жёсткого подполья, противостоять систематическому и долговременному террору буржуазии. В результате волна репрессий, обрушившихся на ИРМ в сентябре 1917 года фактически уничтожила организацию, а возродившаяся в начале 20-х годов ИРМ была только бледной тенью ИРМ 1905-17 годов. Военные диктатуры, установившиеся в Аргентине с 1930 года, разгромили старую ФОРА, и, по имеющейся информации, в начале 2000-х годов в ФОРА состояли 90-летние старики, вступившие в неё до 1930-го года и 15-летние подростки, пришедшие в неё совсем недавно. Промежуточных поколений не было вообще. За 70-летний период никакого притока новых членов в организацию не было.

Эта проблема имеет не только историческое значение. Капитализм пребывает в стадии затяжного и глубокого глобального кризиса, начавшегося в 1970-е годы. Во всём мире буржуазия пытается переложить тяжесть кризиса на плечи пролетариев и проводит тотальное наступление на пролетариат, что находит своё выражение, в частности, в ужесточении политических буржуазных режимов.

Одна из основных причин затяжного кризиса капитализма состоит в тенденции нормы прибыли к падению. Чтобы ослабить губительную для него тенденцию нормы прибыли к падению, капитал использует несколько методов.

Во-первых, он отказывается от системы социального компромисса, от уступок пролетариям даже в самых развитых и богатых странах. Это делает там успешную реформистскую борьбу невозможной.

Во-вторых, поскольку сразу опустить уровень жизни пролетариев США до уровня жизни их китайских братьев по классу заведомо невозможно, капитал все больше переносит производство из империалистического центра с его относительно высоким уровнем зарплат и обусловленным этим низким уровнем прибыли в страны империалистической периферии и полупериферии, с их чудовищно низким уровнем жизни – в Китай и вообще в Юго-Восточную Азию, в Мексику и т.д. Это ведет к промышленной деградации старых империалистических центров и к росту капиталистического производства, а вместе с ним и пролетариата – будущего могильщика капитализма - на периферии.

Это имеет двоякие последствия. Во-первых, перенос производства в отсталые некогда страны парализует реформистскую рабочую борьбу в старых империалистических центрах (где профсоюзы во имя конкурентоспособности отечественного производства и удержания алчущего прибылей отечественного капитала на его любимой родине призывают рабочих смириться с падением уровня жизни – в самом деле, зачем вкладывать капиталы в Китай, если американские пролетарии согласятся на такие же условия труда и зарплаты, как и китайские?), а во-вторых, правящие классы бурно растущей периферии, прекрасно понимая, что главное конкурентное преимущество подвластных им стран состоит в нищете и бесправии пролетариев, готовы зубами и когтями увековечивать эти нищету и бесправие, беспощадно подавляя любые попытки рабочих добиться улучшения своей жизни.

Так, перенос капитала в отсталые прежде страны не только не ведет к всеобщему благополучию и благосостоянию для всех, но делает невозможной систему классового компромисса как в старых империалистических центрах, так и в новых индустриализирующихся странах...

Наконец, есть и третье обстоятельство, подрывающее возможности успешной профсоюзной борьбы и вызванное в конечном счете тенденцией нормы прибыли к падению.

Эта тенденция наиболее сильна в старых отраслях про-

изводства, противодействуя ей, капитал осуществляет непрерывную реорганизацию производственной системы. В результате старые отрасли производства, бывшие цитаделями старого реформистского рабочего движения, распадаются и исчезают.

В самом деле, что после реформ Тэтчер осталось от оплота левого лейборизма – от английских шахтеров? Куда делась старая опора ФКП – «красные пригороды» Парижа? И что стало с заводами – гигантами СССР с их культивировавшимися официальной политикой «рабочими династиями»?

Происходящая в капиталистической системе последние десятилетия непрерывная производственная реорганизация ведет к тому, что современный пролетарий гораздо меньше привязан к своему рабочему месту, чем его отец 40 лет назад. Он гораздо чаще меняет профессию, место работы и жительства, чем пролетарии 40 или 50 лет назад. Он все более убедительно проявляет себя не как «производитель», гордый своим трудом, - каким видел его старый ревсиндикализм - но как пролетарий, обездоленный и неимущий универсальный раб капитала, перемещающийся туда и делающий то, что отвечает потребностям капиталистического воспроизводства.

Между тем никакое профсоюзное движение невозможно без более или менее устойчивой привязки работника к рабочему месту. Если рабочий видит, что вместо напряженной и опасной борьбы за увеличение зарплаты ему гораздо проще попытаться перейти на другое место работы с более высокой зарплатой, он по очевидным причинам предпочтет идти по этому более легкому пути. Это – еще одна из причин негодности идей старого ревсиндикализма для современного мира.

Старые рабочие организации, опиравшиеся на часто менявших место работы и жительства рабочих, идет ли речь о ранних рабочих организациях Франции и Германии или о ИРМ и ФОРА, не были ни профсоюзами, ни даже ревсиндикатами, но либо (если речь идет о ранних рабочих организациях Франции, например) обществами взаимопомощи, продолжением союзов подмастерьев средневековья, либо, как в случае с немецким Союзом коммунистов 1840-х годов, ФОРА и ИРМ, объединением пролетариев не как работников отдельных предприятий и отраслей, но как класса, объединением посредством как бытовой взаимопомощи, так и общего идеала. Мы уже писали выше, почему, на наш взгляд, попытки создания организаций, аналогичных ИРМ и ФОРА, в современном мире с его нарастающим буржуазным деспотизмом, обречены на поражение, здесь же можем только добавить, что никаких серьезных попыток объединить рабочих-мигрантов в организации подобного типа никем в современном мире не предпринимается...

Все вышеназванные причины ведут к невозможности создания реформистских профсоюзов или революционных синдикатов, все они толкают капитал на ужесточение своего деспотического гнета, на отказ от классового компромисса, на отказ от уступок, на политику репрессий, разрушающую все усилия создать радикальные, но массовые и неготовые к тотальной конфронтации с классовым врагом организации.

О том, что в России никакая легальная профсоюзная борьба, даже чисто реформистская невозможна, мы писали уже много раз [3].

Невозможность такой борьбы в Китае или Иране – самоочевидна. Но даже в такой «цитадели демократии» как ФРГ суд недавно принял решение, запрещающее анархистскому Свободному Рабочему Союзу (FAU) называться профсоюзом. И, скорее всего, это только первая ласточка. Массовые рабочие радикальные организации становятся всё более невозможными уже по чисто полицейским причинам. Идти по пути ИРМ и ФОРА, повторять их ошибки, кончившиеся трагическим поражением, – это будет означать, что мы не можем извлекать никаких уроков из истории...

Рассмотрев вкратце историю анархо-синдикализма, перейдём к его современному состоянию. Организации, называющие себя анархо-синдикалистскими, делятся на две группы, это, во-первых, действительные, хотя и маленькие профсоюзы (CNT (Национальная конфедерация труда) в Испании, USI (Итальянский синдикальный союз) в Италии, Сибирская Конфедерация Труда в России и.т.д.) и маленькие синдикалистские пропагандистские группы. Эти последние могут с гордостью называть себя «синдикатами», но всем понятно, что синдикат из 10 или 20 человек, работающих в совершенно разных отраслях – это что угодно, но не «синдикат».

Оставив их в покое, обратимся к первой категории. В реальности, современные маленькие профсоюзы, считающие себя анархо-синдикалистскими, мало чем, кроме фразеологии отличаются от обыкновенных небольших профсоюзов. Возьмём, например, испанскую CNT (русская аббревиатура – НКТ) – красу и гордость анархо-синдикалистского Интернационала (Международной Ассоциации Трудящихся (МАТ)), продолжателя великой в подвигах и заблуждениях НКТ первых десятилетий 20 века. Ни для кого не секрет, что CNT сейчас активно занимается попыткой отсудить в буржуазных судах часть собственности старой CNT. Узнав об этом, Дуррути перевернулся бы в гробу и умер бы снова от стыда. Чтобы понять, во что выродилась CNT достаточно прочитать на их сайте трогательную историю о том, как во время забастовки маленькой парикмахерской в Гранаде, владелец парикмахерской избивал безнаказанно активистов CNT, которые проводили «спокойную акцию» и не поддавались на «провокацию» [4]. Их деятельность приобрела реформистский и легалистский характер.

Следует подчеркнуть, что реформистское вырождение CNT идёт по нарастающей. В 1986 году CNT принимала активное участие в крупной и очень радикальной забастовке в портовом городке Пуэрто-Реаль- забастовке, сопровождавшуюся столкновениями с полицией и охватившую весь город. Прошла четверть века, и CNT занята больше хождениям по судам, чем подготовкой анархо-коммунистической революции.

А вот что пишет британская секция МАТ Solidarity Federation в своей брошюре «Борьба и стратегия: анархо-синдикализм в XXI веке»:

«В местах работы, где существует официально признанный тред-юнион, входящий в Британский конгресс тред-юнионов (TUC), членам SF следует вступить в тред-юнион, но при этом продвигать анархо-синдикалистскую стратегию. Это означало бы вовлечение собраний на рабочих местах в принятие коллективных решений по рабочим проблемам. Однако трудящиеся, вероятно, предпочтут сохранить членские билеты, дабы избегать расколов на рабочем месте между членами и не членами тред-юнионов» [5].

Мы спрашиваем товарищей анархо-синдикалистов: а чем собственно это отличается от типично троцкистского энтризма? На наш взгляд, ничем.

Почему негодна тактика энтризма? Она исходит из молчаливой предпосылки, что профсоюзы или реформистские партии являются неким нейтральным полем, с которого мы можем воровать сочные злаки, являются организацией, не вписанной в логику капиталистического воспроизводства. На самом деле, профсоюзы являются инструментом по удержанию контроля буржуазии над пролетариатом, а профсоюзные чиновники, при всех своих общеизвестных пороках, все же не идиоты, которых левые энтристы могут спокойно водить за нос. Либо ты принимаешь правила, установленные в профсоюзе, либо весьма скоро будешь изгнан из него.

Исторический опыт показывает, что все люди, входившие в профсоюз с намерением преобразовать его изнутри, достаточно быстро оказывались преобразованы профсоюзной бюрократией по её образу и подобию. Надежда на то, что Британский конгресс тред-юнионов допустит продви-

жение в своих рядах анархо-синдикалистской стратегии - эта надежда по своему абсурду не уступает троцкистской надежде о превращении Лейбористской Партии или КПРФ в «революционную партию рабочего класса». По мнению СРС: «Наша задача – объяснять людям труда, как входящим, так и не входящим в профсоюзы, что освобождение угнетенных может быть лишь делом самих угнетенных, пролетариям бесполезно надеяться на партийных и профсоюзных чиновников, на парламентскую возню и хождение по судам. [6]». Объяснение всего этого через профсоюзные структуры будет столь же нелепо, как нелепа речь кандидата в депутаты, что он является принципиальным противником парламентаризма.

Если мы неправильно поняли позицию товарищей из SolFed вследствие, например, ошибок перевода и незнания ситуации в Англии, то просим их дать необходимые разъяснения.

То, что в эпоху упадка капитализма профсоюзы необратимо трансформировались в приводные ремни по удержанию контроля буржуазии над пролетариатом, доказывает судьба радикальных, хотя и не синдикалистских профсоюзов, возникших во многих странах мира в 1980-е годы. Речь идёт о таких профсоюзах, как польская «Солидарность», бразильский CUT, южноафриканская COSATU, южнокорейская конфедерация профсоюзов, российский Независимый Профсоюз Горняков (НПГ) и некоторые другие. Все эти профсоюзы не были сторонниками анархо-синдикализма, однако, на первых порах, выдвигая требование рабочего самоуправления, вели радикальную борьбу за материальные интересы рабочих. Казалось, они могли бы двигаться влево – ведь и французская ВКТ не была с самого начала революционно-синдикалистской.

На самом деле, все эти профсоюзы стремительно проэволюционировали вправо, очень быстро признали вечность буржуазного строя, а затем даже отказались от сколь нибудь решительной борьбы за интересы рабочих внутри капитализма. Они стали таким же оплотом буржуазии, как и старые «жёлтые» профсоюзы.

То, что сейчас нигде в мире нет революционных синдикатов, то, что все профсоюзы стоят на страже капитализма – на наш взгляд, неслучайно. Дело в том, что профсоюз – это капиталистическая корпорация, которая по своему функциональному содержанию ничем не отличается от обычной буржуазной фирмы. Профсоюз как капиталистическая контора торгует товаром особого рода – рабочей силой. Профсоюз не может выйти за рамки капиталистической логики, так как контролируется буржуазным законодательством. Если основной функцией профсоюза является продажа рабочей силы, а не борьба за отмену самого наемного труда, то естественно, что, как и в любом другом капиталистическом предприятии управляющие функции концентрируются в руках небольшой группы людей. Этой группе людей, которые образуют профсоюзную бюрократию (менеджмент), не только не выгодно свержение эксплуататорской капиталистической системы, но ей опасна сама самостоятельная борьба рабочих на основе прямой демократии и прямого действия [7]

Все попытки создать революционный профсоюз кончаются либо тем, что созданная организация остаётся революционной, но не является профсоюзом, оставаясь маленькой пропагандистской группой, либо же становится обыкновенным профсоюзом, без претензий на революционность.

Может возникнуть вопрос: изменится ли подобная ситуация в будущем, могут ли возродиться революционно-классовые профсоюзы типа ФОРА в будущем? На наш взгляд это крайне маловероятно. Почему?

Во-первых, капитализм везде в мире находится в упадке и загнивании, он не только не хочет, но – это и главное - не может идти на уступки конкретным материальным требованиям трудящихся, повышать их уровень жизни (в США уровень жизни для низов пролетариата постоянно падает с 1970-х годов, для более высокооплачиваемых групп пролетариата – во всяком случае не растет с того же периода), отказываясь тем самым от части своей прибыли, и так падающей в условиях затяжного экономического кризиса. Все попытки рабочих добиваться удовлетворения своих материальных требований встречают и будут встречать жёсткий отпор буржуазии, противодействовать этому отпору, некритически воспроизводя организационную структуру ФОРА просто невозможно.

Во-вторых, ФОРА была движением квалифицированных рабочих первого поколения, сохранявших коллективистские добуржуазные традиции и знание техники производства, сейчас пролетариат гораздо более атомизирован и превращён полностью в «придаток машины» чем сто лет назад. Формы пролетарской борьбы сейчас гораздо менее привязаны к предприятиям, чем в Аргентине в начале XX века.

Возрождение старых революционных синдикатов не только невозможно, но и не нужно. Даже на пике их революционности их организационная структура и стратегия были не подходящими для победы революции.

Старый синдикализм считал средством свершения революции всеобщую экономическую стачку. Предполагалось, что достаточно рабочим будет установить контроль над производством, как буржуазное государство развалится само собой, без фронтального столкновения с ним. Опыт всеобщей захватной стачки в Италии [8] осенью 1920 года, опроверг эту концепцию. Тогда силы рабочих истощались, потому что они оставались заперты в занятых ими предприятиях, а уцелевшее буржуазное государство перешло в наступление и добилось победы. Без разрушения буржуазного государства, без политической революции, без взятия власти общими собраниями трудящихся, победа социальной революции невозможна.

Что касается организационной структуры революционных синдикатов, то нельзя забывать, что они объединяли рабочих по профессиям или по отраслям, разделяя тем самым рабочий класс на множество групп с разными профессиональными интересами. Социальная революция означает преодоление созданного капитализмом разделения рабочего класса, пролетарские массовые организации, которые возникнут в ходе революции, будут общими собраниями по производству и территориям, с выборными и подконтрольными общим собраниям советами, фабзавкомами и территориальными комитетами, но не профсоюзами.

Вообще следует подчеркнуть, что формы пролетарской самоорганизации и методы пролетарской борьбы сильно изменились сравнительно с началом XX века, борьба на предприятиях посредством экономических забастовок сейчас оттеснена на задний план стихийными пролетарскими бунтами, организующимися не столько на производствах, сколько на территориях или вообще не носящих конкретно производственный или территориальный характер. Старому синдикализму нечего предложить борющимся пролетариям начала XXI века. Текучесть рабочей силы, причём именно среди самых обездоленных слоёв пролетариата сейчас намного больше, чем сто лет назад, а никакой профсоюз невозможен без более или менее прочной привязки рабочих к долговременной работе на данном предприятии.

Современная пролетарская борьба объединяет не рабочих одной профессии или одного предприятия, а всех пролетариев, угнетённых капитализмом.

Доказательство тому, данное нам в самое последнее время – это бунты в Греции, в Иране и в гораздо меньших масштабах – борьба с уплотнительной застройкой в России. Эти бунты преодолевают деление пролетариев по профессиям и отраслям, представляя собой движение не «производителей», как понимал пролетариев старый синдикализм, а угнетённых капитализмом. Синдикалистская форма организации заведомо не может дать ответов на вопросы, поставленные такими движениями.

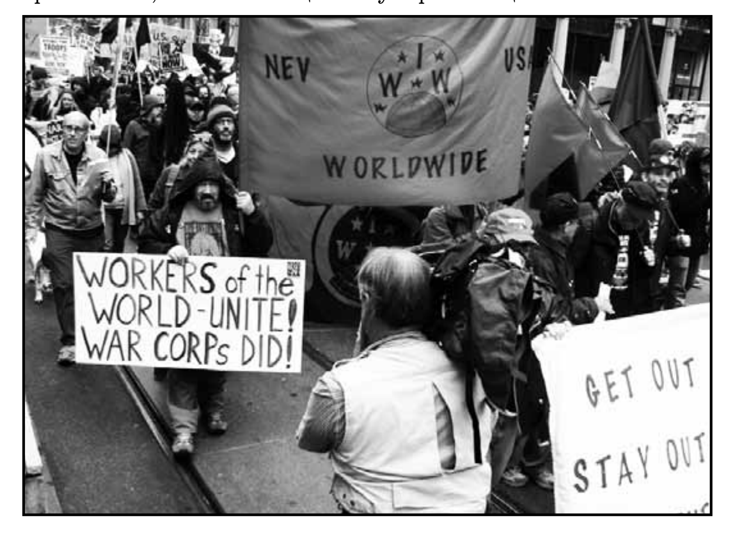
Естественным образом, возникает вопрос, какими мы видим формы пролетарской самоорганизации, если считаем форму революционных синдикатов абсолютно невозможной в современных условиях упадочного капитализма, когда большая часть пролетариев раздавлена и атомизирована капиталом?

На наш взгляд, в современную эпоху упадка капитализма могут существовать только две формы пролетарской самоорганизации, не интегрированные в буржуазную систему. Это самоорганизация поднявшихся на борьбу пролетарских масс, распадающаяся после спада борьбы (общие собрания забастовщиков с подконтрольными им стачкомами, общие собрания по территориям и т.п.) и постоянные организации революционного меньшинства.

Именно на общих собраниях поднявшиеся на борьбу пролетарии вырабатывают общие решения, делая тем самым первый шаг к преодолению деления на руководителей и исполнителей. Именно руководимая общим собранием забастовка или другое пролетарское выступление является школой революции, школой коммунизма. Общие собрания являются организациями всех борющихся рабочих. В этом их сила, но в этом и их слабость. После спада массовой борьбы, они либо исчезают, либо так или иначе интегрируются в буржуазное общество. До наступления революционной ситуации такая судьба ждёт все массовые рабочие организации.

Постоянная революционная организация может быть только организацией маленькой, но самой активной и сознательной части класса пролетариев. Выступая как инициативное революционное меньшинство, как сражающийся передовой отряд трудящихся масс, она в тоже время стремится соединиться с этими массами в общей борьбе, помочь этим массам сделать выводы из опыта их борьбы, приближая тем самым победу социальной революции. Эта организация революционного меньшинства не стремится командовать классом, но во все периоды, как периоды подъёма, так и спада рабочей борьбы, отстаивает её конечные цели. Обладая знанием прошлого опыта пролетарского движения, она передаёт это знание остальным пролетариям. Но не только делится с ними опытом, но и сама учится у них. Она является революционным ферментом, инициатором борьбы своего класса, она несёт в себе память класса и воплощает его революционную волю. Её активисты участвуют во всех выступлениях пролетариев, разоблачая ловушки, расставленные буржуазией и беспощадно критикуя все иллюзии и предрассудки своих братьев по классу. Её активисты занимаются неустанным революционно-социалистическим просвещением, воспитывая этим самым новых сознательных пролетарских борцов. Участвуя в массовых выступлениях пролетариев, выступая на общих собраниях, возникающих на подъёме борьбы, её активисты толкают вперёд радикализацию и расширение движения как единственный путь к победе, всегда отстаивая конечные цели освободительной борьбы пролетариата.

Будучи в силу слабости своего класса, сперва маленькой пропагандистской группой, революционная организация стремится укоренится в своём классе и тогда, когда возникает возможность, создаёт ячейки на производстве – инициативные группы борьбы, которые ведут там пропаганду и агитацию, борясь как за конкретные материальные требования, так и за социальную революцию.

Революционная организация преодолевает буржуазную дихотомию централизма и федерализма. Она не является иерархической структурой, где рядовые члены подчиняются начальству, в тоже время она не является федерацией индивидов и групп, действующих по своему произволу. Она коллектив равноправных товарищей, вместе вырабатывающих решения и вместе исполняющих их. В этом смысле она является прообразом грядущего коммунистического общества. Современные средства связи позволяют обходиться без осуществляющего командование организацией ЦК, решая все затрагивающие всю организацию вопросы общим голосованием активистов, при сохранении свободной инициативы местных групп в решении сугубо местных вопросов.

Говоря о революционной организации, следует указать ещё одно обстоятельство. Инициативные группы борьбы на предприятиях не должны быть и не будут единственной формой её внутренней структуры. Капитализм разобщает трудящихся, замыкая их в рамках их профессий и предприятий, и, если революционная организация будет воспроизводить профессиональную замкнутость, она будет содействовать воспроизводству капитализма. В революционной организации пролетарии разных родов занятий, с разным жизненным опытом, должны обмениваться своим опытом, без чего невозможно преодоление профессиональной ограниченности, создаваемой капитализмом, невозможна подлинно коллективная выработка стратегии борьбы. Этот вопрос правильно понимали итальянские левые коммунисты, когда в середине двадцатых годов противодействовали навязываемой Сталиным «большевизации» компартий, их переходу от территориальных к чисто производственным ячейкам. Итальянские левые коммунисты писали, что этот переход будет означать, что все рядовые члены организации окажутся замкнуты в профессиональных и местных проблемах, коллективная выработка общей стратегии станет невозможной, эта выработка общей стратегии станет делом бюрократического аппарата.

Чтобы такого не произошло, революционная организация должна совмещать территориальный и производственный принцип построения. Общая стратегия вырабатывается взаимодействующими друг с другом территориальными группами, в то же время активисты организации, работающие на одном предприятии, объединяются в группу для борьбы на этом предприятии.

Нам неизбежно зададут вопрос: где гарантии, что предлагаемый вами путь приведет к победе революции, что революционная организация, сочетающая борьбу за конкретные материальные требования с борьбой за социальную революцию, не выродится, достигнув ряда успехов в борьбе за конкретные требования, в такую же реформистскую организацию, как и современные НКТ или УСИ?

На этот вопрос мы отвечаем: абсолютных гарантий в истории не существует. Более того, на наш взгляд, в условиях отсутствия революционной ситуации, если объективное состояние общества не делает на ближайший исторический период, на ближайшие десятилетия, необходимой революцию как единственный способ решения глубинных общественных противоречий, любая революционная организация обречена на вырождение – либо в относительно большую реформистскую организацию (пример – те же НКТ и УСИ), мало чем отличающуюся от обыкновенных реформистов, либо в революционную пропагандистскую секту, способную «хранить пламя» и передать революционную традицию прошлого будущим поколениям, но выработавшую идейный и организационный консерватизм, закостеневшую в нем и поэтому не способную – в том виде, в каком она есть – возглавить революцию будущего (пример – наши товарищи – бордигисты).

Ключевой вопрос, поэтому, состоит в следующем: зашел ли современный капитализм в такой тупик, единственным выходом из которого может быть только революция, будет ли мировая ситуация в ближайшие десятилетия – за которые революционная организация не успеет еще выродиться – объективно революционной?

На наш взгляд, дело обстоит именно таким образом. Растущее противоречие между становящимся все более обобществленным мировым производством – и сохранением контроля над ним со стороны кучки капиталистов и чиновников; между интернационализацией всего мирового хозяйства – и сохранением системы конкурирующих друг с другом национальных государств; между грандиозными успехами науки и техники, позволяющими накормить голодных, дать жилье бездомным, победить болезни и

старость – и сохраняющимися рыночными отношениями, обрекающими огромные массы на нищету, мученическую жизнь и мученическую смерть – никакое реформистское решение этих противоречий невозможно, а поэтому, становясь все более острыми, они взорвут в конце концов систему капитализма.

Экономический кризис 2008-2009гг., преодолением которого любят похваляться буржуазные политики и аналитики, не решил никаких серьезных проблем, вызвавших его к жизни, а потому неизбежно повторится в еще более грандиозном масштабе – независимо от того, произойдет ли это через полгода или через десять лет...

В своей работе о Великой Французской революции Кропоткин указал на любопытную эмпирическую закономерность, попыток научного объяснения которой, сколь нам известно, до сих пор никто не дал: великие революции происходят в среднем раз в 125 лет (Гуситские войны – Реформация – Английская революция – Великая Французская революция...). Исходя из этого, он в 1909г. предсказал близость новой великой революции, исход которой точно так же определит характер 20 века, как определила характер 19 века Великая Французская революция.

Кропоткин оказался прав, и новая великая революция пришла в 1917г. Это, конечно, не закон, а совпадение.

Цифра «125» является, разумеется, приблизительной, и мы не собираемся всерьез утверждать, что новая великая революция произойдет именно в 2042г., а не в 2035 и не в 2050гг. Но очевидно следующее.

Растущее противоречие между становящимися все более обобществленными производительными силами и капиталистическими производственными отношениями может быть решено либо путем коммунистической революции, разрушающей капиталистические отношения и создающей бесклассовое, бестоварное и безгосударственное общество, Мировую Коммуну, либо путем грандиозного и чудовищного разрушения производительных сил в цикле империалистических войн, отбрасывающих человечество (если оно вообще останется) далеко назад. Третьего пути нет.

Старая система империалистического равновесия, основанная на неоспоримой гегемонии США, уходит в прошлое. Начинается цикл межимпериалистической борьбы за дележ американского наследства, за передел мира. Борьба за передел мира рано или поздно приведет к империалистической мировой войне. Это все дело не одного месяца и даже не одного года, но тенденция мирового развития именно такова.

Мир, в котором предстоит жить поколениям, вступающим сейчас в жизнь, будет страшным и кровавым миром, похожим не на эпоху социального партнерства и империалистического равновесия 1945-1989гг., а на эпоху тридцатилетних войн 1618-1648 и 1914-1945гг. Единственная альтернатива, которую может предложить человечеству капитализм в случае своего сохранения – это выбор между ужасным концом и бесконечным ужасом.

Мир вступил в эпоху войн. Но именно поэтому он вступил и в эпоху революций. Империалистическому решению общественных противоречий, решению их путем чудовищной деградации общества, пролетариат, если он не хочет оставаться пушечным мясом своих хозяев, бессильной и обреченной жертвой капитализма, должен предложить свое решение – свержение капитализма и создание Мировой Коммуны.

Такая перспектива ждет тех, кто вступает сейчас в жизнь. Вопрос о том, скатится ли человечество в чудовищное варварство либо откроет новую страницу своей истории, будет решен в ближайшие десятилетия, десятилетия, которые станут поэтому самыми важными во всей человеческой истории.

Именно потому, что ставки велики, как никогда, вопрос о правильной стратегии революционной борьбы имеет огромное значение. Если пролетарии посредством хождения по судам и легальных профсоюзов даже и добьются повышения зарплаты и прочих благ, но поэтому привыкнут доверять буржуазному государству и окажутся не способными противостоять ему, когда оно пошлет их на империалистическую бойню, все выигранные ими завоевания окажутся не превышающими ценность червяка, насаженного на рыбацкую удочку. Это доказывает пример европейских пролетариев начала 20 века, достигших значительного улучшения своей жизни благодаря деятельности эсдековских партий, и синдикалистских, и прочих профсоюзов, но именно поэтому оказавшихся обезоруженными перед империалистической бойней в 1914г.

Что могут сделать революционеры уже сейчас, в современных условиях, какую стратегию нужно избрать, чтобы новый революционный цикл не кончился еще более страшным поражением, чем революционный цикл начала 20 века?

Революционеры не могут вызвать революцию по своему произволу. Революция возможна лишь в ситуации острого кризиса капитализма, расшатывающего устои эксплуататорской системы и толкающего массы на борьбу. Однако опыт множества проигравших и не состоявшихся революций доказывает, что без революционной организации, успевшей еще до революции завоевать доверие, уважение и поддержку значительной части масс и убедившей эту часть масс в правильности своей альтернативы, без организации, способной влиять на общественную ситуацию и быстро и целеустремленно действовать в момент, когда шатаются троны, без такой организации революционная ситуация не сможет развиться в победоносную социальную революцию, и капитал сумеет сочетанием насилия и обмана восстановить свою пошатнувшуюся власть над пролетариями. Поэтому создание революционной организации – не громко называющей себя так группки из пяти оболтусов, но организации, способной объяснить огромным пролетарским массам путь к победе – является актуальнейшей задачей сегодняшнего дня.

До революционной ситуации революционная организация неизбежно останется организацией меньшинства пролетариата. Но, при условии продуманной, целеустремленной и самоотверженной деятельности, она сможет завоевать уважение масс, укорениться в них и быть готовой к деятельности в условиях революции.

То, что и маленькая группа сможет стать искрой, которая разожжет пожар, доказывают два примера из относительно недавнего прошлого. Оба случая, о которых пойдет речь, далеко не являются нашим идеалом, но они доказывают, что небольшая сплоченная группа может оказать огромное влияние на массовое движение, когда это последнее возникнет.

В конце 1960-начале 1970-х годов никакая революционная деятельность в Иране казалась невозможной. Пролетариат был раздавлен беспощадным террором шахского режима, когда даже за разговоры подвергали чудовищным пыткам в шахской охранке, и деморализован постоянными предательствами буржуазной оппозиции вообще и промосковской Народной партии Ирана в частности. В этих условиях несколько небольших подпольных марксистских групп, объединившихся в Организацию федаев иранского народа (ОФИН), решили, что надо героическим самопожертвованием расшатать устойчивость террористического шахского режима и убедить народные массы, что сопротивление возможно. В 1971г. налетом на полицейский участок в городке Сихкал федаи начали вооруженную борьбу.

Нанося врагу удар за ударом, теряя своих лучших борцов, погибавших в шахских застенках или от собственной последней пули, федаи смогли убедить народные массы, что борьба возможна. Как они напишут через несколько десятилетий, «наши мученики своей кровью реабилитировали дело коммунизма перед трудовыми массами Ирана». В результате федаи сыграли решающую роль в свержении шахского режима в феврале 1979г. и во время Иранской революции смогли завоевать на свою сторону наиболее сознательную часть пролетариата. Почему социально-революционная линия, отстаивавшаяся, хоть и непоследовательно, в Иранской революции федаями была в конце концов разгромлена исламской контрреволюцией, какие

ошибки и слабости ОФИН способствовали этому – вопросы весьма важные, но выходящие за пределы данной работы.

Федаи были организацией, ведущей вооруженную борьбу. Однако завоевать доверие и уважение масс в других ситуациях можно было и другими путями. В Польше в 1970-х годов группа оппозиционных интеллигентов и рабочих активистов, придерживавшихся разных оттенков социал-демократических взглядов, создала Комитет защиты рабочих – весьма известный КАС-КОР. Благодаря неустанной пропаганде в рабочей среде именно КАС-КОР станет идейным ядром грандиозного рабочего протеста 1980г. и созданного на его волне профсоюза «Солидарность». Кончится для польского рабочего движения гегемония в нем эсдеков весьма плохо, но это уже другая история.

При всем нашем уважении к героям и мученикам ОФИН мы не являемся некритическими сторонниками ее программы и тактики. Тем более мы далеко не в восторге от КАС-КОР и «Солидарности». Однако то, что сделали иранские марксисты и польские эсдеки – создать ядро, способное влиять на массовый протест, давая ему внятную политическую программу, должны сделать и мы.

Следует подчеркнуть еще одно обстоятельство. Мы прекрасно понимаем, что в современных условиях активистами и организаторами небольших неофициальных профсоюзов становятся обыкновенно не худшие, а лучшие представители пролетарского класса, те, кто раньше других почувствовал и понял неизбежность борьбы. Они – нам не враги, а наши потенциальные товарищи, те, кого мы должны убедить в своей правоте, без чего развитие реального революционного движения невозможно.

Мы можем убедить их в своей правоте, именно потому, что в ней убеждает сама действительность, дающая весьма болезненные доказательства невозможности реформистской профсоюзной борьбы, как и невозможности революционного синдикализма, в современных условиях. Пролетарии, возлагающие искренние надежды на профсоюзную борьбу, после неизбежного краха этих надежд обречены на деморализацию, обречены, если не увидят другого выхода. Опыт рабочего движения в России за последние 20 лет, начиная с шахтерских стачек 1989г., дает множество примеров честных рабочих борцов, ставших профсоюзными начальниками и безвозвратно потерянных для освободительной борьбы пролетариата.

Мы – не регистраторы событий и не воспеватели добродетелей рабочего класса, с восторгом описывающие все, что делают рабочие. Мы – часть пролетарского класса, и столь же беспощадно-критичны по отношению к нашим товарищам по классу, как и к самим себе. Мы – часть пролетарского движения, часть, раньше других осознавшая его конечные цели, и именно поэтому мы можем и должны влиять на освободительную борьбу всего нашего класса.

Созданию реформистских профсоюзов и заведомо обреченным попыткам создания революционных синдикатов мы противопоставляем курс на вовлечение желающих и готовых бороться рабочих непосредственно в революционную организацию.

Лидер одной марксистской группы в частной беседе сказал как-то, что во время забастовки на одном заводе была возможность постепенного непосредственного вовлечения нескольких молодых рабочих в революционную организацию, но трагедия состояла в том, что революционной организации, хотя бы и очень маленькой, не было. Не было хотя бы нескольких людей, которые могли бы поставить себя так, чтобы завоевать доверие и уважение этих молодых рабочих...

Без всякого злорадства, и даже наоборот, мы можем видеть в этих словах подтверждение банкротства левого лежания последних 20 лет. Годы неустанной и тяжкой работы были растрачены впустую. Время и энергия тратились на поддержку чужих сил, а не на создание своей собственной. Пытались сделать то, что заведомо не могли сделать – по причине отсутствия силы, в результате не сделали того, что должны были сделать – создать собственную силу. Гоняясь за немедленными результатами, пытались «работать с массами», а в результате не смогли воспитать хотя бы нескольких человек, способных завоевать уважение у представителей этих пролетарских масс...

Если бы все вышесказанное относилось только к одной марксистской группе! На самом деле, это общая беда всего левого – как марксистского, так и анархистского – «движения», которое и движением называть язык не поворачивается.

Никто не совершит наше дело за нас – ни стихийное

движение масс, ни «массовые рабочие организации» – от реальных профсоюзов до идеальных ревсиндикатов – ни буржуазные оппозиционеры. Если объективным фактором подготовки революции являются глубинные общественные противоречия, расшатывающие стабильность капитализма и подготавливающие революционную ситуацию, то превратить потенциальную революционную силу в силу действительную могут только революционеры, только революционная организация, связанная с массами, питающаяся всегда существующей энергией народного недовольства и способная дать народным массам ясное понимание их собственных интересов и пути их собственного освобождения, способная энергично отстаивать конечные цели освободительной борьбы пролетариата.

Никогда не была так высока ответственность революционеров за судьбу человечества. До того, как разразится полномасштабная империалистическая война, до часа последнего и решительного боя, у нас есть несколько десятилетий. Если мы упустим их, цикл мировой истории, начавшийся полторы тысячи лет назад, закончится либо гибелью человечества, либо, в лучшем случае, вернется к исходной точке – к раннесредневековому варварству.

Если произойдет второй вариант, то радужные перспективы победы новой Парижской Коммуны или новой Октябрьской революции через полторы тысячи лет не могут заставить нас забыть о той чудовищной цене, которой будет оплачена подобная деградация человечества, и о том, что мы, претендующие в первой половине 21 века на гордое звание революционеров, окажемся полными банкротами...

В заключение мы хотим подчеркнуть, что написали данную статью исключительно для пользы дела. Революционные анархо-синдикалисты нам не враги, а товарищи. У нас с ними одна цель, но у нас есть очень сильное сомнение, что предлагаемый ими путь приведёт к данной цели. Мы не рассматриваем нашу точку зрения как абсолютно правильную и готовы к конструктивной полемике по данному вопросу.

Коллектив СРС

1 - http://aitrus.info/node/91

2 - «Коммунизм и синдикализм» в книге «Антология позднего Троцкого»,М.. 2007,сс. 124-137

3- см. например - http://revsoc.org/archives/100

4 - http://cnt.es/node/1509 (http://aitrus.info/node/442)

5 - См. этот номер журнала (стр. 12)

6 - http://revsoc.org/about

7 – http://revsoc.org/archives/3757

8 - http://revsoc.org/archives/3565

БОРЬБА И СТРАТЕГИЯ: АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМ В XXI ВЕКЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

«Дух анархо-синдикализма (...) живет в независимом действии,которое основывается на двух фундаментальных принципах: свободе и солидарности. Анархо-синдикализм рос и укреплялся через действия людей,набирающихся опыта,и учащихся через него (...) идея состоит в том,чтобы продвигать новое и более эффективное действие,посредством которого мы можем быстрее добиться лучшего общества. В этом и состоит дух анархо-синдикализма»

Self-Education Collective (2001)

Анархо-синдикализм – это течение в широком рабочем движении. История этого течения насчитывает вот уже более ста лет. В современных дискуссиях многие – как защитники анархо-синдикализма, так и его критики – воспринимают то, что было 50, 70 или 100 лет назад, как определяющее для всей этой традиции в целом. Но в действительности эта традиция отнюдь не однородна, а ее фундаментальные принципы не раз подвергались ревизии и иногда входили в противоречие с анархо-синдикалистской практикой. Анархо-синдикализм НКТ в 30ых вовсе не то же самое, что у НКТ 80ых. Опять-таки иной анархо-синдикализм у «Друзей Дуррути». То же верно и для ФОРА и т.д.

Все это подчеркивает необходимость точно разъяснить, что представляет из себя практически анархо-синдикализм в контексте 21-го столетия. В этом и заключается основная задача данной брошюры. Выполним мы эту задачу путем описания текущей стратегии действия на производстве [industrial strategy] Solidarity Federation (SF) с привлечением определенного исторического контекста, а также теоретическим прояснением понятия «революционный профсоюз» [revolutionary union], различных организационных ролей и связи между формой и содержанием классовой борьбы. Это теоретическое прояснение дается исключительно для того, чтобы дать информацию для современной практики, а вовсе не ради простого интеллектуального упражнения.

Таким образом, анархо-синдикализм для нас – это живая традиция, которая развивается через критическую рефлексию о нашем опыте и адаптацию его к новым условиям. Вполне может быть, что идеи, представленные здесь, не присущи лишь одной-единственной традиции рабочего движения и могут находить отклик и у тех, кто не называет себя анархо-синдикалистами – что будет лишь доказывать их действенность. Эта брошюра написана, чтобы продвигать новое и более эффективное действие, посредством которого мы можем все вместе быстрее добиться лучшего общества; она написана в духе анархо-синдикализма.

КЛАССИЧЕСКИЙ АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМ

«Трудящиеся,самостоятельно захватывая управление на всех предприятиях,организуются так,что отдельные бригады,фабрики и отрасли промышленности становятся независимыми участниками единого экономического организма и систематически осуществляют производство и распределение продукции... Задачей трудящихся должно быть освобождение труда от всех пут,которые наложены на него экономической эксплуатацией»

Рудольфь Рокер (1938)

Анархо-синдикализм появился в конце 19 века из либертарного крыла рабочего движения. Делая акцент на солидарности, прямом действии и рабочем самоуправлении, он отражал поворот к рабочему движению и коллективной, классовой борьбе в противовес доминировавшему тогда индивидуалистскому анархизму и «пропаганде действием» - бомбизму и покушениям, – которая получила распространение среди многих анархистов после подавления Парижской Коммуны в 1871.

Классические синдикалисты, включая многих анархо-синдикалистов, стремились объединить рабочих в революционные профсоюзы. Эту идею можно выразить лозунгом-принципом Индустриальных Рабочих Мира: «Один Большой Союз». ИРМ ставило целью построение крупных профсоюзов, которые в один день смогли бы объявить всеобщую забастовку и тем самым начать социальную революцию. Особенностью анархо-синдикалистов было то, что в отличие от ИРМ с одной стороны и марксистов и социал-демократов с другой, они отрицали разделение между экономической (профсоюзной) и политической (партийной) борьбой.

Они утверждали, что сами рабочие должны объединяться для борьбы за свои интересы, – будь то борьба на производстве или в любом другом месте, - а не передоверять ее специалистам – партийным и профсоюзным чиновникам, – и при этом они не должны пренебрегать политическими целями свержения капитала и государства в пользу чисто экономистской организации, занимающейся только вопросами заработной платы и рабочего времени.[1] Кроме того, они настаивали на том, что рабочие должны сохранять контроль над своими организациями с помощью инструментов прямой демократии – массовых собраний и отзываемых делегатов, снабженных императивным мандатом.

Задачей этих профсоюзов – как видно из приведенной выше цитаты Рудольфа Роккера – является экспроприация средств производства и последующее демократическое, свободное от начальников, управление ими. В этом плане преобладала тенденция, которая рассматривала профсоюзное строительство как «построение нового общества в недрах старого». Одни и те же структуры прямой демократии, созданные для борьбы с хозяевами, должны были стать основой структуры нового общества после успешной экспроприации хозяев.

Как следствие, строительство профсоюза рассматривается как строительство нового общества и как организация социальной революции, которая приведет к нему. Классовая борьба становится не просто вопросом (само)организации, но вопросом строительства этой организации. Когда профсоюз достигнет необходимых размеров и влияния, он сможет объявить всеобщую революционную забастовку, из

которой вырастет либертарный коммунизм. [2] Итак, есть конкретный проект социальной революции, который надо просто воплотить в жизнь.

Такой подход, казалось, доказал свою жизнеспособность с началом Испанской революции в 1936г., в которой анархо-синдикалистская НКТ играла видную роль. В Барселоне рабочие-члены НКТ взяли под свой контроль фабрики, транспортную систему и другие рабочие места. В сельской местности коллективизировалась земля и провозглашался либертарный коммунизм. Однако революция закончилась трагически, поражением, но прежде мир стал свидетелем парадоксального зрелища: НКТ стала продвигать в министры анархистов и уговаривала восставших рабочих уйти с улиц.

Опыт Испании породил множество критики в адрес анархо-синдикализма, вдобавок к той, что имелась ещё в начале 20го века. К этой критике мы теперь и обратимся.

КРИТИКА КЛАССИЧЕСКОГО АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМА

«Современный пролетарский класс не ведет борьбу согласно плану,изложенному в какой-либо книге или теории; борьба современных рабочих – это часть истории, часть социального прогресса,и внутри истории,внутри прогресса,внутри борьбы мы учимся,как нам следует бороться...»

Роза Люксембург (1918)

Критика шла с разных сторон. Мы сконцентрируемся лишь на четырех позициях, так как они также стремятся к установлению либертарного коммунизма, а потому имеют значение для развития анархо-синдикалистской практики (в отличие от, скажем, социал-демократической критики). Если расставить эти типы критики по степени их жесткости, то это: критика изнутри, в разгар Испанской революции, со стороны Друзей Дуррути; критика, идущая от платформистской традиции, выросшей из уроков анархистской революции в Украине 1917 года; критика, исходящая от тенденции «коммунистов советов», в особенности, Розы Люксембург; и, наконец, критика со стороны «ультралевых», прежде всего – Жиля Дове.

Критика «Друзей Дуррути»

«Друзья Дуррути» были группой рядовых активистов НКТ во время Испанской Революции. Их критика сосредотачивалась на том, что НКТ, разгромив армию и захватив улицы и рабочие места, не знала, что делать дальше. *«НКТ не знала,как осуществить свою роль. Она не хотела двигать революцию вперёд со всеми последствиями. (...) Она действовала, как группа меньшинства, несмотря на то,что у неё было большинство на улицах»*. НКТ просто занялась самоуправлением рабочих мест и сотрудничала с остатками государства, вместо того, чтобы окончательно расправится с государством, и двигаться дальше к либертарному коммунизму. По мнению «Друзей Дуррути», НКТ не доставало двух вещей: «программы и винтовок».

Платформистская критика

Платформистская критика во многом схожа с критикой «Друзей Дуррути». Поддерживая структуры анархо-синдикалистских рабочих союзов, платформисты настаивали на необходимости независимой либертарно-коммунистической организации, отстаивающей коммунистическую программу внутри массовых организаций. Такая организация должна быть «всеобщим союзом анархистов и основываться на четырех основных принципах: теоретическое единство, тактическое единство, коллективная ответственность и федерализм». [Махно, Аршинов. Организационная Платформа Всеобщего союза анархистов]

В противовес классическому анархо-синдикализму, современный платформизм стремится не создавать свои массовые организации, а внедряться в уже существующие и направлять их по пути анархизма. Например, относительно крупная платформистская организация Workers Solidarity Movement (WSM) утверждает, что «не важно насколько консервативен тот или иной профсоюз, это никак не меняет тот факт, что профсоюзы остаются самыми важными массовыми организациями рабочего класса. (...) Работа в них – это крайне важный вид деятельности» [WSM. Anarchist position on the Trade Unions]. Поэтому они выступают за преобразование существующих профсоюзов в направлении анархо-синдикалистских структур, основанных на системе делегатов с императивным мандатом и правом отзыва, на низовом контроле и т. д.[3]

Критика коммунистов Советов

Роза Люксембург критиковала анархо-синдикалистов за недиалектический взгляд на революцию. В их представлениях для революции надо было просто создать определенную организацию, «один большой союз», и назначить дату революционной всеобщей стачки. Такая стратегия не предполагала никакой спонтанности или воспитания в ходе борьбе и соответствующих изменений в форме организации; анархо-синдикалистский профсоюз берется как нечто неизменное. Люксембург противопоставляла всеобщей стачке стачку массовую, более спонтанное выражение классовой борьбы, не вызываемое никакой сторонней группой.

Ее размышления о массовых забастовках в России, которые она называла «исторической ликвидацией анархизма», привели ее к формулированию концепции «диалектики спонтанности и организации». Для Люксембург, организация зарождается внутри самой классовой борьбы, а анархо-синдикалисты ставили организацию впереди борьбы; для них строительство профсоюза было тем же, что и строительство революционной борьбы, ведь именно профсоюз должен был объявить революционную всеобщую забастовку.

Ультралевая критика

Особенно жестко анархо-синдикализм критиковал коммунистический теоретик Жиль Дове. Если «Друзья Дуррути» и платформисты причину неудач анархо-синдикалистов видели в отсутствии четкой коммунистической программы, а Роза Люксембург и ратекоммунисты ставили им вину априорный отказ от непредвиденных, спонтанных проявлений классовой борьбы, то Дове утверждает, что проблема имеет куда более фундаментальный характер:

« "Нельзя уничтожить общество с помощью организаций, которые существуют, чтобы охранять его. (...) Любой класс, который хочет самоосвобождения, должен создавать свою собственную организацию" писал Ю. Лагардель в 1908ом, не осознавая того, что эта критика также применима к профсоюзам (включая якобы революционно-синдикалистскую ВКТ, которая быстро шла к бюрократизации и межклассовому сотрудничеству) в той же степени, что и к партиям Второго Интернационала. Революционный синдикализм отметал избирателя и выбирал производителя, забывая что буржуазное общество создает и живет за счет обоих. *Коммунизм обойдется без тех и без других»*. [G. Dauve. A Contribution to the Critique of Political Autonomy]

Дове утверждает далее, что «целью старого рабочего движения был захват старого мира и управление им по-новому: заставить бездельников работать, развивать производство, вводить рабочую демократию (в принципе, по крайней мере). Лишь крошечное меньшинство «анархистов» и «марксистов» утверждало, что новое общество означает уничтожение государства, товара и наёмного труда, хотя оно редко определяло это как процесс, скорее как программу, которую следовало применить на практике после захвата власти». [Ж. Дове, Слово из будущего]

СОВРЕМЕННЫЙ АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМ

«Результат принесла железная решимость и находчивость не только части пуэрто-реальских рабочих,но и всего населения города. Массовые собрания на верфях и окружающих территориях вовлекали рабочих,их семьи, их соседей и остальных сочувствующих. Инициирование и поддержка вовлеченности целых округов в массовые собрания было значимым достижением»

Solidarity Federation (1995)

У нас есть множество примеров современной анархо-синдикалистской практики, начиная с органайзинга локальных групп в Германии и Нидерландах, описанного в брошюре бременской ячейки FAU, и сетевой организации McDonalds Workers Resistance, и заканчивая последними выступлениями трудящихся в Испании, Австралии и других странах мира. Однако здесь мы остановимся на двух примерах, которые выбиваются из стандартных анархо-синдикалистских схем и демонстрируют элементы современной практики, на которых особенно обращается внимание в стратегии действия на рабочем месте SF. Один из этих примеров – борьба докеров в Пуэрто-Реале (Испания, Андалусия) в 1987 году, а второй – коллектив Workmates, существовавший среди рабочих, обеспечивающих работу ж/д путей в Лондоне в начале 2000-ых.

Пуэрто-Реаль

Когда испанское правительство огласила программу «рационализации» пуэрто-реальских верфей, рабочие пошли на стачку. НКТ была на передовой, стремясь распространить действия на прилегающие территории. Удалось не только одержать победу над правительством, но и гарантировать некоторое повышение оплаты и улучшение условий труда. Самой примечательной чертой движения было распространение массовых собраний как в доках, так и в прилежащих территориях. Эти собрания были независимыми органами борьбы, контролирующими ее снизу-вверх. Люди сами принимали решения, отрицая контроль со стороны неподотчетных политиков, профсоюзных чиновников или «экспертов», и поддерживали контроль на рабочих местах и на улице.

Эти органы отражали тот вид «диалектики спонтанности и организации», в отказе от которого Роза Люксембург обвиняла анархизм столетие назад. НКТ не пыталась сагитировать всех участников собраний вступить в синдикат, чтобы затем объявить забастовку (хотя число ее членов и долгая агитация, конечно же, способствовали ее влиянию). Когда было объявлено о рационализации они старались сделать массовые собрания открытыми для всех рабочих, вне зависимости от членства в профсоюзе, отстаивая при этом основные принципы анархо-синдикализма: солидарность, прямое действия, низовой контроль.

Workmates

Workmates образовались как небольшая группа активистов, занятых на различных ремонтных и технических специальностях в Лондонском Метрополитене в 2002 году. Среди них были рельсоукладчики, сварщики рельс, столяры, ультразвуковые контролеры рельс, работники бригад по очистке колеи, машинисты и т.д. В феврале 2003 г. на встрече с участием около 150 рабочих было принято единогласное решение перестать быть расплывчатым коллективом членов Национального профсоюза транспортников (RMT) и создать совет делегатов в духе анархо-синдикализма. Каждая бригада рабочих (обычно где-то 8-12 человек) выбирала отзываемого делегата и снабжала его мандатом на участие в заседании совета.

Лондонский Метрополитен использовал большой штат временных, не входящих в профсоюзы работников. Эти рабочие также входили в Workmates, который был независим от RMT и открыт для всех работников метро (за исключением штрейкбрехеров и администрации). Первоначально борьба Workmates была связана с сопротивлением приватизации метрополитена и последующим нападкам на условия труда. Хотя Метрополитен все же был приватизирован, Workmates смогли впоследствии одержать ряд побед, после того как массовые собрание организовали итальянские забастовки, а делегаты консультировались со своими бригадами, чтобы планировать дальнейшие действия.

Однако были и поражения. В сочетании с высокой текучестью кадров это означало, что уровень вовлеченности трудящихся и самой борьбы был недостаточен для поддержания структуры делегатного совета. Из-за этого

Workmates стал лишь остаточной сетью активистов, а не независимым профсоюзом. Однако наследие в виде массовых собраний в столовой в случае какого-либо конфликта осталось, а уровень солидарности и сейчас довольно высок, как видно по уровню поддержки подвергшегося репрессиям активиста из депо, где в основном работают участники Workmates, что заставило администрацию пойти на попятный.

О ФОРМЕ И СОДЕРЖАНИИ (ПЕРВОСТЕПЕННОСТЬ БОРЬБЫ)

«Коммунистическая революция означает создание некоммерческих,нетоварных,кооперативных и братских общественных отношений,что подразумевает уничтожение государственного аппарата и устранением разделений между предприятиями,вместе с деньгами как универсальным посредником (и начальником) и работы как обособленной деятельности. Вот в чем заключается содержание революции. Это содержание не выводимо ни из какой формы. Некоторые формы несовместимы с содержанием... Мы не утверждаем,что цель – это единственное,что имеет значение,– цель всегда создается из средств».

Жиль Дове (2008)

Анархо-синдикализм часто связывают с определенными организационными формами: революционными профсоюзами, массовыми собраниями, советами делегатов, снабжаемыми императивными мандатами. Но нельзя забывать, что эти формы всегда остаются лишь выражением определенного содержания. Гончар может сделать посуду любой формы из куска глины, но он не сделает емкость никакой формы, если у него нет глины. Структура подразумевает наличие субстанции, содержание определяет форму. Однако мы не философы, интересующиеся подобными тонкостями ради них самих, нас интересует их практическое применение. Что же это за содержание, которому анархо-синдикализм стремится придать форму?

Это содержание – классовая борьба. Конфликт между классами имманентен капитализму, ибо капитал определяется нашей эксплуатацией. Мы понимаем классовую борьбу как *процесс самоорганизации* с целью коллективного отстаивания наших конкретных, человеческих потребностей. А так как эти потребности входят в противоречие с интересами накопления капитала, то отрицание античеловеческих условий содержит в себе зерно будущей человеческой коммуны, т.е. либертарного коммунизма, революции, как она описана в приведенной цитате Дове. В случае коллектива Workmates, мы видим как это содержание – определенный уровень активности – выливается в анархо-синдикалистскую форму, форму, которая распадается со снижением уровня борьбы из-за высокой текучести кадров и некоторых существенных поражений.

Так как классовая борьба имеет приоритет перед определенными формами, которые она принимает и которые являются лишь средством отстаивания наших конкретных материальных потребностей и, в конечном счете, общества, основанного на наших потребностях, то мы стремимся придать этой борьбе определенные формы. Эти формы

не могут быть созданы из ничего, но мы можем стремиться придать отдельной форме несоизмеримое содержание, в свою очередь, сосредоточившись на этом содержании и развив его. Здесь уже аналогия с гончаром становится неуместной, ибо одни формы развивают и укрепляют борьбу, в то время как другие сдерживают и ослабляют ее. Связь здесь носит диалектический характер: определенная форма, которую принимает борьба, влияет на развитие самой борьбы. Поскольку лишь классовая борьба создаст либертарный коммунизм, мы всегда должны отдавать ей предпочтение перед нуждами тех или иных форм организации. В этом состоит урок «Друзей Дуррути», когда те столкнулись с угрозой исключения из НКТ за выступления в пользу революционной борьбы против государства, частью которого стала НКТ.

НЕКОТОРЫЕ НЕОБХОДИМЫЕ РАЗЛИЧИЯ

«Самой важной вещью,на которую я бы хотел обратить внимание,было то,что [в Пуэрто-Реале] нам удалось создать структуру,при которой перманентно проходило общее собрание. Другими словами,решения в ходе конкретного конфликта принимались теми людьми, которые были непосредственно вовлечены в конфликт».

Пепе Гомес, НКТ (1995)

Прежде, чем мы продолжим, нам придется сделать три концептуальных разграничения. Причины для такого уточнения станут очевидными в последующих разделах. Однако оно необходимо и для того, чтобы должным образом понять саму стратегию действия на производстве, которая содержится в данной брошюре.

Перманентные/неперманентные организации

Пепе Гомез выше описывает собрания в Пуэрто-Реале как «перманентные», но в то же время он отмечает, что они были выражением «конкретного конфликта». Возможно, правильнее было бы говорить о них как о «регулярных». Мы определяем перманентные организации как те организации, что продолжают действовать в период между циклами борьбы; политические партии, профсоюзы, анархистские пропагандисткие группы – все это примеры перманентных организаций. Соответственно, неперманентные организации – это те организации, которые являются выражением определенного уровня борьбы и не могут существовать вне него, не превращаясь при этом в нечто совершенно иное. Собрания в Пуэрто-Реале подходят под эту категорию. Для нас, следовательно, регулярные собрания не равнозначны перманентной организации.

Массовые организации/организации меньшинства

Мы называем массовой организацией такую организацию, которая открыта для всех рабочих вне зависимости от области, в которой они действуют (если организация открыта для всех людей, вне зависимости от класса, то ее мы называем народной). *Организацией меньшинства* мы называем такую, которая имеет определенные, обычно политические, критерии приема членов, что не допускает вступления некоторых людей. Профсоюз – это пример массовой организации, а Solidarity Federation – организации меньшинства, так как она требует согласия со специфическими, революционными целями и принципами, которые всегда будут маргинальными в отсутствие революционной ситуации. Некоторые антивоенные группы 2002-04гг., по крайней мере те, что были организованы через открытые публичные митинги (так было в Брайтоне), являются примером народной организации.

Революционные/прореволюционные организации

Последняя характеристика – это революционность/прореволюционность организации. Революционной организацией мы называем ту организацию, которая способна совершить революцию. Это по определению массовые организации, так как никакое меньшинство не может делать революцию от имени класса – подводные камни такого ленинистского авангардизма хорошо известны, и о них здесь не нужно повторяться. Прореволюционная организация – это организация, которая выступает за революцию, но не в состоянии совершить ее сама. Примером такой организации будет пропагандистская группа. Термин «прореволюционная» не очень удачен, на практике лучше использовать нечто вроде термина «агитационная», но этот термин не так четко указывает на соотношение между организацией и революцией.

ОРГАНИЗАЦИЯ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ РОЛИ

«Организация всегда необходима,но фиксация только на своей организации несет в себе опасность. Вместо этого мы отстаивает многообразие групп и организаций,которые образуются в разных ситуациях и служат разным направлениям классовой борьбы. Некоторые из них лишь временны,другие – постоянны».

Riff Raff (1999)

На основании определений из предыдущего раздела мы можем выделить четыре основных типа организации. Конечно, существует множество форм организации, но только некоторые из них представляют интерес для анархо-синдикалистов, поскольку только они предоставляют возможность для развития классовой борьбы как «здесь и сейчас», так и, в конечном счете, в направлении социальной революции и либертарного коммунизма. Поскольку это идеальные типы и, следовательно, не вся фактически существующие организаций четко укладываются в ту или иную категорию, они устанавливают реальные противоречия в организациях, которые пытаются игнорировать логику, присущую их конкретной организационной форме. Для большей наглядности мы приведем некоторые практические примеры.

Массовые перманентные организации

Массовые перманентные организации, по определению, не привязаны к уровню боевого настроя их членов и, более широко, к уровню классовой борьбы. Следовательно, они не являются выражением самоорганизации рабочих, которая нас и интересует, а являются представлением рабочих как рабочих. Поэтому мы не можем считать ни профсоюзы, ни массовые рабочие партии революционными организациями. В случае профсоюзов, их структурная функция как представителей рабочей силы в рамках капитализма вынуждает их предлагать работодателям качественный товар – т.е. дисциплинированную рабочую силу.

Если они не смогут обеспечить спокойную обстановку на рабочем месте, они не смогут участвовать в переговорах. Такое социальное партнерство неотъемлемо присуще идее массового и перманентного представительства трудящихся, не связанного с классовой борьбой. Более того, они разделяют рабочий класс по отраслевому/профессиональному признаку и, помимо их структурной ограниченности, они ещё и связаны обязательствами перед законом, призванным гарантировать выполнение данных функций, включая ограничения на проведение акций солидарности, подачу уведомления о проведении забастовок под страхом конфискации профсоюзной кассы и ареста официальных лиц профсоюза.

Если уровень борьбы низок, то профсоюзы работают рука об руку с менеджментом, чтобы навязать рабочим сокращения и реструктуризации. Если уровень борьбы растет, они будут вести себя более воинственно и действовать как некое ограниченное выражение этой борьбы, чтобы предстать перед рабочими в качестве истинных выразителей их интересов, проводя символические однодневные забастовки и т.п. Тому есть масса примеров [4]. Когда эта борьба принимает самоорганизованный характер и на-

чинает выходить за организационные и легальные рамки профсоюзной формы – через развитие массовых собраний, диких стачек, летучих пикетов и т.д. – может произойти одно из двух. Профсоюз либо выступит против низовых действий рабочих (пример – изоляция спонтанных действий почтовиков Ливерпуля во время общенациональной забастовки в 2007ом), либо он на деле прекратит своё существование в качестве перманентной организации. В последнем случае, он будет заменен структурой массовых собраний, которая прямо зависит от уровня борьбы и потому является неперманентой, потенциально революционной организацией, преодолевающей массовую перманентную форму профсоюза.

Следовательно, мы не просто считаем перманентные массовые рабочие организации нереволюционными, для нас они, в конечном счете, являются контрреволюционными институтами (уточним: мы не говорим, что члены профсоюзов – контрреволюционеры, мы ведем речь именно о профсоюзе как социальном институте). Контрреволюционная природа профсоюзов вытекает не из плохого руководства, бюрократизации или недостатка внутренней демократии, наоборот – бюрократия и недемократичность вытекают из логики перманентных массовых организаций, представляющих рабочих как рабочих. Так как революционные формы отражают классовую борьбу, а потому неизбежно являются неперманентными, то отрыв формы от содержания – это контрреволюционная инерция.

Конечно, из этого не следует, что мы отвергаем членство или работу в профсоюзах, поскольку их, в конечном счете, контрреволюционная природа не означает, что если они внезапно прекратят свое существование, то тут же начнется революция. Профсоюзы тормозят борьбу лишь тогда, когда она доходит до степени самоорганизации, вступая в противоречие с постоянной формой. До этих пор они действуют как ограниченное выражение борьбы, именно с тем, чтобы обеспечить свою роль в качестве представителей трудящихся. Поэтому, как рабочие, мы считаем, что есть смысл состоять в профсоюзе, если он официально признан *(здесь мы не согласимся с SF – прим. СРС)*.

Но будучи анархо-синдикалистами, мы не питаем никаких иллюзий относительно возможности преобразовать их в соответствии с нашими принципами. Вместо этого, мы призываем к анархо-синдикалистской стратегии массовых собраний, отзываемых делегатов с императивным мандатом, советам делегатов и акциям солидарности, невзирая на волю профсоюзов, и пытаемся осуществить эту стратегию там, где это возможно. Реформирование профсоюзов – это пустая трата времени, так как уровень самоорганизации, необходимый для проведения таких реформ, делает саму эту реформу абсолютно ненужной, так как при нем мы уже сами будем мощной независимой силой, добивающейся любых поставленных целей. На рабочих местах, свободных от влияния существующих профсоюзов, мы выступаем за альтернативные структуры, о которых мы расскажем чуть позже.

Перманентные организации меньшинства

Это тот вид организации, который привычен для нас сегодня. Для анархо-синдикалистов представляют интерес две различные про-революционные роли таких организаций: пропагандистские группы и сообщества активистов [network of militants]. Организация может выполнять обе эти функции – как в случае с SF, которая стремиться разработать двойную структуру территориальных и производственных сообществ – или одну из них. Наши собственные предпочтения мы обрисуем в разделе «Как мы это видим», пока же достаточно понять, что в рамках данного типа организации могут выполняться различные роли. Если речь идет о группах на рабочем месте, то мы предпочитаем не использовать термин «профсоюз», так как он имеет четкую коннотацию массовой организации.

Неперманентные организации меньшинства

Этот тип организации в сущности не отличается от перманентной организации меньшинства, отличие только в том, что такие организации создаются, исходя из потребностей классовой борьбы в данное время и в данном месте, а не на основе некоей общей стратегии. Образцами будут «Друзья Дуррути» как гибрид пропагандистской группы и сообщества активистов, и, возможно, группы на рабочих местах, такие как McDonalds Workers Resistance – неформальные социальные сети «безликого сопротивления», описанные шведской коммунистической группой Kampa Tillsammans, а также некоторые антивоенные активистские группы, получившие развитие в ходе антивоенных выступлений 2002-03гг. Учитывая их меняющуюся и непостоянную природу, единственный стратегический подход к этим организациям, который мы можем предложить, - это поддерживать их там, где они образуются, и пытаться создавать их в своем районе/рабочем месте, где и когда это удается.

Массовые неперманентные организации

Массовые неперманентные организации – это продукт определенного уровня классовой борьбы, и поэтому их нельзя создать методом постепенного набора членов. Для нас только эти организации могут быть потенциально революционными, так как они являются массовым выражением нарастающего классового конфликта. Сегодня мы может строить только прореволюционные организации меньшинств, которые могут создавать сообщества, вести пропаганду, агитировать за развитие классовой борьбы и, по мере ее развития, придать ей анархо-синдикалистские формы. Мы полагаем, что неспособность признать фундаментальное различие между массовыми революционными организациями и прореволюционными организациями меньшинства может привести только к путанице и деморализации. Только признав взаимосвязь между организацией и классовой борьбой, мы можем понять, что мы можем делать на практике здесь и сейчас, и как это приближает нас к массовым революционным профсоюзам (подробнее об этом в следующем разделе «Как мы это видим»).

Возвращаясь назад

Следует помнить, что эти четыре организационных типа есть до известной степени идеализация. Группы, существующие в реальности, фактически являются комбинациями этих типов. Однако эти идеальные типы отражают действительные противоречия в организации. Например, парадокс массовой революционной организации на основе прямой демократии в период, когда большинство рабочих не прореволюционны, диктует вполне реальные количественные границы всем попыткам создания революционных профсоюзов здесь и сейчас. Взять, к примеру, раскол между испанскими НКТ и СЖТ по вопросу участия в контролируемых государством цеховых советах – органах межклассового сотрудничества.

Исключение шведской SAC из Международной Ассоциации Трудящихся (IWA) по тем же причинам также отражает этот парадокс: внутренняя демократия в массовой организации в период, когда большинство трудящихся не выступает за революцию, означает, что организация должна была пожертвовать одним из двух: либо внутренней демократией, либо революционными принципами – то есть, так или иначе, порвать с анархо-синдикализмом. Единственная альтернатива – невероятно успешная внутренняя просветительская работа, позволяющая превратить всех членов в сторонников революции. Более того, само сосуществование революционной организации и государства неизбежно будет нестабильным, переменной ситуацией двоевластия. Организация либо совершит революцию, либо будет разгромлена или привыкнет к подзаконному существованию в качестве обычного профсоюза.

Следовательно, хотя описанные нами организационные типы не определяют все фактически существующие организации, они демонстрируют, какие типы организаций имеются в реальности и какие противоречия возникают в организациях, которые пытаются их сочетать. Этот парадокс может быть разрешен только с развитием классовой борьбы и классового сознания – а потому революционные профсоюзы неизбежно являются неперманентными продуктами борьбы, и попытки их поддержания вне рамок борьбы приведут к тому, что они начнут играть контрреволюционную роль. Без активной борьбы они смогут стать лишь органами представительства рабочих внутри капитализма, но не органами окончательного уничтожения рабочего класса.

НАШЕ ПОНИМАНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

«Экономика либертарного коммунизма,система,где нет рынка и где каждый имеет равные права в удовлетворении своих потребностей,всегда была целью анархо-синдикалистов. Рабочее самоуправление мало что дало бы в мире неравенства,где решения диктуются рынком».

Solidarity Federation (2003)

Анархо-синдикалисты являются либертарными коммунистами. Без коммунистической перспективы, анархо-синдикализм мало чем отличался бы от демократического тредюнионизма, выступающего за самоуправляемый капитализм. Коммунисты понимают, что капитализм – это не просто недемократичный способ управления, но способ производства. Его демократизация ни сколько не делает его более соответствующим человеческим нуждам, пока сохраняются деньги, товарное производство и обмен. Следовательно, в противовес классической позиции Рудольфа Рокера, процитированной выше, мы понимаем революцию не просто как захват производства и его демократическое самоуправление, но как процесс коммунизации – перестройки общественного производства в соответствии с человеческим потребностями.

Это означает не освобождение рабочего класса, описываемое Рокером, но его уничтожения как класса, а значит и всех классов вообще. Это также означает не демократизацию работы, но ее уничтожение как обособленной человеческой деятельности. Деятельность, оплачиваемая или нет, потенциально полезная и творческая сама по себе, сведена к повторяющейся, отчуждающей работе ради целей накопления капитала. Нам нужно не демократически самоуправляемое отчуждение, но его уничтожение. Кроме того – и это имеет практическую значимость для анархо-синдикалистов – целые секторы экономики будут уничтожены полностью, а те, что останутся, должны будут подвергнуться радикальной перестройке в плане разделения труда и природы самой созидательной деятельности.

Это крайне важно, так как, скажем, массовые собрания работников кол-центров или финансовых компаний будут частью любого революционного выступления, но сами кол-центры и финансовые компании не будут существовать в либертарно-коммунистическом обществе. В некоторых районах Великобритании почти половина работников занята в этих отраслях. Однако в какой-то момент этим собраниям придется принять решение о самороспуске в рамках общего процесса реорганизации производства, ориентирующегося на человеческие потребности, процесса, который и составляет социальную революцию. Это ещё раз показывает ограниченность классического подхода, который фокусируется на самоуправлении, и подчеркивает необходимость ясно и недвусмысленно заявить, что мы коммунисты и что социальная революция есть процесс коммунизации.

КАК МЫ ЭТО ВИДИМ

"Мы хотим создать общество,основанное на рабочем самоуправлении,солидарности,взаимопомощи и либертарном коммунизме. Это общество может быть достигнуто только организациями рабочего класса,основанными на тех же самых принципах – революционными профсоюзами (...) Революционной профсоюз есть средство трудящихся для организации и борьбы со всеми проблемами - и на рабочем месте и вне его".

Конституция Solidarity Federation (2005)

Как мы видели, анархо-синдикалистский профсоюз – это не просто по-настоящему демократический профсоюз, но нечто совершенно иное и с совсем другими целями. Такие перманентные массовые организации, как профсоюз, существуют как формы, которые организуют трудящихся. Революционные профсоюзы, наоборот, являются *выражением процесса самоорганизации трудящихся* в ее наивысших точках. Поэтому, для образования таких организаций нам следует вести агитацию за развитие самой классовой борьбы. Фраза «строительство профсоюза» не имеет смысла и отражает фетишизм формы – форма может быть лишь выражением содержания, то есть, классовой борьбы.

С нашей точки зрения, революционный профсоюз неизбежно является неперманентным, потому что он служит выражением определенной волны в классовой борьбе. Он не может пережить борьбу, выражением которой он служит, не становясь чем-то совершенно иным, чем-то *контрреволюционным*, именно потому, что анархо-синдикалистские профсоюзы *определяются* участием в борьбе, прямым действием, солидарностью и контролем снизу. Особая форма, которую порождают такие профсоюзы, – это массовые собрания, открытые для всех трудящихся (за исключением штрейкбрехеров и администрации), и отзываемые делегаты с императивным мандатом, формирующие советы де-

легатов с целью координации борьбы. По мере роста числа таких собраний, они объединяются по регионам и отраслям производства.

Чтобы развить классовую борьбу до той точки, когда будет возможно появление революционных профсоюзов, анархо-синдикалистам могут быть «здесь и сейчас» полезны две организационные роли. Это либертарно-коммунистические пропагандистские группы (разновидностью которых являются анархо-синдикалистские пропагандистские группы) и сообщества активистов (их разновидностью служат сообщества на производстве [industrial networks], на которых мы сосредоточим свое внимание).

В отличие от платформистского «всеобщего союза анархистов» или лево- коммунистической «единственной пролетарской партии», мы проявляем больший плюрализм в том, что касается пропагандистских групп. Хотя мы против бесполезного дублирования сил и ресурсов, мы также против ложного единства, которое часто сопровождает попытки объединить всех в одну единственную политическую организацию. Если между группами существуют реальные политические различия, они должны организовываться независимо друг от друга. Это, однако, не является препятствием для практического сотрудничества в конкретных проектах в общих интересах. Поэтому, хотя мы твердо убеждены в своих идеях и стремимся убедить в них других, в том, что касается пропагандистских групп, мы выступаем за несектантский, плюралистический подход и братское сотрудничество всюду, где это возможно, с тем, чтобы распространять либертарно-коммунистические идеи и развивать классовую борьбу.

В том, что касается пропаганды, мы преследуем две цели: привлечь других сторонников революции на наши позиции и к нашей тактике, и шире распространить тактику анархо-синдикализма и либертарно-коммунистические идеи в среде рабочего класса. Самое очевидное средство достижения первой цели – издание брошюр и участие в дискуссиях с более широкой «про-революционной» средой: если мы уверены в наших идеях, мы не должны бояться их открытого столкновения с другими. Вторая цель распространения наших идей среди более широкого класса влечет за собой такие действия как выпуск и распространение стачечных бюллетеней на пикетах или распространение пропаганды на рабочих местах, где возможны увольнения, а также работа в Интернете и проведение публичных митингов.

Что касается сообществ на производстве, мы рассматриваем членство в них как в меньшей мере обусловленное идеями и в большей – экономическим положением (работой и борьбой в той или иной отрасли производства). Конечно, требуется и определенный уровень согласия с нашей теорией и тактикой – сообщества не аполитичны, – но он, с нашей точки зрения, может быть не столь высоким, как для пропагандистской группы. К примеру, было бы глупым не объединиться в организацию с другими активистами только потому, что они по-иному понимают революцию или еще не убеждены в ее необходимости, но, тем не менее, поддерживают прямое действие, массовые собрания и низовой контроль.

Как следствие, мы считаем, что членство в политической организации не должно быть необходимым условием для присоединения к сообществу на рабочем месте, поскольку это создавало бы ненужную преграду для создания и роста таких сообществ. Поэтому мы рассматриваем развитие таких сообществ как конкретный проект для практического сотрудничества с другими «про-революционными» группами и неприсоединившимися к ним людьми, которые также испытывают потребность в этих сообществах. Роль сообществ должна состоять в выпуске пропагандистских материалов, касающихся конкретной отрасли производства, и ведении агитации за прямое действие, солидарность и контроль снизу. Для начала это означает невидимое, «безликое сопротивление», но цель состоит в том, чтобы способствовать возникновению открытого конфликта под контролем массовых собраний всех работников.

Может показаться, что это представляет собой разделение политической и экономической организации, что чуждо анархо-синдикализму. Мы не согласны с такой оценкой. Обе организационных роли обращаются и к «экономическим», и к «политическим» проблемам классовых интересов, будь то заработная плата и условия труда, пограничный контроль или право на аборт. Единственным разделением является материальный факт капиталистического общества – у нас общее экономическое положение с коллегами по работе, и они могут быть борющимися активистами, не разделяя всех наших политических идей. Мы просто говорим, что это не должно быть преградой для совместных действий, просто это следует признать и строить организацию соответствующе. Мы полагаем, что роли пропагандистских групп и сообществ на производстве являются средствами достижения этого.

Наконец, мы должны сказать, что список действий, приведенных в качестве примеров для каждого типа организации, отнюдь не исчерпывающий. Бывают, к примеру, времена, когда любой тип организации может выступать в форме прямого действия – для поддержки либо своих членов, либо других борющихся трудящихся, которые, по тем или иным причинам, не могут предпринять определенные формы действия самостоятельно[5]. Все возможности, которые создаются в ходе классовой борьбы, нельзя знать заранее, и было бы глупо пытаться сделать это, точно и исчерпывающе расписав все, что должна делать каждая организация. Вместо этого мы стремимся всего лишь описать виды организации, которые могут продвинуть вперед классовую борьбу и приблизить нас к либертарному коммунизму.

СТРАТЕГИЯ ДЕЙСТВИЯ НА ПРОИЗВОДСТВЕ

Solidarity Federation стремится к созданию активного движения сопротивления капиталистам и государственной власти, – движения, контролируемого самими рабочими. Ее стратегия может примениться как членами официальных профсоюзов, желающими организоваться независимо от профбюрократии, так и теми, кто хочет создать другой тип самоорганизации.

Низовой контроль

Решения должны приниматься коллективно. Это означает, что они должны приниматься массовыми собраниями, а не профсоюзными чиновниками. В этих массовых собраниях участвуют все работники, независимо от их членства в профсоюзе. В них не участвуют штрейкбрехеры и администрация.

Любой, кого мы выбираем для переговоров с администрацией, должен получить мандат от работников, который дает им ясный наказ относительно того, что приемлемо, а что нет. Массовые собрания трудящихся должны иметь возможность отзыва всех делегатов в любой момент.

Прямое действие

Под прямым действием на рабочем месте понимаются забастовки, итальянские забастовки, работа строго «по правилам», захват предприятий и бойкот. Мы против всяких альтернатив, предполагающих «партнерство» с хозяевами. Трудящиеся могут добиться серьезных уступок от администрации только тогда, когда прибегают к забастовкам или когда хозяева боятся, что забастовка может произойти.

Солидарность

Солидарность с другими трудящимися – ключ к победе. Трудящиеся должны поддерживать все конфликты с участием других трудящихся, несмотря на антипрофсоюзные законы. Мы должны напрямую обращаться к другим трудящимся за поддержкой. «Не пересекайте линию пикетов!»

Контроль над фондами

Забастовочные фонды должны контролироваться самими трудящимися. Чиновники откажутся финансировать не разрешенные законом акции солидарности. Профбюрократы используют официальную поддержку и выплаты бастующим для того, чтобы начинать действие и прекращать его, как открывают и закрывают кран.

Профсоюзы используют большую часть своих политических фондов на поддержку кандидатов в депутаты парламента. Поддержка лейбористской партии не отвечает интересам трудящихся. Мы не должны также попадать в ловушку поддержки так называемых «социалистических» кандидатов. Парламентская система предполагает, что рабочий класс не осуществляет власть и контроль, а отказывается от них.

Социальные изменения

Интерес рабочего класса заключается в разрушении капиталистического общества. Все богатство общества производится трудящимися. Однако часть его превращается в прибыли акционеров и бизнесменов, владеющих средствами производства. Когда трудящиеся выдвигают требования о повышении заработной платы, они всего лишь пытаются добиться большей доли того, что по праву и так им принадлежит.

Это означает, что тред-юнионистской организации, которая занимается борьбой за средства к существованию, самой по себе недостаточно, хотя она и жизненно необходима. Нужна не только структура массовых собраний и делегатов, но и особое присутствие анархо-синдикалистов в любых организациях на рабочих местах. В настоящее время такая организация неизбежно привлечет лишь меньшинство трудящихся. Роль анархо-синдикалистских активистов состоит не в том, чтобы контролировать организацию на рабочих местах, но в выдвижении анархо-синдикалистской перспективы на собраниях и попытке добиться широкой поддержки наших целей и принципов посредством пропагандистской работы.

Преамбула

Конечная цель Федерации Солидарности – безгосударственное общество самоуправления, основанное на принципе: от каждого по способностям, каждому по потребности. Это общество, в котором мы больше не будем использоваться как инструмент в руках хозяев, наживающихся на нашем труде.

В среднесрочной перспективе и в качестве важнейшей предпосылки к такому обществу, SF пропагандирует и стремится создать анархо-синдикалистские профсоюзы. С этой целью, SF стремится создать движение боевого сопротивления капиталу и государству, движение, контролируемое самими рабочими. Ее стратегия может примениться как членами официальных профсоюзов, желающими организоваться независимо от профбюрократии, так и теми, кто хочет создать другой тип самоорганизации.

Детали стратегии

Массовые собрания должны рассматриваться как структура, альтернативная структурам официальных профсоюзов, в которых доминируют освобожденные чиновники-бюрократы. Все решения должны приниматься на таких собраниях коллективно. Работа этих собраний на различных предприятиях и в учреждениях должна координироваться советами делегатов.

В самых активно настроенных предприятиях массовые собрания будут проводиться регулярно, и это тот идеал, к которому мы стремимся. В других местах это, вероятно, окажется невозможным, и там организовать подобные собрания удастся лишь тогда, когда вспыхнет трудовой конфликт. Нам нужен трехаспектный подход к делу действительного создания независимой организации на производстве.

1. На рабочих местах, где существует официально признанный профсоюз, входящий в Британский конгресс профсоюзов (TUC), членам SF следует вступить в профсоюз, но при этом продвигать анархо-синдикалистскую стратегию. Это означало бы вовлечение собраний на рабочих местах в принятие коллективных решений по рабочим проблемам. Однако трудящиеся, вероятно, предпочтут сохранить членские билеты, дабы избегать расколов на рабочем месте между членами и не членам тред-юнионов. *(Здесь мы опять не согласимся с позицией SF - см. материлы этого номера «Актуален ли анархо-синдикализм в XXI веке?» и «Забыть о низовщине»)*

2. На рабочих местах, где тред-юнионы отсутствуют, всюду, где только возможно, следует создавать независимые профсоюзы, основанные на принципе коллективного принятия решения.

3. На рабочих местах, где отсутствуют тред-юнионы и где трудящихся трудно организовать из-за высокой текучки кадров или большого количества временных рабочих, нам следует просто организовывать рабочие собрания, когда возникает конфликт.

Члены SF должны вести также пропагандистскую анархо-синдикалистскую работу при любом из этих трех вариантов. Принципы нашей стратегии действия на производстве применимы ко всем трем подходам.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Таким образом, анархо-синдикалисты видели необходимость соединить политическую и экономическую борьбу в единое целое. Они отвергали чисто экономическую организацию и настаивали на том, чтобы революционный профсоюз имел ясную политическую цель: ниспровержение капитализма и государства» SF. British Anarcho-Syndicalism

[2] «Каждая забастовка, будь она успешной или нет, рассматривалась как усиление враждебности между классами, а значит и как стимул к дальнейшему развитию конфликтов. Забастовки поощряют чувства солидарности и являются учебным полем для дальнейшей борьбы. Кульминационным моментом, после долгой серии забастовок, все более широких и интенсивных, должна была стать революционная "всеобщая забастовка"» SF. British Anarcho-Syndicalism

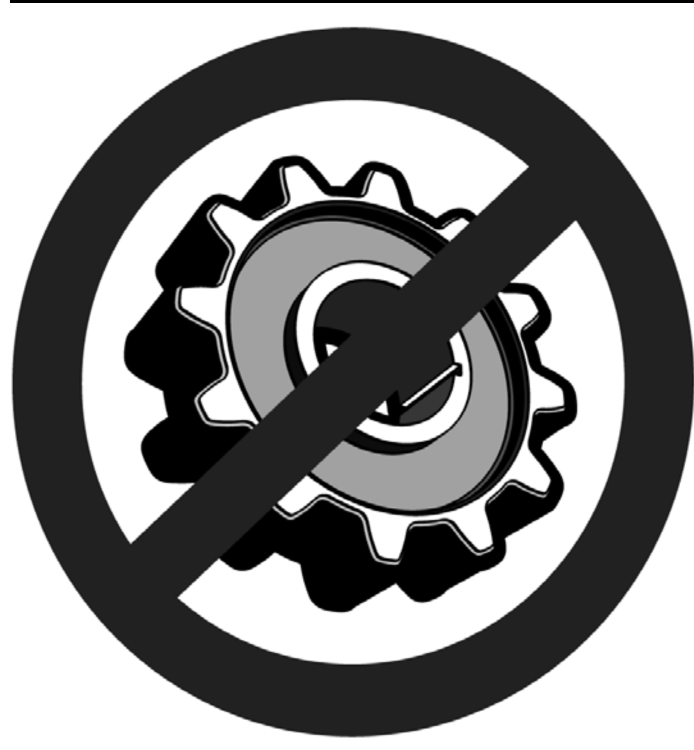
[3] Пример такой программы реформирования можно обнаружить в разделе «Профсоюзная Демократия» меморандума WSM: «Мы боремся за то, чтобы изменить роль освобожденных функционеров (...) За прямые выборы во все комитеты, всех делегатов на конференции и в национальное руководство, их подчинение императивному мандату и возможность их отзыва (...). Там, где революционеры могут получить достаточную поддержку, чтобы победить на выборах в национальное руководство больших или даже маленьких профсоюзов, или действительно маленьких, эта поддержка не должна использоваться только для избрания кандидата. Вместо этого, она должна быть использована для такого коренного изменения структуры профсоюза, чтобы вернуть власть рядовым членам и превратить чиновников в простых администраторов и ресурс, а не лица, принимающие решения».

[4] Некоторые из них описаны одним либертарным коммунистом и членом профсоюза работников общественных служб (UNISON): http://libcom.org/library/cost-living-pay-increase-struggles-interview-2008

[5] Мы имеем в виду, в частности, оккупационную забастовку мусорщиков Брайтона в 2001 г., во время которой анархисты помогали не только «дикому» захвату, но и участвуя в блокаде мусоровозов, предотвращая использование их штрейкбрехерами, а также помогая в распространении листовок в кадровых агентствах, которые набирали штрейкбрехеров. См. отчет: http://libcom.org/history/2001-brighton-bin-mens-strikeand-occupation - Лондонская Коалиция Против Бедности (LCAP) также может служить примером группы, которая участвует в прямом действии и вне рабочих мест, и на них.

Solidarity Federation
На основе перевода КРАС-МАТ (aitrus.info)

ЗАБЫТЬ О НИЗОВЩИНЕ

Статья написана одним членом Subversion, британской ультралевой группы, действовавшей в 80-90гг. прошлого века. Автор некоторое время состоял в небольшой группе рядовых работников почты («активистском сообществе», в терминологии анархо-синдикалистов) Communication Workers Group, и в этой статье рассказывает о своем опыте участия в работе этой организации и критикует ее за низовщину *[низовщина - англ. rank-and-filism; ориентация на низовое профсоюзное действие, организованное без профбюрократии; вера в острое расхождение интересов рядовых (rank and file) членов профсоюза и профсоюзной верхушки – прим. пер.].*

Solidarity Federation в «Стратегии и борьбе» *(см. этот номер журнала)* критикуют традиционные синдикалистские структуры, и в противовес им продвигают идею «активистских сообществ» на рабочем месте и вне его. Эта идея был выдвинута еще в 1991г., но так до сих пор и не принесла никаких серьезных результатов. Численность SF так и остается на уровне 50-100 человек. И в этом нет ничего удивительного – классовая борьба создается материальными условиями существования класса, а не по воле прореволюционных активистов. Смерть профсоюзного движения вызвана ликвидацией материальных условий, в которой оно имело возможности для роста. Низовая борьба на рабочем месте за частичные требования, облаченная в профсоюзную или «дикую» форму, становится артефактом прошлого. Анархо-синдикализм нельзя вернуть жизни, равно как и обычный синдикализм. Таким образом, «организация на низовом уровне» в современных условиях – это просто фетиш анархо-синдикалистской религии.

Чешир

ЗАБЫТЬ О НИЗОВЩИНЕ

Важно сказать, что последнее, к чему стремиться Subversion, – это создание низового движения. Низовые движения вне всякого сомнения и в любых условиях являются профсоюзными движениями. Они исходят из того ложного представления, что Профсоюзы подводят или предают нас, но не могут принять всю правду: все профсоюзы изначально являются нашими врагами. (Под профсоюзами мы понимаем организации, которые занимаются переговорами с работодателем насчет способа и уровня нашей эксплуатации, но ни в коей мере не ставят под вопрос сам принцип эксплуатации. Профсоюзы поддерживают капитализм и работу; они нуждаются в капитализме, чтобы выжить)

Рассмотрим пример организации почтовых работников Communication Workers Group. CWG была основана членами Direct Action Movement (которое с 1994г. и по сей день называется Solidarity Federation) и состояла из рядовых работников почты. DAM продвигала анархо-синдикализм как средство организации рабочего класса. Анархо-синдикалисты стремятся организовывать профсоюзы на демократических принципах и пропитывать их анархистской политикой. Профсоюзы, пронизанные анархистскими идеалами и методами работами, как утверждают анархо-синдикалисты, смогут совершить революцию.

CWG так и не достигло того уровня, чтобы члены DAM смогли сделать его настоящим профсоюзом. CWG посредством своего бюллетеня Communication Worker (CW), занималась распространением информации и стремилась радикализировать почтовиков, стремилась подчеркнуть, что активная солидарность рабочих, преодолевающая отраслевые или профессиональные разделения, жизненно необходима для успешной борьбы. По традиции низовых групп, CWG была открыта для всех боевых рабочих, включая профсоюзных работников низшего звена, т.е. шопстюардов.

Большую часть времени CWG действовало на основе соглашения между различными политическими тенденциями – от анархистов и антигосударственных коммунистов до троцкистов, не считая собственно анархо-синдикалистов. С течением времени, эти различия стали сильнее проявляться. Как следствие, нам пришлось вновь подчеркнуть широкий низовой характер группы, написав наши базовые цели и принципы. Из-за идеологических разногласий внутри организации, эти «наименьшие общие знаменатели» были крайне низки, и мы все поняли, что эти цели и принципы стали абсолютно бессмысленными, как только мы их написали.

КОМПРОМИССНЫЕ ПОЗИЦИИ

Этот компромисс продлился недолго. Некоторые из нас чувствовали, что нам нужна более глубокая и четкая критика профсоюзов и низовщины. Мы все видели возможность (хоть и очень отдаленную) замещения существующего профсоюза группой типа CWG – лишь по некоторым направлениям, на определенных участках или же целиком. Часть людей отчаянно стремилась к этому, но у другой части были серьезные опасения. Мы поняли, что единственное, что мы можем – это заменить существующий профсоюз почтовиков UCW другим профсоюзом, и это будет неизбежно, если CWG будет развиваться и преуспевать.

Тогда встал вопрос: как работать в группе низовых рабочих, четко и непрерывно атакующей профсоюз, не позволяя при этом превратиться группе в реформистскую организацию или профсоюз? Нам нравилось ощущать себя революционной группой, но что будет, если к нам присоединиться большое число боевых, но реформистски настроенных рабочих? Что если эти рабочие захотят, чтобы группа выступила с реформистскими требованиями? Если мы получим бОльшую, чем у имеющегося профсоюза, поддержку, будем ли мы участвовать в повседневном диалоге с работодателями, будем ли помогать налаживать соглашение между начальством и подчиненными, примем ли мы «легальность» эксплуатации в силу того, что это более «честная» эксплуатация и будем ли ее активно поддерживать? Будем ли мы вести себя точно так же, как и старый профсоюз, если станем перманентной организацией на рабочем месте?

Первый вопрос, с которым мы разберемся, – это тра-

диционный вопрос взаимоотношений с «инакомыслящими».

ИЗБАВИТЬСЯ ОТ ХЛАМА

Не было никакого формального способа предотвратить вступление людей в нашу группу, мы просто надеялись, что если нам не понравятся политические взгляды какого-то человека, то остальная часть группы согласится с нами и не позволит этому человеку вступить. Очевидно, что это был не очень надежный вариант. Некоторые думали, что мы не должны разрешать вступать членам SWP (Социалистическая Рабочая Партия, крупнейшая левацкая организация в Британии), так как они этатисты/авторитарии и они могут попытаться захватить группу. Другие считали, что мы можем работать вместе с ними, пока они не пересекут определенную черту или не начнут навязывать свою политику силой, провоцируя тем самым бесконечные политические дискуссии. Третьи думали, что мы можем допустить их, если они – боевые рабочие. Эта проблема так и не была решена, причиной тому – нерешенность вопроса, может ли низовая группа быть революционной; может ли группа, которая привлекает все больше сторонников-нереволюционеров оставаться революционной во всех проявлениях: от производимых текстов до выступлений.

В качестве временного решения мы напечатали наши цели и принципы в бюллетене и надеялись, что «не те» люди не захотят к нам присоединиться (в действительности это так и не стало практической проблемой, во многом из-за того, что CWG приказала долго жить).

Говорилось, что мы должны учреждать группы, привлекать в них людей, и опыт работы в этих группах подвигнет людей стать революционерами. Это может быть вполне реально, если речь идет о многотысячной иерархической Партии, и вы рекрутируете одного-двух человек в месяц. Но если радикально настроенная малочисленная группа с эгалитарными принципами примет к себе с десяток людей, то новые члены перевесят их, и они не смогут промыть мозги новичкам достаточно быстро, чтобы сохранить изначальный политический курс. У нас и так достаточно реформистских организаций, мы не хотим создавать ещё одну.

Короче говоря, анти-профсоюзная тенденция наконец осознала невозможность поддержания или даже создания революционности этой низовой группы. Наши идеи тогда ещё далеко не окончательно сформировались, но мы знали, что мы больше не хотим идти на компромисс с тред-юнионизмом, который был неизбежен при взаимодействии с анархо-синдикалистами и леваками.

ГРУППЫ НА РАБОЧИХ МЕСТАХ

У революционеров есть такой инстинктивный позыв: когда заходит речь о Рабочем Месте, они тут же отвечают, что нам надо организоваться. Больше этого редко что продвигается или предлагается. Настало время признать лживость этого лозунга и перестать пытаться (или даже думать о попытках!) образовать наши благородные Революционные Рабочие Группы. Что нам надо, так это больше революционеров повсюду. Если революционеров будет много, то часть из них будет иметь работу. Революционеры на своих рабочих местах будут ввязываться в трудовые конфликты, пытаться разжигать борьбу и показывать другим рабочим, в каком дерьме все мы находимся. Они будут выступать против экономики и ее профсоюзных лакеев, и в ходе борьбы они будут активно участвовать в специфических видах деятельности: печатать листовки, выходить на пикеты поддержки, заниматься саботажем, устраивать неофициальные общие собрания и т.д.

Если так получится, что на одном рабочем месте будет несколько революционеров, это замечательно, и они смогут регулярно заниматься пропагандой с учетом специфики работы, но очевидно, что эти революционеры будут также действовать и за пределами работы.

Пришла пора отправить на покой миф «групп на рабочем месте» и их желательности, если только мы не говорим о временных группах рабочих, сформированных в ходе борьбы, чтобы совершать специфические акты пропаганды или насилия в отношении начальников, профсоюза и экономики в целом.

Кто-то может сказать, что это слишком «пуристски» и что мы должны включаться в создание и поддержание реформистских требований или кампаний, чтобы впоследствии эскалировать классовую борьбу. Однако реформистских рабочих и так в избытке, и они готовы выступать с требованиями повышения зарплаты или права на аборт, не продвигаясь дальше. Некоторые леваки считают, что мы обязаны формулировать реформистские требования для рабочих, так как те, якобы, не могут сделать этого сами. Это высокомерная и неверная позиция. Рабочие постоянно выступают с требованиями. Для нас участие в выдвижении требований будет просто впадением в реформизм, так будет создаваться впечатление, будто мы верим, что подачки с барского стола удовлетворят наши действительные классовые интересы. Мы должны нести революционное послание, а не реформистское. Мы поддерживаем борьбу рабочего класса за улучшение его жизненных условий. Но мы не заинтересованы в организации кампаний за реформы, так как они по самой своей природе нацелены только на модификацию экономики, то есть на модификацию нашей эксплуатации. Однако, только то, что некоторые люди хотят превратить борьбу в кампанию за реформы, не означает, что мы не должны поддерживать борьбу.

Примером тому может быть битва против подушного налога в 89-90гг. Это была борьба рабочего класса, главным образом сопротивлявшегося атаке на уровень жизни. Когда возникает конфликт по поводу оплаты труда, наша задача состоит не только в том, чтобы объяснить, как его выиграть, но скорее объяснить, что повышения оплаты никогда не будет достаточно. Когда мы возвращаемся на работу, выиграли мы или нет, последнее, что должны делать революционеры – это садиться с руководством за стол переговоров; другие люди справятся с этим за нас.

Кто-то скажет, что это «пуризм», ведь переговоры неизбежны. Что ж, мы можем выиграть этот странный бой в классовой войне, но рабочий класс всегда будет проигрывать, пока сохраняется наемное рабство – так что революционеры никогда не должны возвращать рабочих обратно к работе. Поступать так будет означать поощрение управления нашим угнетением – и в этом смысл всего реформизма. Если нам придется вернуться к работе, то мы сделаем это как пролетарии, а не как менеджеры.

Раз мы не хотим занимать посты в профсоюзах, мы и не должны поощрять создание низового движения. Революционное низовое движение – это противоречие в терминах, может быть только революционное движение.

ДЕЛАЮТ ЛИ ПРОФСОЮЗЫ НАС СИЛЬНЕЕ? СИНДИКАЛИЗМ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Три статьи из журнала «Anarchist Federation's Organise!» #46, 47, 48 (1997 – 98)

ЧАСТЬ 1

Несмотря на советы наших критиков, ACF (AF до 1994 года называлась Anarchist-Communist Federation) никогда не критиковала синдикализм, включая его анархистскую разновидность, – это «отличительная черта» *(см. «Black Flag» #211)* нашей политики. В мировом «рабочем движении» доминировали социал-демократические идеи и социал-демократическая практика, которые полностью интегрировались в капитализм, но наши атаки были сосредоточены не на сравнительно небольшом синдикалистском движении и «альтернативных» профсоюзах. Скорее, наши аргументы были направлены против профсоюзного движения и *поддерживали* борьбу, организованную самим рабочим классом.

Однако анархо-синдикализм остается самым массовым течением внутри анархизма, ориентированного на классовую борьбу, и находится в состояние возрождения, несмотря на многочисленные расколы и противоречия в международных организациях. Поэтому сейчас подходящее время сделать критический анализ теории и практики синдикализма.

Теория и практика

Вместо того чтобы разделять теорию и практику, мы попытаемся показать, как деятельность различных синдикалистских движений приводилась в движение теоретическими принципами и политическими влияниями, действующими на него. Синдикализм обвиняли в «аполитичности» и, в самом деле, некоторая *анти*-политичность была главной особенностью синдикалистких организаций. Это только половина истории, которая, однако, ещё не учитывает тот факт, что синдикализм оказывался под влиянием многих политических течений, и не только анархизма, не следует забывать также о влиянии реформистского социализма (особенно в случае французской ВКТ), национализма (итальянская UIL), и даже монархизма (монархо-синдикализм в начале века во Франции)!

Истоки

Сначала мы должны обратить внимание на истоки синдикализма. «Синдикализм» - это просто французское слово, означающее «профсоюзное движение». Во Франции существовал массовый синдикат (или профсоюз) – Всеобщая Конфедерация Труда (ВКТ), образованный в 1895 году, он и дал «синдикализму» то значение, которое используется сейчас. ВКТ была боевой, децентрализованной организацией, вначале скептически относившейся к участию в парламентских выборах и рассматривавшей рабочее место как передовую классовой войны. Когда такая тактика развилась в других странах, активисты сознательно использовали термин синдикализм, чтобы отличать себя от откровенно реформистских, социал-демократических профсоюзов. Синдикалистские союзы начали становиться существенной силой за десять лет до Первой Мировой войны – как отражение происходившей классовой борьбы и результат усилий сознательного «политического» меньшинства, критикующего «социалистический» парламентаризм. Ранний синдикализм был далек от политической или организационной однородности. Во многих странах, синдикалистское движение развивалось, сознательно пытаясь организовать тех рабочих, которых игнорировали устоявшиеся социал-демократические профсоюзы, особенно, неквалифицированных рабочих и иммигрантов (опыт Индустриальных Рабочих Мира хороший тому пример), в других странах синдикалистские союзы были основаны по отраслевому или ремесленному признаку и объединяли высококвалифицированных ремесленников (например, ВКТ во Франции).

Политические меньшинства

Среди политических меньшинств, которых привлекал синдикалистский метод, были анархисты. Действительно, анархисты были среди самых ранних синдикалистских организаторов во многих странах, в частности, во Франции, Испании и Аргентине. Синдикалистское движение, конечно, привлекало многих анархистов, которые, увидев падение своего влияния в период «пропаганды героическими действиями» (1890-е), видели в синдикалистском боевом духе и в недоверии к парламентским методам «родной дом» для своей политики. В некоторых странах синдикалистские союзы управлялись идейными анархистами и везде анархистские активисты присоединялись к синдикалистским организациям. Но некоторые анархисты беспокоились об *отождествлении* анархизма с профсоюзным движением. Другие ставили под вопрос сам метод синдикализма. В Испании, где анархизм начал тесно отождествляться с синдикалистской Национальной Конфедерацией Труда (НКТ), часто разгоралась яростная полемика в течение 1890-х и 1910-х между анархо-коммунистами, объединившимися вокруг журнала «Tierra y Libertad», которые чувствовали, что синдикалистские методы по своему существу реформистские и являются шагом назад, и теми анархистами, которые верили, что синдикализм является проводником анархических идей в массы.

Среди главных критиков отождествления анархизма с синдикализмом был итальянский анархист Энрико Малатеста. В 1907 году, когда синдикалистское движение насчитывало самое большое число рабочих, включая анархистов – рабочих, Малатеста доказывал, что «синдикализм, несмотря на декларации большинства своих пылких сторонников, содержит по своей природе все элементы вырождения, которые разрушили рабочие движения прошлого. Фактически, будучи движением, которое предлагает защищать нынешние интересы рабочих, оно должно обязательно приспособиться к существующим условиям жизни» (Les Temps Nouveaux, 1907).

Другие анархистские активисты придерживались синдикалистских методов с серьёзными оговорками. Французский анархист, металлист Бенуа Лиотье выразил опасение, владевшее многими, что синдикализм имеет тенденцию выродиться в экономизм, а, следовательно, и в реформизм. «Синдикализм не может быть революционным, если он не может быть политическим... нравится нам или нет, но экономическая борьба связана с политической борьбой» (Archives Departmentales de la Loire, 1914). Как многие анархисты его эпохи, в итоге Лиотье стал членом ВКТ.

То, что анархисты отождествлялись с синдикализмом и часто были на передовой в синдикалистских организациях, мало удивляет. Синдикализм на стадии становления, казалось, предложил тактику близкую к либертарной – прямое действие, ориентированое на повседневную борьбу рабочих. Рабочие-анархисты стремились быть там, где конфликты с начальниками (и, следовательно, с государством) достигали критической точки, так как отказ от синдикализма на этом историческом этапе для анархистов, бесспорно, означал бы изоляцию в будущем. Для многих анархистов любые возможные проблемы в рамках синдикализма могли быть решены путем поощрения тенденции к антиполитизму (антиполитическое течение) и боевому духу. Это означало полное взаимодействие с синдикалистскими профсоюзами и рождение *анархо*-синдикализма. Многие из этих людей были свободны от идеи создания отдельных организаций анархистов и видели в синдикалистских союзах средства и цель анархической революции.

Некоторые анархисты выступали против такого «слияния»и поддерживали идею создания отдельной организации анархистов, которая работала бы одновременно внутри и вне синдикалистских союзов. Малатеста наряду с другими отстаивал такую тактику, как это делали и анархисты, которые стали известны в 1920-х как «Платформисты». Страх, который был вполне обоснованным, заключался в том, что в анархо-синдикализме возьмёт верх синдикалистское начало, что повредит чистым революционным перспективам, которое касаются всех аспектов жизни рабочего класса, а не только фабрик и мастерских.

Анархо- и революционный синдикализм

Отношения между анархо-синдикалистами и «революционными» синдикалистами в каждой стране строились поразному. Многие «революционные» синдикалисты отрицали даже «анти-политическую» политику анархистов и видели в синдикализме форму и содержание революции. Они создали синдикалистскую *идеологию*, кульминационный момент которой должен был настать во время Всеобщей стачки, организованной синдикалистскими союзами, которая стала бы первым шагом к новому обществу. Для некоторых синдикалистов Всеобщая Стачка принимала едва ли не мифическое значение и заменила идею насильственной революции, которая считалась нереалистичной. Для многих «революционных» синдикалистских идеологов синдикалистский профсоюз заменил партию и отожедствлялся со всем классом. Желание организовать всех рабочих вне зависимости от политических или религиозных убеждений привело к попыткам «революционных» синдикалистов изолировать анархо-синдикалистов, чтобы обратиться к рабочим, которые фактически оставались связанными с социал-демократией.

Несмотря на то, что антиполитизм привёл многих «революционных» синдикалистов к явной антигосударственности, он не остановил других от вхождения в альянс с «революционными» партиями и политиками. Хотя политика была нежеланной внутри синдикалистской организации, это не означало что «революционный» синдикализм не был вовлечен в политику.

Между тем итальянские «революционные» синдикалисты заигрывали с крайним национализмом с 1914 года, требуя, чтобы Италия вступила в империалистическую бойню (требование полностью было отвергнуто, к их большой чести, анархо-синдикалистами из Синдикалистского Союза Италии (Union Sindicale Italiana)) – это, возможно, самый наглядный из всех существующих пример синдикалистской политики альянсов с другими политическими течениями.

Например, в Норвегии довоенный «Революционный» синдикализм «fagopposition» (синдикалистская профсоюзная оппозиция) был тесно связан с левым крылом социал-демократии, а в Соединенных Штатах синдикат Индустриальные Рабочие Мира (ИРМ) первые три года своего существования (1905-1908) постоянно страдал от открытой политической вражды Социалистической Партии Америки и Социалистической Рабочей Партии. В Ирландии синдикалистский «Ирландский транспортный и всерабочий профсоюз» был возглавлен людьми, которые или состояли в прошлом или еще являлись активистами социалистических партий и ирландского синдикализма, и, несмотря на свою воинственность, редко показывали антигосударственное и антипартийное чувство, характерное для других синдикалистских движений.

Часто «революционные» синдикалисты просто отличались более нетерпеливым темпераментом чем неповоротливый социализм Второго Интернационала, который доминировал в левом движении, и не выступали непосредственно против «революционных» партий. Массовое дезертирство «революционных» синдикалистов в большевизм, в период, последовавший сразу после Русской Революции, свидетельствует об этом. Однако сотрудничество с буржуазией не ограничивалось только рамками аполитичного «революционного» крыла синдикализма. Интересным примером, когда анархо-синдикализм оказался по ту сторону баррикад в классовой борьбе за двадцать лет до позорного вхождения НКТ в испанское правительство, является опыт Мексики.

Мексиканская Революция - Каса дель Обреро Мундиаль

В течение первых двадцати лет XX века Мексика была захвачена революционными беспорядками. Различные «конституционные» (т.е. демократические) капиталистические фракции соперничали за власть во время попыток свержения диктатуры генерала Порфирио Диаса. Между тем Аграрное движение (безземельных крестьян) Эмилиано Сапата и формирующегося городского рабочего класса пыталось защитить свои интересы во время хаоса. Крестьяне занимались партизанской деятельностью против различных «революционных» правительств с целью возвращения и защиты земель коренного населения от помещиков. В период с 1906 по 1915 год Либеральная партия Мексики (Partido Liberal Mexicano, PLM) сыграла ведущую роль в попытке соединить крестьянское и пролетарское восстания. Изначально стоявшая на передовых левых либерально-демократических позициях, PLM под влиянием братьев Магон, превратилась в анархо-коммунистическую организацию с собственными партизанскими отрядами, которые участвовали в экспроприации земли в Нижней Калифорнии и руководили забастовками в Веракрусе и в прочих областях. PLM призвала к лозунгу «Tierra y Libertad» (Земля и Свобода), немедленной экспроприации землевладельцев и хозяев и упразднению государства.

В 1912 году был создан анархо-синдикалистский Casa del Obrero Mundial (Дом Рабочих Мира) и он быстро привлек городских рабочих Мехико в свои ряды. Тем не менее, в течение трех лет анархо-синдикалисты организовывали Красные Батальоны, чтобы оборонять мексиканское государство! Хотя Casa при создании обладала типичной антиполитической идеологией и желанием сконцентрироваться на экономической борьбе, но несколько факторов склонили Casa del Obrero поддержать одну буржуазную фракцию, Конституционалистские силы Венустиано Карранса против крестьян и их союзников из PLM. Во-первых, анархо-синдикалисты видели в промышленных рабочих организованный авангард социальной революции, несмотря на то, что они представляли ничтожное меньшинство работающего мексиканского населения. Они утверждали, что этот авангард должен быть развит и расширен настолько быстро насколько это возможно, и анархо-синдикалисты искали то, что должно было стать, по их мнению, лучшими условиями для этого. Во-вторых, анархо-синдикалисты считали крестьянское движение реакционным в своей сущности, склонным повернуть время вспять и отрицающим «достижения» в технологиях и понимание того, что принес

капитализм. Они указывали на «религиозность» и общую «отсталость» сапатистов в качестве доказательства того, что они опасны для «передовых» групп рабочего класса. И наконец, самое главное то, что анархо-синдикалисты верили, что прогрессивное, демократическое буржуазное государство, которое давало Casa свободу организовываться (и на самом деле поощряло деятельность Casa!), должно быть защищено от «реакции», крестьян или от антиконституционалистов.

После того, как анархо-синдикалистские Красные Батальоны сыграли свою роль в «спасении» Мексиканского государства, случилось неизбежное. Весной 1916 года Конституционалистское правительство ополчилась на Casa, расформировало Красные Батальоны и насильно закрыло синдикаты после второй подряд Всеобщей стачки в том году. Отказ анархо-синдикалистов признать классовую природу государства, несмотря на всю их антигосударственность на словах, привел их к тому, чтобы выступить против искренних революционных движений.

Большевизация и «конец массового синдикализма»

Без сомнения то, что расцвет синдикализма имел место в период с (примерно) 1895-го по 1914-й. В этот период единственным течением в рабочем движении на международном уровне, которое могло предложить альтернативу господствующей социал-демократии, был синдикализм. Конечно, можно утверждать, что синдикализм был социал-демократическим по содержанию, если не по форме.

Однако, несмотря на утверждения ленинистов это был далеко не конец истории, и революционная волна, которая захлестнула мир после Русской Революции 1917 года, видела «возрождение» синдикализма, которое последовало после четырех лет мировой войны. Однако у синдикализма появилось два новых соперника – большевизм и коммунизм Советов или левый коммунизм.

Триумф большевизма в России вызвал шок повсюду в рабочем движении. В социал-демократических партиях везде развивались мнимые большевистские фракции. Эти фракции рано или поздно откололись от старых партий и образовали коммунистические партии, смоделированные по русскому образцу. Однако, многие самые первые коммунистические партии возникли из синдикалистских, анархо-синдикалистских и анархистских движений. ВКТ во Франции создала сильную коммунистическо-синдикалистскую фракцию; ИРМ в Соединенных Штатах был разрушен борьбой между твердолобыми членами индустриального союза и подающими надежды большевиками; многие выдающиеся британские довоенные синдикалисты, такие как Том Манн, тяготели к зарождающейся Коммунистической Партии. Впечатленные динамизмом большевизма и его явным разрывом с социал-демократией, бывшие синдикалисты входили в число первых членов таких коммунистических партий повсюду. Помимо всего, большевизм привлекал анархистов, не в последнюю очередь, потому что он ассоциировался с советами, которые, казалось, предложили альтернативу государственной организации.

Рабочие Советы

Когда пришли новости, что на Родине Социализма не все так радужно, и как только Большевизм попытался создать Третий Интернационал политических партий и Красный Международный Профсоюз под их строгим контролем, начали появляться разногласия. Однако многие из первых критиков Москвы не были синдикалистами, а были марксистами, ранее состоявшими в социалистических партиях. Эти активисты начали подвергать сомнению профсоюзную и парламентскую политику большевиков и близких к ним самозванцев. Такие группы как Рабочая Социалистическая Федерация в Британии, Коммунистическая Рабочая Партия Германии и подобные им «левые» коммунисты (то есть, левее Третьего Интернационала) видели в опыте революционных рабочих советов в России 1917-го и в Германии 1919-го ту форму, которая, как им казалось, даст толчок для новой борьбы. После того как они выступили против большевиков и попытались создать свой собственный Интернационал в 1921-ем (настоящий 4 Интернационал!), это политическое течение стало известно как коммунизм рабочих советов. Организации коммунистов рабочих советов были близки к массовым организациям только в Германии, несмотря на то, что они существовали также и таких странах как Голландия, Франция, Бельгия и Британия.

В тоже время международное синдикалистское движение начало реорганизовывать себя путем создания I.W.A.(International Working Mens' Association, Международной Ассоциации Рабочих). В 1922-ом синдикалистское движение ещё могло порождать большие профсоюзы такие, как Unione Sindicale Italiana (Союз Синдикалистов Италии, 500 000 членов), Confederacao Geral do Trabalho (Всеобщая Конфедерация Труда в Португалии, 150 000 членов) и Freie Arbeiter Union (Свободный Профсоюз Рабочих, 120 000 членов). В 1923-ем к ним присоединилась испанская Conferacion Nacional de Trabajo (Национальная Конфедерация Труда, НКТ). Однако в 1923 году начался ленинско-сталинский ледниковый период и появился фашизм, таким образом, синдикализм, по меньшей мере, ждал тяжелый период. В течение десяти лет остался только один массовый синдикалистский профсоюз – НКТ. Другие сократились до маленьких групп активистов, рассеянных в изгнании или живущих на полуподпольном положении. К 1936 все что осталось – это маленькие пропагандистские группы в разных странах, несколько малочисленных профсоюзов и 2 миллиона сильных членов НКТ, которым предстояло сыграть историческую роль в Испанской Гражданской войне и в Революции.

ЧАСТЬ 2 – ИСПАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ – КОНЕЦ АНАРХИЗМА?

К 1936 и анархистское и синдикалистское движения оказались, если не в изгнании и не в подполье, то организационным меньшинством. Жертвы двойного нападения - капиталистического государства и большевизма - ИРМ сократились до того, что стали тенью своей прежней силы; самые крупные отделения Международной Ассоциации Рабочих (International Working Mens' Association), за исключением испанской НКТ, были фактически разгромлены фашизмом, маргинализировались или скатились к реформизму (например, шведская организация Рабочий Центр - Workers Central (шведская аббревиатура - SAC).

Голос отдельных анархистских организаций, которые еще действовали, всё больше заглушался лживым шумом сталинизма, а их маргинализация нашла отражение в общем политическом поражении рабочего класса в период между двумя мировыми войнами. Итак, когда в июле 1936-го в Испании разразились Гражданская война и Революция, все надежды либертарных революционеров были сосредоточены на событиях в Испании и на действиях, совершенных испанским рабочим классом.

Испанская Революция

Ситуация в Испании была исключительной, поскольку организованный сталинизм был маргинальным и имел маленькое влияние на рабочий класс вплоть до 1936 года. Скорее, анархисты и анархо-синдикалисты составляли единственную вероятную альтернативу социал-демократам из Partido Socialista Obrero (Испанская Социалистическая Рабочая Партия). PSO могла совмещать революционную риторику и чистейшую реформистскую и конституционную практику, и разногласия в испанском рабочем классе могли быть сильно растянуты между революционным либертаризмом (анархисты и НКТ) и реформистским авторитаризмом (PSO и профсоюз Union General de Trabadores). Когда реакционные военные, возглавляемые генералом Франко, 19 июля 1936 года восстали против буржуазной республики, ответом правительства было бездействие, пока рабочие из НКТ не стали первыми, кто стал использовать вооруженное сопротивление.

Во многих важных центрах и сельских местностях, где попытка переворота провалилась или военные остались лояльными к Республике, либертарное рабочее движение, которое фактически захватило самые важные инициативы, являлось хозяином ситуации. Рядовые члены НКТ и другие, вдохновлённые возможностью освобождения, начали коллективизацию фабрик и земли, которая, учитывая обстоятельства, не могла привести к либертарному коммунизму, но показала творческий и организационный потенциал рабочего класса.

Однако к концу года представители НКТ взяли места в Республиканском правительстве и фактически отменили классовую войну в пользу «антифашистского союза» ради победы в войне. Прежде очень маленькая Испанская коммунистическая партия стала основным правительственным игроком, коллективы и организации рабочей милиции стали подвергаться атакам, и революция оказалась задушенной в зародыше. Ответом тех, кто желал продолжать дело революции, было восстание «Первого Мая» в 1937 году в Барселоне – это был результат другой провокации, на

этот раз сталинистов, против рабочих НКТ на телефонной станции. Рабочие вновь боролись за контроль над улицами, только на этот раз они оказались преданы руководством НКТ.

Провал анархистов

Из-за действий НКТ по присоединению к правительству ленинисты (которые сами, не колеблясь, присоединятся к любому правительству) часто бросали анархистам обвинения в предательстве революции. Обычно это преподносится в качестве свидетельства «Конца Анархизма» как революционной теории/движения. Конечно, испанский опыт действительно означает конец определенного типа анархизма. Но вина за классовое сотрудничество и предательство не может быть просто возложена на НКТ. В конце концов, несмотря на давние устоявшиеся отношения профсоюза с анархизмом, он оставался союзом, структуры которого развили собственную автономию и бюрократию, у которой была собственная жизнь, независимо от ее демократической природы. Склонность профсоюзов к реформизму и слиянию выявилась в 1920-е, когда появилась тенденция, которая выступала против влияния анархизма на профсоюзы. В 1931 году это привело к расколу и созданию умеренной анархо-синдикалистской «профсоюзной оппозиции». В конце концов, некоторые из этих «умеренных элементов» вступили в парламентаристскую, реформистскую Синдикалистскую Партию.

ФАИ

Находясь в оппозиции этой тенденции и более ранним попытками ленинистов «большевизировать» профсоюзы, в 1927-ом испанские анархисты основали отдельную организацию анархистов – Федерацию Анархистов Иберии (ФАИ). ФАИ должна была работать, главным образом, внутри НКТ, чтобы усилить ее либертарную ориентацию, но на деле существовала как отдельная организация со своей собственным печатным органом и со своей организационной культурой. ФАИ рассматривала НКТ как главное средство к либертарной коммунистической революции, и члены ФАИ обычно были самыми ярыми бойцами НКТ. Около 1936 года НКТ и ФАИ были - вместе с Либертарной Молодежью - составными частями того, что называлось либертарным движением. Огромное большинство ФАИ поддержало вхождение НКТ в правительство, и в самом деле, «анархистский» Министр юстиции Гарсия Оливер рассматривался как особо бескомпромиссный член ФАИ. Сравнительно немного анархистов отклонили такое предательское сотрудничество, и ещё меньше - предложили альтернативу. Самой последовательной из всех была группа, известная как Друзья Дуррути, активисты НКТ и ФАИ, кто понимал, что участие «анархистов» в правительстве является непростительной ошибкой, и что фактически революция была эффективно свернута теми силами, от которых ожидали, что они возглавят её. По их мнению «демократия победила испанцев, а не фашизм» (смотри острополемическую брошюру «Навстречу Новой Революции», где опубликованы материалы Друзей Дуррути). Мы можем - вместе с Друзьями Дуррути - констатировать, что аполитичный анархизм в Испании потерпел поражение, - тот, который верил, что Государство и политическую власть можно проигнорировать, вместо того чтобы разбить и заменить властью рабочего класса.

Во время Второй Мировой Войны и после

Поражение Испанской революции и разгром НКТ диктатурой Франко был тесно сопряжен со Второй Мировой Войной и временным упадком анархистского и революционного синдикализма. Глубина поражения, которую испытали либертарные революционеры, почти не постижима. Это обстоятельство заставило некоторых ведущих анархо-синдикалистов, таких как Рудольф Рокер, поддержать союзников против нацистской Германии, тогда как испанские анархисты, которые были в изгнании, воевали в рядах армий союзников с несколько наивной надеждой, что с поражением Италии и Германии, «фашистская» Испания будет «освобождена». Другие анархо-синдикалисты вели бесстрашную партизанскую войну против режима Франко, за что многие поплатились своими жизнями. Но после войны, синдикалистское движение было маргинализировано больше, чем когда-либо. Социальное демократическое соглашательство набирало обороты в Западном Мире, и Холодная Война была ее высшей точкой. Синдикалистские и анархистские группы на протяжении 1950-ых и 1960-ых были малочисленны и состояли преимущественно из «носителей священного пламени», которое давало случайный толчок классовой борьбе. Положение стало меняться с подъемом классовой борьбы в Европе в конце 1960-х, особенно во время событий в 1968-ом во Франции и позднее в Италии. Медленно, но синдикалистские организации стали возрождаться, поскольку рабочие показывали заинтересованность в альтернативах сталинизму и социал-демократической жвачке. Смерть Франко в 1976 году и «демократизация» Испании способствовали ускоренному развитию ранее запрещенной НКТ. В Италии было восстановлено USI, и к концу 1970-х I.W.A. еще раз стал функционирующим Интернационалом, хотя и состоявшим главным образом из пропагандистских групп.

Синдикализм сегодня

С крахом Советского Союза, так называемых «социалистических» стран и с наступлением смертельного кризиса организованного сталинизма, анархистские идеи и формы организации испытали заметный рост, и не только в Восточной Европе, где часто анархисты - единственные представители «левого» движения любого размера. Сегодня анархистские и анархо-синдикалистские движения появляются в Африке, на Ближнем Востоке и Индийском субконтиненте - это те районы, где раньше никогда не было либертарной традиции.

Революционные и анархо-синдикалистские движения испытали самый значительный рост, и даже ряды Индустриальных Рабочих Мира снова (медленно) растут. Такое развитие событий, безусловно, приветствуется, так как оно отражает пробуждение революционного потенциала среди рабочего класса, но и тут существуют проблемы. Вопрос, который должен быть задан – «Действительно ли синдикалистский метод – путь вперёд?» У анархистов, которые избрали синдикалистский путь, есть критические взгляды и некоторая потребность развивать новые способы организации и мышления. Некоторые чувствуют необходимость налаживать контакт с другими движениями рабочего класса, отличающимися от существующих структур, например, действия USI в COBAS (committees of the base,

низовые комитеты). Некоторые решили «приспособить» синдикализм к местным сообществам и объединениям по интересам. Однако, другие склоняются к защите традиционного, рабочистского взгляда на «построение (анархо-) синдикалистского профсоюза» как ответу на всё, и отрицают критику синдикалистского метода, считая ее «марксистской» или антиорганизационной.

ЧАСТЬ 3 - АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМ И ОРГАНИЗАЦИИ РАБОЧЕЙ БОРЬБЫ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛИБЕРТАРНОГО КОММУНИЗМА

Анархистская критика синдикалистского метода, начиная с Малатесты, не обязательно происходила из антиорганизационной тенденции или симпатий к «марксизму». В Европе члены иммигрантской русской группы анархистов «Дело Труда» начали подвергать сомнению отождествление анархизма с синдикализмом и само отношение к синдикализму, которое исторически выбрали либертарии. Их «Организационная платформа либертарного коммунизма» (1926) описывала «революционный синдикализм» как «только одну из форм рабочей борьбы», которая сама по себе не являлась «определенной теорией». Они предположили, что анархо-синдикализм потерпел неудачу в «анархизации» профсоюзного движения, и что для того чтобы сделать это была необходима особая анархистская организация. Они также утверждали, что такая особая анархистская организация должна попытаться «иметь теоретическое влияние на все профсоюзы» так как «... если профсоюзное движение не найдет в анархистской теории поддержку в нужное время, оно перероди́тся, нравится ли нам это или нет, в идеологию этатистских партий». По большей части, последнее замечание можно считать верным, если брать во внимание такие факты, как эволюция французской ВКТ или массовое бегство синдикалистов в большевистскую партию.

Однако Организационная Платформа ничего не упомянула о функциях синдикализма или профсоюзного движения по этому вопросу. Опыт Движения Рабочих Советов в Германии и различных идей, которые вышли из этого движения, кажется, прошли мимо них.

В это время, японский анархо-коммунистический теоретик Хатта Сюдзе утверждал, что синдикализм, являясь отражением структуры индустриального капитализма, рискует скопировать иерархические социальные отношения, особенно через сохранение продолжающегося разделения труда.

Он утверждал, что, так как синдикалисты призывали, чтобы шахты управлялись шахтерами, сталелитейные заводы управлялись сталелитейщиками и т.д., то это разделение может закончиться реставрацией государства в качестве арбитра между конфликтующими интересами. Как он выразился: «В обществе, которое основано на разделении труда, у одних, вовлеченных в жизненно важное производство (так как это формирует основу производства), было бы больше власти над аппаратом координации, чем у других, вовлеченных в другие виды производства. Поэтому может быть реальная опасность появления классов»(Собрание сочинений: Анархистский Коммунизм. Токио, 1983).

Японские анархо-коммунисты выступали за возвращение к земле после успешной революции, в результате чего промышленные рабочие принесут все свои навыки и технологии обратно в деревни. В исторический период, когда преобладало сельское общество, и фабричные рабочие были все еще связаны, через семью, с землёй, эта перспектива, возможно, имела некоторый смысл. Примитивисты, возьмите на заметку.

Самоорганизация рабочего класса и постоянные экономические организации

Большинство (но, к сожалению, далеко не все) анархо-синдикалистов согласились бы с ACF, что существующие профсоюзы не являются средством социальной революции. Некоторые из них могут также согласиться с тем, что постоянные экономические организации (т.е. профсоюзы) имеют тенденцию к созданию бюрократических структур и форм управления, а также к интеграции в механизмы эксплуатации из-за их роли посредников или представителей. Тем не менее, они могли бы утверждать, что анархо-синдикалистский профсоюз – это одновременно и экономическая и идеологическая организация, которая устойчива от бюрократизма и кооптации. «Сознательные» анархисты внутри анархо-синдикалистских профсоюзов виделись как гарантия от «продажности» организации и как защитники неиерархических структур против разделения между рядовым составом и его представителями, препятствующие развитию слоёв с интересами, отличающимися от интересов остальных членов. Хотя эта идея «сознательного» анархистского меньшинства в профсоюзе была распространена в синдикалистском движении, она отвергалась многими «чистыми» синдикалистами.

Вырождение

Как бы то ни было, мы могли бы доказать, что все профсоюзы, вне зависимости от их политической ориентации (включая и анархо-коммунистические), имеют склонность неумолимо тянуться к роли посредника и в итоге подрывать независимую классовую борьбу. На самом деле, эта интеграция в капитализм обычно подвергается ожесточённым нападкам революционных активистов, часто с переменным успехом. Мы полагаем, что исторический опыт рабочего движения подтверждает это.

Как происходит это «вырождение»? Например, анархо-синдикалистские профсоюзы, как и все остальные профсоюзы, должны быть в состоянии получить «лучшие условия» для рабочих здесь и сейчас, иначе они останутся маленькими, чисто политическими организациями. Пока анархо-синдикалистский профсоюз остаётся маленьким и, что важно, непризнанным со стороны хозяина, организуя наиболее активных, обладающих классовым самосознанием рабочих, он может участвовать в несанкционированных акциях. Это сохраняет «революционный дух». В течение периода усиления классовой борьбы (пока его деятельность способствует этому) профсоюз набирает численность. Если он может благополучно привести забастовки, захваты и т. д. к победе, то сможет привлечь много членов. Это противоречит условиям, заставившим руководителей/менеджмент признать профсоюз, договариваться с ним. Если в этот момент анархо-синдикалистский профсоюз не ведёт переговоры, он теряет доверие большинства своих членов, поэтому он вынужден или представлять массу своих членов, или отказаться от участия в сложившейся ситуации. С тех пор как рабочие стали - в некоторый момент это одна из сторон революции - вести переговоры со своими хозяевами, не удивительно, что анархо-синдикалисты выбирают старые методы. Когда период напряжённой борьбы заканчивается, анархо-синдикалистский профсоюз сталкивается с выбором между выполнением приземлённой, повседневной работы, которую делают все остальные профсоюзы, и возвращением к тем временам, когда он был незначительной силой на рабочем месте, уходя, таким образом, с пути, которым идут реформистские профсоюзы. Если он выберет последнее, он фактически перестаёт быть профсоюзом и становится (более или менее) революционной группой в пределах рабочего места. Можно сказать, что анархо-синдикалистский профсоюз является революционным (то есть действующей силой в классовой борьбе) тогда, когда он не действует как профсоюз.

Этот процесс можно чётко увидеть на примере Координации Докеров в Испании, координационного совета, возникшего в 1970-е. Хотя эта организация не была особенно анархо-синдикалистской (или, на самом деле, синдикалистской во всём), в её основе была анти-бюрократическая, анти-партийная, классовая и весьма «демократическая» структура, в которой участвовали члены НКТ. Рождённая в борьбе в портах и в широких слоях испанского рабочего класса, Координация была организована через массовые собрания, созданные чтобы быть примером постоянной «профсоюзной» организации, которая не поддастся бюрократизации, рутинизации и классовому сотрудничеству. Годами Координация была вовлечена в борьбу, которая поддерживала её боевой импульс, и вызывала восхищение либертарных революционеров. Когда её борьба стала постепенно сходить на нет, организация становилась всё менее и менее динамичной и всё больше и больше напоминала традиционный профсоюз, несмотря на героические усилия антикапиталистических активистов, состоявших в ней. Координация [докеров] - хороший пример того, что бюрократия это естественный побочный продукт экономической организации в периоды «поражения».

Роль революционеров

Итак, если мы отвергаем идею построения «альтернативной», синдикалистской профсоюзной структуры, что может посоветовать ACF, когда придёт в организацию на рабочем месте? В некотором смысле, на этот вопрос отве-

чает опыт борьбы рабочего класса. Во времена подъёма – промышленного или общественного – рабочий класс развивает организационные формы, чтобы бороться за свои интересы. Наиболее очевидный пример этого – Советы Русской революции; Советы Германской и Итальянской революций; советы Венгерской революции; комитеты действия во Франции в 1968-ом; и бесчисленное количество других. Координационные комитеты французских рабочих в 1980-е и 1990-е, COBAS в Италии в этот же период, забастовочные комитеты шахтёров Донбасса на Украине и т. д. Эти «спонтанные» организации рабочего класса также могут стать бюрократическими/упадочными (подумайте о судьбе Советов в «Советском Союзе»), но, обычно, они исчезают, когда решается задача, которая их породила.

Спонтанность

В отличие от некоторых анархистов и «сторонников рабочих советов», которые имеют склонность к «спонтанности» и отрицанию любой организации, мы видим необходимость организованного проникновения революционеров на рабочие места и в сообщества. Например, в Великобритании мы могли бы поддержать тактику анархо-синдикалистов (Solidarity Federation, www.solfed.org.uk), которые помогают сетям активистов в разных отраслях промышленности. Вместо того чтобы быть базой для возможного «всеобщего» профсоюза, такие координации могут быть средством для построения революционных групп на рабочем месте, которые бы связывались с активистами в местном и в более глобальном масштабе. Такие группы могут пропагандировать, организовывать группы сопротивления, вмешиваться в борьбу и убеждать в преимуществах самоорганизации в любое время. С развитием борьбы эти сети могут координировать действия и стимулировать создание забастовочных комитетов и комитетов борьбы, неподконтрольных профсоюзам. Когда борьба закончится, эти группы поддержат организованное присутствие, соберут вместе активистов для дальнейшей борьбы. Такие группы могут быть связаны - не как структуры профсоюзного типа, но как части целого - с такими же революционными организациями и местными либертарными движениями. Увеличивающееся количество активистов из рабочего класса находится в поисках альтернатив. Синдикализм является готовой альтернативой профсоюзам.

Вывод

Как мы установили в первой части статьи «Синдикализм: критический анализ», анархо-синдикализм находится в состоянии возрождения в мировом масштабе. Наряду с крушением «реального социализма» (то есть государственного капитализма в СССР и его социал-демократических/ленинистских защитников). Что мы хотели бы сделать нашей статьёй, так это вызвать критическую дискуссию о том, является ли синдикалистская (включая анархо-синдикалистскую) модель движением вперёд в борьбе. Мы верим, что это не так и что либертарии должны серьёзно задуматься над вопросом организации людей на рабочем месте и вне его. Мы приветствуем дальнейшее обсуждение в этой области.

СИТУАЦИЯ

КИРГИЗИЯ

Последствия мирового кризиса капитализма дают о себе знать снова, на этот раз в Киргизии. Киргизия бунтует уже второй раз за несколько лет. Повторится ли сценарий 2005-го года или революция примет новые, более широкие обороты?

Пять лет назад народ Киргизии уже бунтовал. Протесты быстро возглавила оппозиция и извлекла из этого политическую выгоду. Оппозиция взяла ситуацию под свой контроль, быстро удалось успокоить бунтующий народ, получить признание со стороны глав других государств. Либералы могли быть довольны.

«Тюльпановая революция» привела к власти новый клан, но для народа, совершавшего революцию, мало что изменилось в лучшую сторону. Экономическая ситуация находилась в перманентном кризисе, страна очень сильно зависела от Российского, Китайского (и возможно, Американского) империализмов. Безработица все время была на высоком уровне, не опускаясь ниже 11%. Около миллиона людей вынуждены работать в других странах (в основном в России), таким образом, жизнь многих киргизов зависит от пересылаемых из-за границы средств. Накалены противоречия между северными и южными регионами. Правление Бакиева не принесло никаких улучшений киргизскому пролетариату, под конец начались политические репрессии и «закручивание гаек».

Но репрессивные методы только усилили народное недовольство, и 6-7 апреля 2010 года начался новый бунт. Хотя события еще не закончились, уже видно, что восстание еще яростней, чем было пять лет назад. Снайперы с крыш убивали десятки людей, но это не останавливало никого. Лидеры оппозиции пытались остановить людей, сами боялись радикальных действий, но народ захватил дом правительства и другие административные здания. Восставшие захватывали оружие, избивали ментов, захватили и покалечили главу МВД. Либеральные СМИ сокрушались о множестве случаев «мародерств», но на деле это стихийная экспроприация собственности пролетариатом. Сейчас, когда формальная власть перешла к оппозиции, восстание не окончено и бунтующие не слушаются воззваний оппозиционных лидеров. Можно говорить о том, что оппозиция все еще не контролирует ситуацию.

В Киргизии положение периферийного капитализма сочетается со слабой урбанизацией, большим числом сельского населения. Однако, в последнее время был заметен и рост городского населения[1]. Киргизский пролетариат с одной стороны сохранил сельские общинные традиции, с другой стороны, угнетен в условиях крайне зависимого упадочного капитализма. Возможно, в этом и кроется причина этих бунтов. Переход власти от одного правительства к другому – это раздел власти между кланами, северным и южным. Пролетарии же, поднимающие бунт, и идущие на пули снайперов, используются политическими лидерами как пушечное мясо для достижения своих целей. В эпоху упадка капитализма буржуазная революция не может служить социальному прогрессу и лишь отвлекает угнетенных от борьбы за свои интересы. Итоги правления «революционного» правительства Бакиева – чем не дока-

зательство этого? Не стоит надеяться и на то, что новое Временное правительство станет представлять народные интересы. То, что Путин выразил свое одобрение новому правительству, уже говорит о многом. Оно не будет способно провести реформы в интересах большинства населения, обеспечить модернизацию страны. Даже если нынешний бунт угаснет, даже если его удастся подавить силой, недовольство никуда не исчезнет и вскоре разразится с еще большей силой.

Все зависит от того, как себя поведет киргизский пролетариат. Лишь тогда, когда он начнет верить в собственные силы и начнет бороться за власть общих собраний, возможны существенные перемены. Нам неизвестно о существовании социально-революционных групп, которые могли бы поднять лозунг власти общих собраний и распространить его в массах. Но то, что по словам СМИ, бунтари, «не слушают никого, кроме своих сельских лидеров», дает большие надежды. Даже если последние события снова останутся лишь буржуазным переворотом, киргизские пролетарии снова поднимутся на борьбу. Рано или поздно они смогут установить власть общих собраний, и послужить примером для революционных сил всего мира. Благо в России около миллиона киргизских иммигрантов, которые могут принести сюда бунтарские настроения.

Мы не можем ничего советовать киргизскому пролетариату со своей «высокой колокольни», им самим виднее как вести борьбу. Но если бы мы жили сейчас в Бишкеке, то подняли бы лозунги «Нет войне кланов севера и юга, да классовой войне!» «Ни Бакиев, ни Отынбаева, только власть общих собраний!»

Подшипников

К СИТУАЦИИ НА КАВКАЗЕ

Разного рода «аналитики и эксперты» представляют конфликт на Северном Кавказе как цивилизационный, религиозный. На самом деле конфликт носит социально-классовый характер. К великому сожалению, ожесточенная классовая борьба в Ингушетии, Дагестане и Чечне протекает в религиозной оболочке. Это объясняется самыми разными историческими причинами. Так население Северного Кавказа испытало в XX веке мощные идеологические разочарования. В середине XX века сталинский режим осуществил депортацию народов Северного Кавказа в восточные районы страны. В конце XX века в связи с распадом СССР и «крушением коммунизма» население Северного Кавказа, как и все россияне, пережили идеологический шок. В этом основные причины того, что классовая борьба на Северном Кавказе не протекает под знаменем социалистической идеологии. Сталинский геноцид, с которым ассоциируется социализм, и шок от распада СССР под корень уничтожили левые идеи в умах жителей Северного Кавказа. С другой стороны, на Северном Кавказе, как и в целом в России, разочарованы демократией, ибо в сознании широких масс именно демократы виновны в разжигании конфликтов на Кавказе. Подобное же можно сказать о светском национализме и идеи создания национального государства, так как стоявшие во главе Чечни националисты в 1990-е полностью обанкротились. Де-факто существовавшее в 1997-1999 гг. Чеченское государство простым жителям ничего хорошего не принесло. Если в первую чеченскую войну чеченская беднота отчаянно сражалось за создание национального государства, то этого нельзя сказать о второй войне.

Все плоды победы в первой войне оказались в руках у верхушки, поэтому во вторую войну чеченская беднота уже не горела желанием умирать за независимую Чечню. В этом причина относительной легкости победы федеральных войск и разочарования в светском национализме. В силу разочарования населения Северного Кавказа в социализме, демократии и национализме, знаменем борьбы стал радикальный ислам. Как и во времена Английской и Американской революций борьба стала идти под знаменем религии. Но у победы радикальной исламистской идеологии были и другие причины. Крохотная Чечня не могла выжить в условиях войны и разрухи без поддержки извне. Она нуждалась в притоке денег, добровольцев, оружия, продовольствия и т.д. Все это могло прийти преимущественно из стран мусульманского мира, где война в Чечне вызвала самый широкий резонанс. Своеобразной платой за предоставление помощи было распространение исламизма и нарастающее влияние исламистов в правящих кругах Чечни. У распространения радикального ислама были и исторические причины, в частности национально-освободительная война горцев в XIX веке под знаменем газавата. Но были причины и международные. В странах мусульманского мира в последние десятилетия борьба угнетенных ведется под знаменем радикального ислама. Не будем забывать и о глубокой укорененности в сознании жителей Чечни, Ингушетии и Дагестана исламской религии.

Что сразу бросается в глаза в современной борьбе на Северном Кавказе? Во-первых, то, что гарнизоны российских войск крайне редко подвергаются нападению со стороны боевиков. Во-вторых, основная мишень боевиков это республиканские чиновники и местные менты. Другими словами местная элита и ее вооруженные отряды. В-третьих, исламистское подполье не испытывает недостатка в притоке добровольцев и численность активного подполья ограничивается лишь количеством материальных средств в их распоряжении, но никак ни количеством возможных добровольцев. Если бы исламисты могли вооружить вдвое большее количество людей, они бы это количество получили. Здесь встает вопрос о той социальной базе, из которой вербуются боевики. Чтобы ответить на этот вопрос необходимо прояснить социально-экономическую ситуацию на Северном Кавказе и ряд других факторов. Возьмем безработицу в самых горячих регионах в 2008.

Регион	*Доля безработных*
Дагестан	13.4%
Ингушетия	55%
Чечня	35.5%

Вот со статистикой тут большие фокусы. Так за год до этого, в Чечне безработица составляла 53%, а в Дагестане

20.2%. Но если число безработных в Чечне, Ингушетии и Дагестане статистикой занижено, то общее население наоборот завышено. Так, если сравнивать население Чечни в 1990 (1135.9 тыс.) и 2008 (1223.7 тыс.), то получится, что оно выросло, несмотря на войну и массовую эмиграцию. Никакой уровень рождаемости (который во время войн и массовых перемещений резко падает) такого роста обеспечить не может. Таким образом, реальная безработица там намного выше, чем зафиксировано «статистикой». Вот сравнение безработицы в горячих регионах СКФО с относительно спокойными.

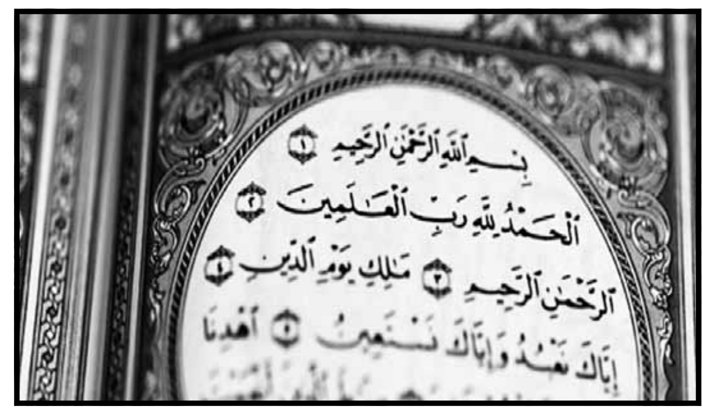
Регион	*Доля в населении СКФО (2008)*	*Доля среди безработных СКФО (2008)*
Дагестан, Ингушетия, Чечня	48.27%	64%

На эти регионы приходится половина общего населения СКФО и две трети безработных.

Ярким свидетельством того, что российский капитализм утратил свою прогрессивную роль и более неспособен к модернизации национальных окраин является тот факт, что с начала 1990-х в регионах Северного Кавказа остановилась, а кое-где повернулась вспять урбанизация. Это связано с деиндустриализацией и безработицей (см. таблицу 1).

В республиках Северного Кавказа с начала 1990-х гг. город отступает перед деревней и процесс продолжается. Охваченные безработицей города не особо привлекают жителей сел и аулов. Кроме того, горячие республики Северного Кавказа – Чечня, Ингушетия и Дагестан находятся на последних местах в стране по уровню жизни. Наиболее нестабильная из них Ингушетия - по уровню жизни на последнем месте. Не надо обладать великим умом, чтобы понять, что социальная инфраструктура Чечни, Ингушетии и Дагестана находятся на грани краха. На все это наслаивается сверхкоррумпированность местных элит, клановость, межнациональная рознь, религиозные распри, пережитки традиционного общества. Специфика традиционного общества, а его пережитки сильны на Северном Кавказе, в том, чтобы чего-то в жизни добиться, нужно принадлежать к определенной социальной группе – быть чьим-то родственником, знакомым, односельчанином, соплеменником и т.д. Общество жестко разделено на множество таких отсеков и разграничений, пересечь которые постороннему практически невозможно. Каждый поддерживает только своих, и пробиться на более высокую ступень социальной лестницы можно только группой. Если кто-то добился какого-нибудь, например, высокого поста, то он наводняет администрацию своими родственниками и близкими знакомыми. Этот принцип распространяется буквально на все. Личные заслуги в расчет почти не берутся. Главное это родовое происхождение, национальность, религия и знакомства. Короче надо быть «своим», а все остальное потом. В результате огромное количество людей из беднейших слоев населения (а в Дагестане еще из национальных меньшинств) выброшено из нормальной жизни, поскольку ключевые сферы жизни общества захвачены узкими и замкнутыми для чужаков элитами.

Особенно страдает молодежь, поскольку у нее нет ничего. Ни собственной квартиры, ни работы, ни специальности и никаких перспектив на будущее. Однако ни социальное неравенство, ни всеобщая безработица, ни бедность или отсутствие перспектив само по себе не предполагает вооруженной борьбы угнетенных против угнетателей. В остальной провинциальной России тоже есть и массовая безработица, и социальное неравенство, и бедность с отсутствием жизненных перспектив. Но, тем не менее, там размах борьбы общественных низов даже близко не стоит с его размахом в Чечне, Ингушетии и Дагестане, где, по сути, идет вялотекущая гражданская война. А Гражданская война есть высшая форма классовой борьбы. А на Северном Кавказе идет именно классовая борьба, поскольку в последние годы основная мишень боевиков это не российские войска, а местное чиновничество и их цепные псы – милиционеры, т.е. господствующий класс северокавказских республик. Само собой, что стреляют чиновников и взрывают ментов не другие менты и другие чиновники. Это делают бедные и угнетенные, которые становятся боевиками, взрывают себя в качестве смертников, по той причине, что чувствуют, что в этой жизни им ничего не светит кроме жалкого существования ради обслуги местных элит. Вооруженный конфликт на Кавказе это вялотекущая гражданская война между классом угнетенным под знаменем исламизма и классом угнетателей. Если в 1990-е гг. борьба шла в основном в Чечне и носила форму национально-освободительной войны с Россией, то в 2000-е она расширилась на Ингушетию и Дагестан и приняла форму войны Гражданской. Главный метод этой войны – террористический акт. Накал современной террористической борьбы на Северном Кавказе сопоставим с накалом террористической борьбы эсеров в годы революции 1905-1907 (правда, надо учитывать, что эсеры не занимались безразборным террором). Борьбу такого масштаба можно вести лишь тогда, когда за боевиками стоит огромная масса угнетенного люда, из которой в террор приходят все новые люди.

Боевики не испытывают недостатка в людях, что можно объяснить только одним – они пользуются массовой поддержкой. Достаточно сказать, что в 2009 было проведено 15 терактов с участием смертников, еще 6 смертников были обезврежены. 21 террорист-смертник за год на территории трех крохотных республик это самый рельефный показатель глубины северокавказского конфликта. Раньше боевики воевали против российских войск, а сегодня идет война преимущественно против местных элит и местных карательных органов. Война национально-освободительная превращается в войну Гражданскую, пусть пока прикрытую и вялотекущую. Такой поворот произошел, потому что открытая война с российской армией закончилась поражением. А с другой стороны, потому что люди осознали, что от «своих» элит, от «своих» начальников, от «своих» ментов беспредела и насилий намного больше чем от федерального центра. Как известно, холуй намного остервенелей своего хозяина. Не будет большим преувеличением сказать, что в каком-нибудь махачкалинском горотделе милиции за

Таблица 1. Динамика изменения численности городского населения в СКФО

Регион	*Доля горожан в 1990г.*	*Численность горожан в 1990г. (тыс. человек)*	*Доля горожан в 2008г.*	*Численность горожан в 2008г. (тыс. человек)*
Дагестан	44%	825	42.4%	1150
Ингушетия	27.8%	52.5	43.1%	219
Кабардино-Балкария	61%	470.7	56.1%	500
Карачаево-Черкессия	49.1%	207.2	43.8%	187.15
Северная Осетия	69.1%	448.46	64.3%	451.39
Чечня	47.8%	560.2	35.3%	437
Всего	***50.5%***	***2564.06***	***45.44%***	***2944.54***

сутки совершается больше преступлений, чем совершают террористы за неделю. Если Чечня, Ингушетия или Дагестан отделятся от России, то стоявшие прежде у власти элиты и сотрудники карательных органов будут подвергнуты беспощадным репрессиям как предатели своих народов, поэтому чиновничество и менты кровно заинтересованы в том, чтобы оставаться в составе России. Они будут бороться за свою классовую правду, классовую правду господствующего класса. Угроза резни местных элит в случае прихода к власти исламистов делает северокавказскую борьбу особенно ожесточенной. Но почему же в остальной России, где тоже много несправедливостей, где тоже соседствуют блеск и нищета, нет такой борьбы как на Северном Кавказе?

Это произошло потому, что в России не сохранилось традиций общинной сплоченности и коллективизма, благодаря которым население может быстро самоорганизоваться для совместной борьбы. У северокавказских народов такие традиции сохранились, поэтому им не стоит особых проблем самоорганизоваться на низовом уровне, в масштабах небольшой местности. А при помощи Интернета и современных средств связи это можно делать и на огромных территориях. Те, кто много контактирует с северными кавказцами, прекрасно знают, что если обидеть одно из них, то на помощь ему придут все его соплеменники или земляки. Кроме северокавказских и некоторых азиатских народов, носителей таких коллективистских традиций в России практически не осталось. Этот общинный коллективизм, соединяясь с Интернетом, современными средствами связи и оружием начинает представлять по-настоящему грозную силу. Если мы посмотрим на вооруженные восстания, гражданские войны, непрекращающуюся террористическую борьбу в последние десятилетия, то увидим, что все они произошли в регионах, где еще сохранились традиции общинного коллективизма. Это Афганистан, Пакистан, Албания, Косово, Босния, Северный Кавказ, Сомали, Руанда, Киргизия и т.д. Коллективизм – вот главнейший источник революционности угнетенных масс. Если пролетариат разобщен, а мы понимаем под пролетариатом класс, лишенный политической и экономической власти, то над ним какие угодно издевательства могут сойти с рук, как это произошло в СНГ в 1990-е.

...У многих кто начинает заниматься боевыми искусствами, есть такая проблема, что они не могут полноценно ударить человека, потому что у них в голове есть «тормозящие эффекты». Просто психика им ставит препоны. Вот таким препоном в сознании российского пролетариата служит чрезвычайно распространенная идеология почтения к государству и его законам. Не важно, что государство, т.е. бюрократический и карательный аппарат, состоящий из живых чиновников и силовиков, которые заботятся, прежде всего, о собственных интересах, грабит и убивает нас каждый день. Не важно, что государство не выплачивает зарплату или задерживает пенсию. Всё это факты, и, тем не менее, у нас многие требуют усиления государства, которое в итоге нас будет грабить и убивать еще усиленней. Зараженность государственнической идеологией широких масс это большая проблема для российских революционеров. А вот в Чечне, Ингушетии и Дагестане такая проблема не стоит. Там, как в России в бунташный XVII век, государство воспринимается как чуждая и внешняя сила, которая хочет силой подчинить свободолюбивых горцев. Исторически сложилось именно так, поскольку государственность туда приносили иностранные завоеватели, персы, турки или русские. А вместе с государственностью приходили налоги, каратели, чужие законы и т.д.

Резюмируем выше сказанное:

1) Социалистическая идеология, национализм и демократия на Северном Кавказе дискридитировали себя. Образовался идеологический вакуум, который заполнил радикальный ислам. Классовая борьба угнетенных против угнетателей проходит под ширмой религии, как это было во времена первых буржуазных революций.

2) Социальная инфраструктура Чечни, Ингушетии и Дагестана близка к полному краху. Острейшей является проблема безработицы. Никакой модернизации Северного Кавказа не происходит.

3) Молодежь из беднейших слоев населения представляет собой социальную базу исламистов. Такая молодежь полностью лишена каких-либо жизненных перспектив в силу социально-экономических проблем Северного Кавказа (которые обусловлены капитализмом) и пережитков родового строя.

4) Национально-освободительная война с Российским государством переходит в форму скрытой и вялотекущей Гражданской войны. Угнетенные массы противостоят местному чиновничеству и карательным органам, т.е. господствующему классу и его вооруженным отрядам. Война на Северном Кавказе не является войной религиозной, как считают исламисты, и не является войной цивилизационной, как думают русские националисты. Она является войной социально-классовой.

5) Экстремистское подполье пользуется массовой поддержкой бедных, обездоленных и угнетенных. Именно поэтому оно может выставлять тысячи боевиков и множество смертников. Такая мощь вооруженного подполья говорит о глубине кризиса на Северном Кавказе.

6) Победа исламистов будет означать безжалостные репрессии против чиновничества и местных карательных органов как врагов народа или же ислама. Поэтому господствующий класс будет жестоко подавлять всякое ему сопротивление. Элиты Северного Кавказа будут отчаянно бороться за свои классовые интересы, поэтому конфликт и дальше будет только ужесточаться.

7) Сохранившийся в массах Северного Кавказа коллективизм в совокупности с множеством творящихся там несправедливостей и положением региона как периферии российского капитализма является источником революционности угнетенных классов Северного Кавказа. К сожалению, эта революционность окрашивается не в красный цвет пролетарской революции, а в зеленый цвет радикального ислама.

8) В российском пролетариате, классе лишенном политической и экономической власти, традиции коллективизма отсутствуют напрочь. Эта главная причина, по которой он не может самоорганизоваться для совместной борьбы и не является революционным. Российский пролетариат это раздробленный, распыленный и атомизированный класс, который мало способен на борьбу. Кроме того, российский пролетариат заражен такими буржуазными предрассудками как почтение к государству и т.п.

9) Северный Кавказ – это периферия российского капитализма, поэтому все его противоречия проявляются на Северном Кавказе особенно сильно. Вдобавок они соединяются с пережитками родового строя и образуют настоящую пороховую бочку.

Что должны делать левые революционные силы России в такой ситуации на Северном Кавказе? Разумеется, мы должны критиковать как исламизм, так и российское государство, однако, и это главное, мы должны показать бедным и угнетенным Северного Кавказа социалистическую альтернативу. Необходимо показывать северокавказской бедноте, что ее проблемы не решатся с изгнанием «кафиров», установлением шариатского или национального государства. Все это хорошо показала Чечня 1997-1999 гг. Своего освобождение бедные и угнетенные массы Северного Кавказа смогут добиться лишь в ходе освобождения своих собратьев по классу по всему миру. Капитализм – а именно он источник всех бед – глобальная система, поэтому он может быть уничтожен лишь в ходе мировой революции. Что принесет Мировая революция массам угнетенного люда?

1) Она даст им в руки оружие, а, следовательно, власть.

2) Власть будут осуществлять сами восставшие массы на своих общих собраниях. В условиях наличия Интернета и других современных средств связи возможно объединить общие собрания различных местностей в единую информационную систему и так координировать свои действия. События в Киргизии показали, что общие собрания восставших масс, которые там назывались Народными Курултаями, представляют собой грозную силу и в считанные дни могут свергнуть правительство. К сожалению, эта сила уже оседлана буржуазными политиками, поскольку восставшим пролетариям не пришла в голову здравая мысль, что свои жизни можно устроить по новому, по-революционному, не передоверяя управления ими никому и никогда. В прежние века общие собрания восставших масс никогда не смогли бы взять управление обществом на себя, поскольку невозможно было координировать их деятельность в масштабе страны и уж тем более планеты. Это можно было сделать в масштабе села или города, но не страны. Поэтому необходим был отделенный от народа аппарат управления и подавления, т.е. государство. Сегодня современные средства связи связали всю планету в единую информационную систему, а значит, создано основное условие, при котором пролетарии смогут взять дело управления в свои собственные руки, не передоверяя его никаким отделенным от масс органам. Все ключевые решения будут приниматься общими собраниями трудящихся, а там где это необходимо будут созданы исполнительные комитеты, которые не будут отделены от народа. Это будет обеспечено при следующих условиях: всеобщее вооружение трудящихся масс, зарплата исполнителей решений общих собраний не должна превышать зарплаты квалифицированных работников, их сменяемость в любой момент и выборность. Современные технологии делают возможным установить прямую демократию общих собраний трудящихся. Отделенный от народа государственный аппарат уже сегодня становится ненужным и паразитарным. Если же в ходе движения масс будут созданы другие организационные формы новой власти, то это можно лишь приветствовать.

3) Восставшие пролетарии экспроприируют собственность буржуазии. Гигантские особняки и роскошные виллы, буржуйские автопарки и многое другое станет достоянием всех, а не ничтожного зажравшегося меньшинства. Больше не будет в мире стоять никаких квартирных вопросов. Мировая беднота уничтожит, как свою собственную унижающую бедность, так и чужое паразитарное богатство.

Мы обрисовали лишь некоторые черты того, что принесет пролетарская революция простому угнетенному человеку. Главное, что она даст ему власть и собственность. Мировая пролетарская революция будет означать коренной переворот в жизни человечества и сейчас лишь можно прояснить его некоторые черты.

Буржуазия желает избежать такого развития событий и применяет все свои проверенные временем средства, такие как разжигание межнациональной и межрелигиозной ненависти и вражды. Она сталкивает лбами угнетенные массы разных народов, чтобы они не восстали против своих элит. Организуя взрывы в московском метре, буржуазия вбивает клин между угнетенными разных национальностей и создает образ врага, дабы мы все как один сплотились вокруг правительства и были готовы встать на защиту родины. На это мы можем ответить:

Мир народам! Война классам!
Да здравствует Мировая пролетарская революция!
Угнетенные всех стран, соединяйтесь!

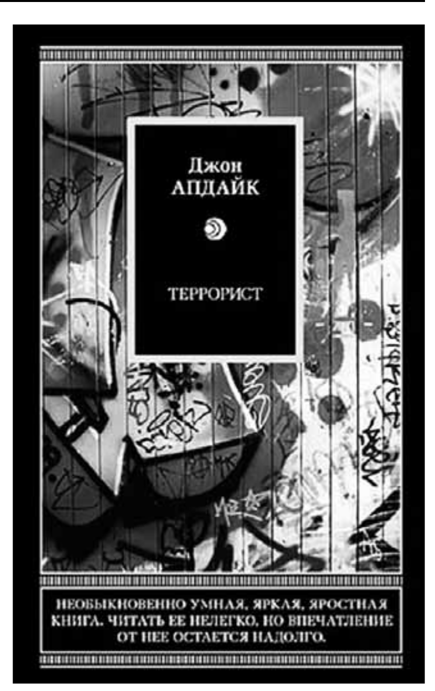
Роберт Антиверов

Источник:
Регионы России.
Социально-экономические показатели 2009.
Статистический сборник.
стр. 64 – данные о доле горожан.
стр. 140 – безработица.

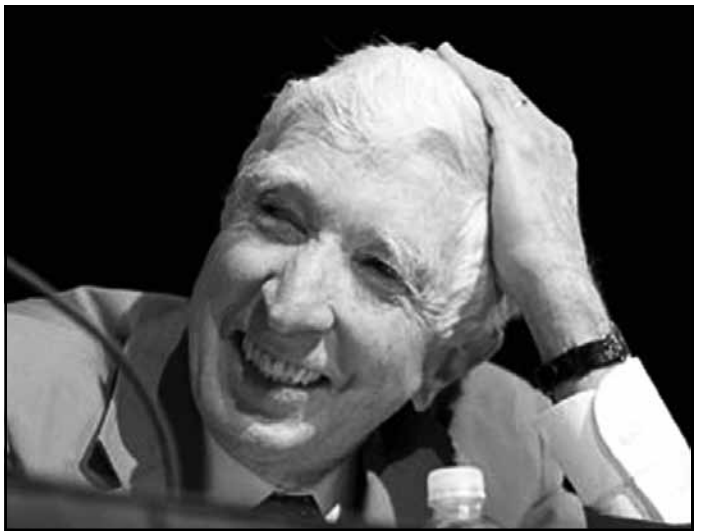
О КНИГЕ ДЖОНА АПДАЙКА «ТЕРРОРИСТ»

В своем предпоследнем романе, написанном за несколько лет до смерти, известный американский писатель касается одной из наиболее актуальных сегодня тем – исламского терроризма. Причем отправляться куда-нибудь на Ближний Восток или в Афганистан он не собирается. Действие романа происходит в пригороде Нью-Йорка, а главный герой – американский подросток-мусульманин Ахмад Ашмави.

Именно изображение современной Америки и людей, которых формирует нынешнее капиталистическое общество, является главным достоинством этой книги. Много внимания автор уделяет месту, в котором разворачиваются события, - вымышленному городу Нью-Проспект. Таких городков в Нью-Джерси, да и по всей Америке, может быть целая куча. Этот город, названный автором не без умысла Нью-Проспект (что по-русски означает Новая Перспектива), был когда-то символом промышленного развития, прогресса, надежд и «оптимистического настроения, что помогало эмигрантам из Восточной Европы, Средиземноморья и с Ближнего Востока выносить четырнадцатичасовой напряженный, насыщенный ядовитыми газами, оглушающий, монотонный рабочий день». Теперь этот «старый промышленный город, умирающий на корню и превращающийся в джунгли третьего мира», тоже является символом, но уже дряхлеющей капиталистической Америки, где на флагштоках реют выцветшие национальные флаги, зеленые пространства уступают место дешевым домам и пустырям, а в центре на заколоченных фанерой витринах магазинов красуются граффити, гордо возвещающие о принадлежности к той или иной банде.

В этих джунглях, в которых застревают «брошенные разведенки и мастера исчезающих профессий в захиревших отраслях, а также занятые тяжелой работой цветные», прожил почти всю свою жизнь стареющий и страдающий бессонницей школьный наставник Джек Леви, смотревший в молодости, когда в «воздухе чувствовалось представление о том, что молодежь может изменить мир», фильмы, «заставлявшие шевелить мозгами». Его жена Бэт – типичная пожилая американка, растолстевшая, прикованная к телевизору с телешоу

и сериалами. После нескольких десятилетий брака они превратились в пару, которую «жизнь перемолола в бесцветную одинаковость». Иногда они пытаются как-то развлечься: играют в карты с такими же, как они, коллегами по работе, ходят в рестораны или в «захудалые киношки с заплеванными полами» на фильмы «не слишком жестокие или сексуальные». Единственным ярким событием в жизни Джека становится случайно возникшая интрижка на стороне, которая хоть как-то скрасила его жизнь. Она не вызвана каким-то сильным взаимным чувством, а является простой попыткой убежать от серости и одиночества. Попыткой неудачной.

Джек получился у Апдайка, пожалуй, самым правдоподобным персонажем в романе. Осознающий пустоту собственной жизни и вообще сомневающийся в том, что такой жизни есть альтернатива, Джек является как бы иллюстрацией учителей, о которых Ахмад думает: «Учителя выворачиваются наизнанку, обучая добродетели и самовоздержанию, но бегающие глаза и глухие голоса выдают отсутствие у них веры. Им платят город Нью-Проспект и штат Нью-Джерси, чтобы они этому учили...чтобы они прививали любовь к добродетели и демократическим ценностям...», но «учителя получают наслаждение от того, что они уже не в школе... что они еще на один день расстались со своими студентами целыми и невредимым... Вне школы они живут беспорядочно, распутно, потворствуя своим желаниям».

Образ самого Ахмада – в целом достаточно удачный – все-таки представляется не до конца завершенным. Порой создается впечатление, что перед тобой не Ахмад, а Джон Апдайк, пытающийся понять, каким должен быть его главный герой, как бы он повел себя в той или иной ситуации. Поэтому местами действия и решения Ахмада кажутся не до конца убедительными.

Но это происходит лишь местами и, несмотря на эти недостатки, причины, которые побудили американского подростка встать на путь джихада, вначале как путь внутренней борьбы, а затем и борьбы реальной, показаны Апдайком вполне правдоподобно. Ахмад Ашмави - сын матери-ирландки и отца-египтянина, бросившего их, когда мальчику было три года. Живут они бедно, в маленькой квартирке многоэтажного дома. Терри, его мать работает помощницей медсестры, а в свободное время рисует картины (это ее способ забыть о неудавшейся жизни), которые иногда удается продать, и видит сына обычно меньше часа в сутки. Ахмад же учится в последнем классе школы и подрабатывает в супермаркете. Как пишет Апдайк, «Ахмад приобщался к американскому изобилию, лизнув его оборотную сторону...мать и сына со всех сторон осаждали привлекательные оригинальные вещи, которые были им не нужны и которые они не могли позволить себе, тогда как другие американцы, казалось, без труда приобретали их, а они не в состоянии были столько выжать из жалования безмужней помощницы медсестры».

Однако, бедняков в Нью-Проспекте много, но никто из них не становится шахидом. Причин, которые толкают Ахмада на этот путь, несколько. Он становится мусульманином, отчасти из-за отца-египтянина, которого он никогда не знал, но о котором часто думает, отчасти из-за собственного одиночества. «Ахмад, растя без отца, с блаженно неверующей матерью, привык быть единственным почитателем Бога, - тем, чьим невидимым, но ощутимым компаньоном был Бог. Бог всегда был с ним...Бог – его радость». У Ахмада нет близких друзей или девушки. И в этом вряд ли виноват он сам. Его сверстники сбиваются во враждующие между собой банды, становятся субкультурщиками или слепо подражают увиденным на экране образам суперзвезд. Стремясь разбогатеть и жить, как герои с MTV, в дальнейшем они подаются в наркоторговцы, проститутки («Это ведь не навсегда», уверены они) или превращаются в сутенеров своих собственных подружек. Проблема Ахмада в том, что он куда лучше большинства тех, кто его окружает. Джек Леви говорит о нем: «Мальчикам вроде Ахмада нужно что-то такое, чего общество им больше не дает». И, хотя взгляды Ахмада далеки от идеала – в них намешан и антисемитизм, и порой примитивный антиамериканизм, - он намного лучше видит убожество, несправедливость, лицемерие окружающей действительности.

Вот, что он говорит, например, о рекламе и американском империализме: «Взгляните на телевизор, мистер Леви: как там используют секс, чтобы продать то, что вам не нужно. Взгляните на историю, какую преподают в школе, - это же чистый колониализм. Взгляните, какой христиане устроили геноцид исконным американцам, как подточили Азию и Африку, а теперь взялись за ислам со всей мощью Вашингтона, где правят евреи, чтобы таким образом удержаться в Палестине».

Не испытывает он особых иллюзий и в отношении своих современников: «Я смотрю вокруг себя и вижу рабов – рабов наркотиков, рабов причуд, рабов телевизора, рабов спортивных героев, которые и не подозревают об их существовании, рабов нечестивых, рабов бессмысленных мнений других людей».

Понимает он и то, кто остается в выигрыше: «Америка же хочет, чтобы ее граждане, по словам вашего президента, покупали – тратили деньги, которых у них нет, и тем самым продвигали бы экономику для него и других богачей».

Таким взглядам Ахмад во многом обязан своему учителю, как он его называет, - имаму местной мечети, расположившейся в бывшей школы танцев. У этого пожилого утонченного йеменца Ахмад лучший, и, наверно, единственный настоящий ученик, с которым он дважды в неделю занимается арабским языком и изучает Коран.

Кстати, Апдайк часто приводит цитаты из Корана и их интерпретации, вкладывая их в уста Ахмада и имама шейха Рашида. Это явно идет на пользу роману, а вот художественным недостатком является слишком затянутые, порой на несколько страниц, описания зданий или инструкции по обращению с опасными веществами, для которых было бы достаточно и пары предложений.

Именно имам советует Ахмаду после окончания школы стать водителем грузовика. Джек Леви, узнав об этом, и, справедливо считая, что юноша может претендовать на большее, советует ему подыскать колледж. На что получает резонный ответ: «Сэр, у нас нет денег на то, чтобы платить за колледж. Моя мать считает себя художницей, но ей пришлось прекратить свое обучение...не могла она оплачивать еще два года, потому что мне надо было идти в школу». Джеку трудно с этим спорить, ведь он сам признает, что парням и девушкам из бедных семей все сложнее «выбиться в люди»: стипендий для них становится все меньше – ведь все больше денег съедают расходы на войну и национальную безопасность.

Кстати, эта последняя тоже представлена в романе Апдайка безымянным министром безопасности. Этот здоровяк-республиканец, трясущийся за свое кресло, открывающее ему место в доходных советах директоров, ведет из своего кабинета в подвальном помещении Белого дома борьбу с противником, которого, как оказывается, он даже не понимает. Разнервничавшись после пресс-конференции, он спрашивает у своей помощницы: «Эти люди... Почему им

хочется творить такие жуткие вещи? Почему они так ненавидят нас?» На что получает ответ сколь простой, столь же и глупый: «Они ненавидят свет. Как тараканы. Как летучие мыши».

А ведь именно правящий класс США приложил немало усилий, чтобы создать этих «тараканов». Он систематически помогал расправляться со светскими националистическими движениями в исламском мире, поддерживая религиозных фундаменталистов в Саудовской Аравии, Египте, Пакистане и т.д., пока на место лидеров вроде Насера или молодого Арафата не пришли совсем другие люди. Первые, конечно, тоже не стесняясь расправлялись с протестующими рабочими, но они хотя бы не стремились воскресить средневековые порядки, публичные казни и лишить женщин всех гражданских прав.

Поражения пролетариата в XX веке дорого обошлись человечеству. Потому что каждая такая победа капитала подготавливает новое варварство. Дед Джека Леви «считал, что капитализм обречен, что ему предначертано становиться все более и более деспотичным, пока пролетариат не бросится на баррикады и не создаст рабочий рай...мир, где облеченные властью не могли уже править на основе предрассудка, где еда на столе, пристойное жилье, являющееся пристанищем, заменили собой не заслуживающее доверия обещания невидимого Бога». Однако, «этого не произошло», а «вера деда-социалиста стала горькой и затуманилась от того, как работал на практике коммунизм».

Джон Апдайк был бы плохим писателем, если бы выбрал сегодня в качестве главного героя какого-нибудь социалиста-революционера и закончил бы книгу мировой революцией. Если быть честными, то придется признать, что пролетариат сейчас слаб, коммунистическое движение влачит жалкое существование, а революционные идеи – удел крошечного меньшинства.

Поражения пролетариата и, пожалуй, самая удачная ложь буржуазии - о «социализме в СССР» - подпитывают мысли о том, что рай на небе более реален, чем рай на Земле. А дифференциация и атомизация угнетенных, неспособность опереться на сколько-нибудь массовое революционное движение обрекают таких людей, как Ахмад, на одиночество и толкают на путь индивидуальной борьбы.

Для того, чтобы им не приходилось делать ложный выбор между богом и попыткой устроиться в мире, где «каждый сосредоточил свою жизнь на самопродвижении и самосохранении», мы должны возродить уверенность угнетенных в том, что они могут этот мир изменить. А этого не произойдет до тех пор, пока те немногочисленные сегодня революционеры не создадут новую революционную организацию, способную подорвать почти что безраздельное идейное господство буржуазии над пролетариатом, не объединят в своих рядах лучших представителей угнетенного класса, не смогут стать той силой, которая будет вести бескомпромиссную систематическую борьбу против капитализма. Это непростая задача, и никто не гарантирует нам успеха, но, как говорил Брехт: «Кто борется, тот может проиграть. Кто не борется, тот уже проиграл».

Женя Любич

АНАРХИЗМ

АНАРХИЗМ, МАРКСИЗМ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА

Всякая попытка изучения анархизма в отрыве от классовой борьбы будет равносильна попытке изучить жизнь акулы без её челюстей. Классовая борьба – это важнейшая составляющая анархизма, и всякая попытка отделить их друг от друга будет не только отрицанием богатейшей истории и истоков анархизма, но также делает анархизм бессодержательным и бессмысленным, превращая его в радикальную разновидность либерализма, «либерализма с бомбой», как язвительно называют это троцкисты. Это утверждение хорошо сочетает два ложных представления об анархистах – во-первых, что они не заинтересованы в классовой политике, и, во-вторых, что главная форма борьбы анархистов – это терроризм. Оставив в сторону троцкистское невежество относительно анархизма, мы можем принять это определение как резюме всего неклассового анархизма.

Анархизм без классовой борьбы лишен и внятного анализа и практической силы. И действительно, когда анархизм отходил от классовой борьбы, он обращался в нигилизм и терроризм. Примером тому была пресловутая «пропаганда действием» - практика и теория, результатом которой стал лишь образ анархиста как бородатого бомбиста, если не считать снижения общей продолжительности жизни европейских монархов в конце XIX века. Однако, стоит отметить, что «пропаганда действием» не отвергала классовую борьбу, но скорее пыталась действовать как ее катализатор; она была следствием поражения рабочего класса и его организаций в ходе жестокого подавления Парижской Коммуны и отсутствия альтернативных путей развития. К тому же, многие защитники «пропаганды действием» и сами понимали ограниченность такого рода стратегии.

«Другие считали, что они стремятся защитить рабочих от государства, деморализовать правящий класс и привнести революционное сознание в умы рабочих. Они не считали, что акции смогут сами по себе свергнуть капитализм или государство – убить тирана ещё не значит уничтожить тиранию. Но, как отмечал Александр Беркман, «террор рассматривался как способ мести за повсеместную несправедливость, способ нагнетания ужаса у врага и привлечения внимания к пороку, против которого направлялся акт террора».[1]

В современных условиях этот отход от прямого участия в классовой борьбе можно наблюдать в виде куда менее опасной и вразумительной политике образа жизни многих так называемых «анархистов», чей «анархизм» определяется в первую очередь через контркультуру и недоверие к любым организациям. Они верят, что перемены исходят из индивидуального выбора стиля жизни, а потому они советуют людям «уйти» от капитализма, «устраниться», говоря языком хиппи. Агитируя за устранение и концентрацию на индивидуальном выборе иного образа жизни, это движение впадает в морализм и элитаризм и отказывается от необходимости глубоких изменений в самом обществе. Мюррей Букчин в своей брошюре «Социальный анархизм или повседневный анархизм: непреодолимая пропасть» резко критикует подобный анархизм образа жизни как проявление раздутого индивидуализма и нарциссизма, которым пропитан весь культурный ландшафт современности. Организацию на рабочем месте и на районе анархизм повседневности обменял на самоутешающую психологию, прикрывающуюся бунтарской лексикой и эгоизмом. В этом «Эго» заключен дух философии образа жизни - laissez faire индивидуализма, приукрашенного путаной постмодернистской/нью-эйдж/псевдо-фукоистской риторикой.

«Их идеология корнями уходит в либерализм, основанный на мифе об абсолютно независимом индивиде, чьи требования суверенитета обосновываются аксиоматическими «естественными правами», «собственным достоинством» или, для более утонченных, «интуитивным кантианским трансцендентальным эго», являющимся первообразной для всей познаваемой действительности».[2]

Если в Испании в 36ом году анархисты призывали к всеобщему вооружению рабочего класса и рабочему контролю, сегодняшние анархисты образа жизни призывают к вооружению желаний и «устранению» от капитализма и мэйнстримного общества – к требованиям и стратегиям, если не объективно реакционным, то явно бессмысленным. Не удивительно, что такой поверхностный подход легко поддается товаризации. Современный капитализм хорошо приноровился к торговле этим пустым бунтом, от культуры хиппи до говнопанка. Недовольство и бунт молодежи превратились в обряд инициации, который мостит дорогу к

настоящему миру и его правилам.

Хотя работа Букчина имеет целью показать корни лайфстайл-политики, это не значит, что мы полностью отказываемся от культурного и личностного измерения борьбы; наоборот, эти измерения всегда присутствуют в любой общественной борьбе. Но из-за отсутствия или прямого противостояния широкому общественному движению, эти измерения становятся все более атомизированы и ассимилируются в *«гибкую и креативную культурную среду, способную справляться с противоречиями, делая их 'бессмысленными, но восхитительно безопасными». [3]*

Подобные процессы особенно заметны в феминистских и ЛГБТ-движениях, которые отошли от вопросов социальной справедливости к чистой политике идентичности, в которой успех измеряется в товарообороте «гей-рынка», количестве звезд-геев, женщинах в советах директоров и признании капитализмом женских и ЛГБТ-проблем. Так Маргарет Тэтчер и Spice Girls становятся иконами феминисток, хотя они не могут ничего дать своим «сестрам», кроме имитации мужской соревновательности или этого унизительного «мы можем делать это не хуже тебя». Как все это может помочь матери-одиночке, живущей на пособии, - не совсем понятно... А тем временем компании типа Coca-Cola и GAP, известные своим острым чувством социальной справедливости, спонсируют гей-парады.

Таким образом, анархизм может сохранить адекватность только внутри классовой борьбы. Следовательно, чтобы составить подлинную картину философии анархизма, мы должны рассмотреть его в контексте этой борьбы. Анархизм, пожалуй, не первая философия, которая приходит на ум, когда мы говорим о классовой борьбе, этой премии скорее будет удостоен марксизм, который на сцене сможет что-то пробормотать сквозь слезы о СССР и поблагодарить исполнителя главной роли В.И. Ленина за сдерживание его подлинного потенциала все эти годы. Но оставим наш дурной оскароподобный юмор; любая попытка рассмотреть классы и классовую борьбу с середины XIX века без ссылки на марксизм будет бессмысленным занятием. Это не значит, что влияние марксизма на борьбу рабочего класса за самоосвобождение всегда было позитивным, но то, что он сыграл важнейшую роль в развитии этой борьбы, оспорить вряд ли возможно. Поэтому, чтобы понять эволюцию анархизма, мы должны изучить его отношение к марксизму, отношение не только теоретическое, но и историческое.

ПРУДОН, БАКУНИН И МАРКС

Развитие философии анархизма началось в XIX веке. Как известно, первым философом анархизма был Прудон − первый экономист, отвергший неприкосновенность частной собственности, на вопрос «Что такое собственность?» ответив «Собственность − кража!» Вклад Прудона в политическую экономию часто упускается из виду, так как он был преодолен Марксом, однако, его влияние на молодого Маркса было велико, хоть тот и подверг Прудона уничижительной критике в своей «Нищете философии» (название − аллюзия на «Философию нищеты» Прудона).

«К несчастью г-на Прудона его странным образом не понимают в Европе. Во Франции за ним признают право быть плохим экономистом, потому что там он слывёт за хорошего немецкого философа. В Германии за ним, напротив, признаётся право быть плохим философом, потому что там он слывёт за одного из сильнейших французских экономистов. Принадлежа одновременно к числу и немцев и экономистов, мы намерены протестовать против этой двойной ошибки.»[4]

Тем не менее, такая грубая критика идет вразрез с более ранними комментариями Маркса:

«Прудон же подвергает основу политической экономии, частную собственность, критическому исследованию, и притом — первому решительному, беспощадному и в то же время научному исследованию. В этом и заключается большой научный прогресс, совершённый им, — прогресс, который революционизирует политическую экономию и впервые делает возможной действительную науку политической экономии. Произведение Прудона «Что такое собственность?» имеет такое же значение для новейшей политической экономии, как произведение Сиейеса «Что такое третье сословие?» для новейшей политики». [5]

Отчасти это перемена в отношении Маркса к ценности трудов Прудона объясняется охлаждением в личных отношениях между ними. Маркс пригласил Прудона в свою интернациональную коммунистическую группу незадолго до выхода в свет «Философии нищеты», но Прудон отказался от приглашения, назвав Маркса доктринером, а его коммунизм − авторитарным. Хотя расхождения личного плана и сыграли важную роль в конфликте Маркса и Прудона, между ними были и существенные политические и философские разногласия. Прудон по праву считается "отцом анархизма", а Маркс − отцом «марксизма», но часто получалось так, что Маркс занимал традиционно анархистскую позицию, а Прудон − марксистскую.

«Маркс продолжил нападки на Прудона, выступавшего за межклассовое сотрудничество и осуждение профсоюзной и парламентской деятельности».[6] Внутренняя противоречивость позиций обоих становится особенно разительной, если вспомнить, что Маркс в своей самой известной работе «Манифест коммунистической партии» недвусмысленно заявлял о своей поддержке парламентской деятельности и межклассового сотрудничества. Прудон, в свою очередь, был против забастовок за увеличение зарплаты, утверждая, что увеличение зарплат повлечет за собой общее повышение уровня цен.

«Таким образом, не считая некоторых колебаний, общее повышение заработной платы повело бы не к всеобщему повышению цен, как утверждает г-н Прудон, а к частичному их понижению, т. е. к понижению рыночной цены товаров, изготовляемых преимущественно при помощи машин». [7]

Маркс понимал, что каждая забастовка за повышение зарплаты закладывает основы для развития классового сознания. В этой проницательности Маркс выходит за пределы бездушной механической политической экономии, разделяющей экономическое, политическое и социальное на отдельные обособленные категории. Маркс обрисовывает развитие органов сопротивления рабочего класса и их политическую эволюцию.

«Крупная промышленность скопляет в одном месте массу неизвестных друг другу людей. Конкуренция раскалывает их интересы. Но охрана заработной платы, этот общий интерес по отношению к их хозяину, объединяет их одной общей идеей сопротивления, коалиции. Таким образом, коалиция всегда имеет двойную цель: прекратить конкуренцию между рабочими, чтобы они были в состоянии общими силами конкурировать с капиталистом. Если первой целью сопротивления являлась лишь охрана заработной платы, то потом, по мере того как идея объединения рабочих в свою очередь объединяет капиталистов, коалиции, вначале изолированные, формируются в группы, и охрана рабочими их союзов против постоянно объединённого капитала становится для них более необходимой, чем охрана заработной платы. До какой степени это верно, показывает тот факт, что рабочие, к крайнему удивлению английских экономистов, жертвуют значительной частью своей заработной платы в пользу союзов, основанных, по мнению этих экономистов, лишь ради заработной

платы. В этой борьбе — настоящей гражданской войне — объединяются и развиваются все элементы для грядущей битвы. Достигши этого пункта,коалиция принимает политический характер.»[8]

Марксов анализ того, как борьба за зарплату приобретает политический характер, здесь очень близок к синдикализму и определенно куда более анархичен, чем позиция Прудона.

Однако, в одном важном вопросе Маркс поставил себя вне анархической тенденции - он верил в то, что государство может быть захвачено и использовано в целях рабочего класса. Тем не менее, в работах Маркса отношение к государству отнюдь не однозначно и меняется от анархического, изложенного в основном в его ранних работах, до крайне механического и этатистского; характерный пример такого отношения есть в «Манифесте»:

«Пролетариат использует своё политическое господство для того,чтобы вырвать у буржуазии шаг за шагом весь капитал,централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного как господствующий класс,и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил».[9]

И как контрастируют этому следующие высказывания в «Критических заметках к статье ‘Король прусский и социальная реформа»:

«Государство,никогда не усмотрит в «государстве и в устройстве общества» причины социальных недугов. Там, где существуют политические партии, каждая партия видит корень всякого зла в том,что вместо неё у кормила правления стоит другая,враждебная ей партия. Даже радикальные и революционные политические деятели ищут корень зла не в сущности государства,а в данной определённой государственной форме, которую они хотят заменить другой государственной формой». [10]

«Существование государства и существование рабства неразрывно связаны друг с другом. Античное государство и античное рабство — эти неприкрытые классические противоположности — были прикованы друг к другу не в большей степени,чем современное государство и современный торгашеский мир,эти лицемерно-прикрашенные христианские противоположности».[11]

Или эти заключительные слова «Нищеты Философии»:

«Значит ли это,что после падения старого общества наступит господство нового класса,выражающееся в новой политической власти? Нет.

Условие освобождения рабочего класса есть уничтожение всех классов; точно так же,как условием освобождения третьего сословия,буржуазии,было уничтожение всех и всяческих сословий».[12]

Вопрос государства стал во главу угла в споре с другим известным анархистом и привел в конечном счете к расколу в I Интернационале и окончательному расхождению марксизма и анархизма. Если с идеалистической философией и социальным консерватизмом Прудона Марксу было довольно легко совладать, то Михаил Бакунин был куда более серьезным соперником. На Бакунина, как и на Маркса, оказал серьезное влияние атеизм Фейербаха, и философски Бакунин был куда ближе к Марксу, чем к Прудону. Он перенял у Маркса исторический материализм и отверг прудоновский идеализм. Влияние Фейербаха отлично прослеживается у обоих в их отношении к религии.

«Религия — это вздох угнетённой твари,сердце бессердечного мира,подобно тому как она — дух бездушных порядков. Религия есть опиум народа.»[13]

Этот дух Маркса прослеживается и в высказываниях Бакунина о религиозных верованиях:

«Не столько мистические склонности,сколько глубокое не¬довольство сердца вызывает у них эту аберрацию ума — это инстинктивный и страстный протест человеческого существа против узости, плоскости, страданий и стыда жалкого сущест-вования». [14]

Бакунин, как и Маркс, доказывает, что даже ложные идеи имеют своими корнями действительные материальные условия. Такой взгляд противоречит идеализму Прудона, который видел несправедливость и неравенство как следствие помутнения рассудка. Бакунин также отверг статичный и механистический взгляд Прудона на человеческую природу в пользу диалектического и социального взгляда Маркса. Критикуя индивидуалистическую философию, Бакунин рассматривает известный лозунг Руссо «человек рождается свободным, но повсюду он в оковах», утверждая, что «вне общества человек не будет не просто свободным, он вообще не станет настоящим человеком».

Хотя Бакунин в целом и разделял философию Маркса, в политической сфере он часто вступал с Марксом в противоречие. В плане организации, Бакунин, как и Прудон, выступал за федерализм в противовес Марксовому централизму. Вместо централизованной командной экономики Маркса и прудоновской смеси рынка и самоуправления, Бакунин видел будущее общество, как «организованное снизу вверх, путем свободной ассоциации и федерации рабочих, изначально в ассоциациях, затем в общинах, регионах, нациях, и, наконец, в большой интернациональной и универсальной федерации».

В своем видении будущего общества Бакунин проложил дорогу революционному и анархо-синдикализму, и анархо-синдикализм был сильнее как раз в тех странах, где влияние Бакунина было наибольшим: в Испании, Италии и Франции. Если Парижская Коммуна только укрепила в Бакунине его федералистские и анти-государственнические убеждения, то марксистские круги она побудила к переосмыслению прошлых идей. Механистическая модель захвата

рабочим классом государственного аппарата, изложенная в «Манифесте», была полностью отвергнута парижскими событиями, и Маркс был вынужден пересмотреть свои прошлые взгляды на «рабочее государство».

Эта смена позиции нашла свое отражение в наиболее либертарном произведении Маркса «Гражданская война во Франции», которая была написана сразу после жестокого подавления Парижской Коммуны. Главная идея этой статьи − это то, что рабочий класс должен уничтожить государственный аппарат и заменить его собственными формами организации.

«Но рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить её в ход для своих собственных целей.

Централизованная государственная власть с её вездесущими органами: постоянной армией,полицией,бюрократией, духовенством и судейским сословием, — построена по принципу систематического и иерархического разделения труда.»[15]

Маркс также приложил немало усилий, чтобы доказать, что Коммуна была не просто попыткой воскресить децентралистскую тенденцию средних классов, уничтоженных революцией 1789 года, но шагом вперед к созданию нового общества, которое свергнет классовое господство.

«Так и эта новая Коммуна,которая ломает современную государственную власть, была рассматриваема как воскрешение средневековой коммуны, предшествовавшей возникновению этой государственной власти и затем составившей основу её. — Коммунальное устройство ошибочно считали попыткой заменить союзом мелких государств,о чём мечтали Монтескьё и жирондисты». [16]

Хотя ясно видно, что Маркс существенно поменял свое отношение к государству, приблизившись к идеям, изложенным в его ранних работах, насколько он действительно верил в то, что он пишет, а что из этого было лишь временной попыткой оседлать движение народной поддержки Коммуны, это во многом спорный вопрос.

«Картина вооруженного восстания Коммуны была так впечатляюща,что даже марксисты,чьи идеи парижская революция полностью опровергла, вынуждены были преклониться перед действиями Коммуны. Они пошли дальше этого; в обход всех своей логики и своих убеждений,они ассоциировали себя с Коммуной и отождествляли себя с ее принципами и устремлениями. Это забавная карнавальная игра, но она была необходима. Таково было воодушевление, пробужденное Революцией, от которой бы они неизбежно бы отреклись, если бы попытались укрепиться в башне из слоновой кости своей догмы».[17]

Многие анархисты также видят исторические параллели с самой либертарной работой Ленина «Государство и Революция», в которой Ленин изменил свое прошлое негативное отношение к советам на противоположное, дабы сохранить большевизм адекватным рабочему и крестьянскому движению, и принял на вооружение анархический лозунг «Вся власть советам!». Как отмечает Габриэль Кон-Бендит в книге «Ветхий Коммунизм; Левая альтернатива», изначально Ленин был настроен однозначно против советов и в 1907ом на 5ом Конгрессе РСДРП предложил и продвинул резолюцию, осуждающую «независимые рабочие организации и анархо-синдикалистские тенденции в пролетарской среде», утверждая, что *«участие социал-демократических организаций в советах делегатов и рабочих депутатов,не признающих партию… или создание таких советов не допустимо,покуда мы не будем уверены,что это выгодно для партии и ее интересы полностью соблюдены» [18].*

Разумеется, было бы слишком грубо мерить Маркса тем же мерилом, что и Ленина, в конце концов, Маркс не вырывал власть у Коммуны и не разглагольствовал, что он смог усмирить ее. Несмотря на все ошибки и противоречия Маркса, он решительно отстаивал позицию «Освобождение рабочего класса − дело рук самого рабочего класса» и постоянно твердил «Я не марксист!». Фактически, взгляды на государство, изложенные в «Гражданской войне во Франции», были возвращением к его прошлым работам типа «К еврейскому вопросу», в которых он утверждал, что государство − это форма отчуждения, вырастающая из разделения личного и общественного.

Бакунин продвинулся относительно Маркса не только в плане критики государства, он также развивал критику науки и рациональности задолго до Фуко и постмодернизма, но при этом его критика никогда не опускалась до прославления иррационального. Бакунин, как и Маркс, сильно отпил от фонтана Просвещения и стремился воскресить и развить его, а не сокрушить.

«Бакунин не просто отрицает науку и рациональное, он обеспокоен авторитарными угрозами,исходящими от научной элиты. Вместо науки как прерогативы привилегированного меньшинства,он хотел,чтобы она принадлежала всем людям,так чтобы она представляла «коллективное сознание» общества».[19]

В эпоху, когда вера в научный рационализм достигала своего апогея, как лучше всего видно на примере утилитаризма, подобные убеждения требовали особой проницательности, и приобрели особую актуальность в свете событий XX века, когда «научный» рационализм использовался для оправдания чудовищных злодеяний: от расового угнетения до откровенного геноцида. Бакунин также говорил об угрозе бюрократии и его слова стали почти пророческими в связи с тем, что произошло с Советским Союзом.

«Они сосредоточат бразды правления в сильной руке, потому что невежественный народ требует весьма сильного попечения; создадут единый государственный банк, сосредоточивающий в своих руках все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производство, а массу народа разделят на две армии: промышленную и землепашественную под непосредственною командою государственных инженеров,которые составят новое привилегированное науко-политическое сословие».[20]

Отношения между Бакуниным, Прудоном и Марксом слишком сложны и противоречивы, чтобы подвести их к простому противостоянию анархизма и марксизма, так как все трое часто занимали противоречащие самим себе позиции. Хотя Бакунина можно рассматривать как наиболее состоятельного в своих аргументах, он также был не во всем последователен, учитывая его известные пристрастия к секретным и заговорщицким группам, которые по самой своей сути склоняются к авторитарным организационным моделям. Также многие свои прозрения Бакунин смог сделать, только опираясь на плечи Маркса. Хотя федералистские и антигосударственные идеи Прудона ставят его в анархистский лагерь, его сексизм, расизм и путаные экономические взгляды никак не совместимы с анархистской традицией. Даниэль Кон-Бендит дает простую, но во многом верную оценку отношений между тремя:

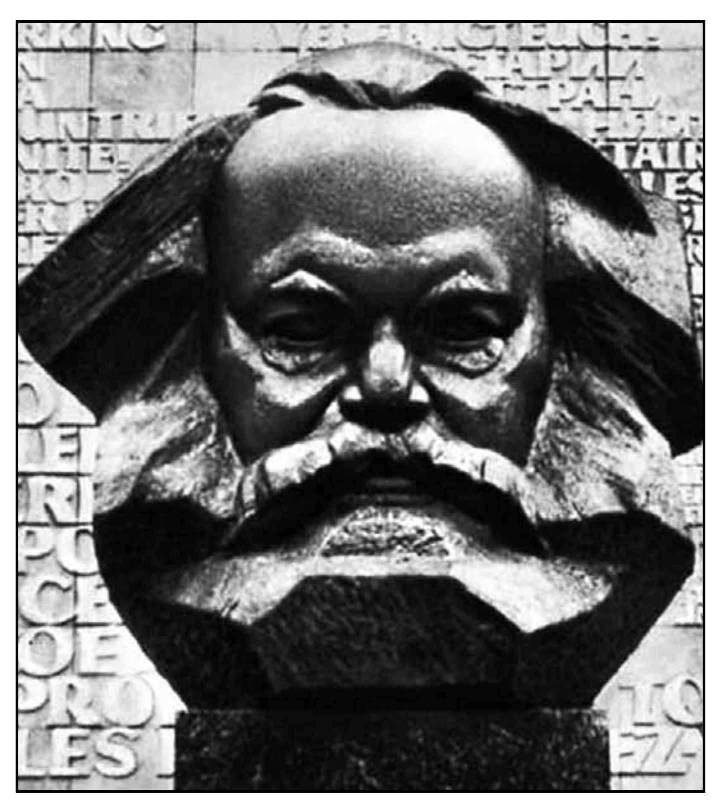
«История «левой» есть, на самом деле, история всего подлинно революционного в движении рабочего класса. Маркс был левее Прудона,а Бакунин был левее Маркса».[21]

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ МАРКСА

Как мы указали выше, анархизм и марксизм развивались рука об руку с середины XIX века и сторонники Бакунина и Маркса разделяли общую платформу в Первом Интернационале до раскола в 1872 на Гаагском Конгрессе, в ходе которого из Интернационала был исключен Бакунин, а штаб-квартира была перемещена в Нью-Йорк, что практически лишало анархистских делегатов всякого влияния в организации. Раскол привел к увеличению поляризации между анархистским и марксистским течениями в рабочем движении, который перерос в непримиримую вражду с появлением ленинизма.

Русская революция и ее трагический исход оказали огромное влияние на философию анархизма и марксизма. На первый взгляд, русская революция доказала силу марксизма и неспособность анархистов как-то серьезно влиять на классовую борьбу. Однако анархистов русская революция утвердила в их отрицании захвата государственной власти. Предсказания Бакунина о новом технократическом правящем классе оказались до ужаса правдивы, однако уроки русской революции были отнюдь не во всем негативными. Рабочие, солдатские и крестьянские советы были настоящими, действующими демократическими органами, рабочий класс показал, что он может захватить средства производства и создавать новое общество. Рабочий класс также доказал себе, что он может быть куда более революционным, чем любой авангард и центральный комитет, так что даже Троцкий был вынужден признать это: *«Массы оказались на повороте «раз в сто» левее крайней левой партии». [22]*

Большевики, прикрываясь анархической риторикой, заявляли о своей поддержке лозунга «Вся власть советам!» и затем бахвалились тем, что сумели обуздать движение. В своем устремлении удержать власть любой ценой боль-

шевизм не скупился на грубейшую фальсификацию идей Маркса. Марксова «диктатура пролетариата» (конечно, спорный термин) стала диктатурой над пролетариатом, оправдываемой сомнительным прочтением исторического материализма Маркса.

Большевизм и его последователи из Третьего Интернационала стали превращать необъятное и часто противоречивое наследие Маркса в священный катехизис. Этот «ортодоксальный» марксизм из Марксова критического анализа капитализма создал мутантную тотальную систему «понимания» мира.

Большевики были во многом ответственны за создание детерминистского, бездушного и авторитарного марксизма, который закрыл от посторонних глаз действительную теоретическую ценность Маркса. Маркс был призван оправдывать каждый чих и вздох Коммунистической Партии и Коминтерна. Жестокое обращение с рабочим классом Советской России называлось «военным коммунизмом» и оправдывалось необходимостью развития «производительных сил», которые для большевиков были тем, что определяет общественные отношения. Согласно этому избирательному прочтению Марксова исторического материализма, коммунизм – это не продукт самостоятельной борьбы рабочего класса против отчуждения, наемного труда и государства, но скорее способ резкого увеличения производительных сил. Маркс, конечно, не имеет никакого отношения к этому бреду, выставляющему неживые предметы настоящей движущей силой человеческой истории.

Однако, параллельно «ортодоксальному» марксизму всегда существовала также другая традиция марксизма – левый коммунизм, или коммунизм советов, – традиция, которая сохранили критическую и открытую природу идей Маркса, но не для чисто академических целей, а для продвижения борьбы рабочего класса за самоосвобождение.

ДРУГОЙ МАРКСИЗМ

Роза Люксембург была, пожалуй, самым известным таким марксистом. Она отрицала поддержку социалистами национально-освободительных движений, на том основании, что они усиливают национализм и затормаживают развитие классового анализа и интернационализма. Таким образом, она отвергала межклассовое сотрудничество и заново утверждала, что «пролетарии не имеют отечества».

Люксембург также считала, что социализм будет создан «действием масс», а не декретами политической партии.

«Наконец,мы видим появление на свет и более «законного» дитя истории – русского рабочего движения. Впервые,основы для формирования подлинной «народной воли» заложены в русской почве.

Но вот снова это «эго» русской революции! Совершая пируэты на голове, она опять выставляет себя всемогущим повелителем истории – теперь под именем Его Превосходительства Центрального Комитета Социал-Демократической Партии России.

Этот ловкий акробат не способен понять, что единственный «субъект»,который сегодня достоин роли повелителя – это коллективное «эго» рабочего класса. Рабочий класс заслуживает право самому совершать свои ошибки и учиться диалектике истории.

Скажем прямо. Исторически, ошибки, совершенные действительным революционным движением бесконечно более полезны, чем непогрешимость самого умного Центрального Комитета».[23]

Она также язвила по поводу автократического и недемократичного пути, по которому большевики хотели осуществить революцию.

«Найденное Троцким и Лениным целебное средство — устранение демократии вообще — еще хуже,чем тот недуг, который оно призвано излечить: оно ведь засыпает тот живой источник,черпая из которого только и можно исправить все врожденные пороки общественных учреждений».[24]

Хотя Роза Люксембург и самая известная антиленинистская марксистка, и ее критика ограниченности политического авангарда и опасности заражения классовой борьбы националистической заразой имеет огромную ценность и важность, она не довела свою критику до полноценной альтернативы.

Коммунизм советов и анархо-синдикализм стали теми движениями, который претворили в действие идеи Люксембург. Они полностью отвергли роль революционной партии в пользу структур, основанных на непосредственном опыте рабочих, участвующих в классовой борьбе. Организуясь на рабочем месте и на районе, эти движения стремились радикализировать рабочий класс через развитие его собственной борьбы, а не через пассивное следование партийной линии. Органами сопротивления должны были быть местные синдикаты или советы, в которых рабочие принимают свои решения непосредственно, избегая бюрократии.

«Он [синдикат] имеет двойную цель: 1. Как организация рабочих, сражающихся против работодателей, продвигать требования рабочих об улучшении уровня жизни и безопасности; 2. Как школа интеллектуальной тренировки рабочих и подготовки их к техническому управлению производством и экономической жизни в целом, так чтобы во время революционной ситуации они были способны взять социально-экономический организм в свои руки и переделать его в соответствии с социалистическими принципами».[25]

Коммунизм советов и анархо-синдикализм максимально близко подошли к примирению марксизма с анархизмом в практической борьбе, хоть и пришли из разных теоретических истоков.

«Анархо-синдикалисты и коммунисты советов были в то время почти неразличимы. На практике они очень близко сотрудничали; если вы посмотрите на тексты об испанской (анархистской) революции,то отношение коммунистов к ней было не менее позитивным,чем у анархо-синдикалистов».[26]

Хотя и коммунизм советов и анархо-синдикализм как массовые движения были разбиты войной и фашизмом, они остаются богатейшими течениями в марксизме и анархизме в плане практики и теории.

«Современная форма капитализма с ее современными технологиями,высокой производительностью и системами коммуникаций, предоставляет материальную основу для установления коммунизма, основанного на системе рабочих советов. Идея совета – это не артефакт прошлого, но наиболее реалистичная возможность установления социалистического общества. Ничего из того, что произошло за последние десятилетия не отняло у нее ее осуществимость; наоборот,неутопический характер рабочих советов только укрепился,равно как и возможность появления истинно коммунистического общества». [27]

БУДУЩЕЕ

Хотя анархизм и марксизм всегда находились в трудных отношениях, они также всегда оказывали колоссальное влияние друг на друга: с первых лет Первого Интернационала, через трагедию русской революции, к фарсу коммунистических партий и их идеологической гимнастики в обслугу советской внешней политики. Однако для многих анархистов отрицание официальной марксистской догмы стало отрицанием Маркса как такового и даже самой концепции классового подхода. Анархизм может и приобрел бонус в ходе развала советских режимов и так называемого «конца истории», но подобная поддержка может стать поцелуем смерти для анархизма, если он также откажется и от классовой борьбы. Сегодня, спустя годы после распада Советского Союза, классовая борьба снова на повестке дня, так как Новый Мировой Порядок не смог привнести ничего нового, кроме старого милитаризма, мировых кризисов и отчаяния для подавляющего большинства людей планеты. Выбор для анархизма ясен: либо продолжить существование в качестве модного образа жизни и псевдопостмодернистской философии, либо полностью вернуться к классовым истокам и развить настоящую контркультуру, основанную на общественной оппозиции капитализму, а не «устранении».

С крахом Советского Союза открываются большие возможности для переосмысления классовой борьбы и, в особенности, сочинений Маркса. Антикапиталистическое движение показало, что история не закончилась, и глобализация распространяет не только неолиберальные экономические модели, но и сопротивление им и новые формы организации. Глобальная природа капитализма очевидна как никогда; все предпосылки к новому автономному рабочему сопротивлению, к созданию нового Интернационала созрели. Старые национальные профсоюзы показали свою неэффективность не только в плане сопротивления локальному капиталу, но и в способности справиться с нарастающей глобализацией рынка, что видно на примере их несостоятельной оппозиции перемещению рабочих мест на более дешевые рынки труда.

Это вакуум должен быть обязательно заполнен новыми формами борьбы. Анархизм и марксизм, в форме анархо-синдикализма и коммунизма советов, могут много предложить этой борьбе – но не как заключительные формулировки, а в качестве захватывающего вступления. В XXI веке пролетариату все также остается «нечего терять, кроме своих цепей».

Revol (текст с сайта libcom.org)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Peter Marshall, Demanding the impossible http://www.ditext.com/marshall/40.html

[2] M. Bookchin. Social Anarchism or Lifestyle Anarchism - An Unbridgeable Chasm http://libcom.org/library/socanlifean2

[3] Sean Sheehan. «Anarchism» p.143

[4] К. Маркс. «Нищета Философии» http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Misere/misere-1.html#c0

[5] Маркс и Энгельс. «Святое Семейство» http://lugovoy-k.narod.ru/marx/02/05.htm

[6] Peter Marshall,Demanding the impossible

[7] К. Маркс. «Нищета Философии» http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Misere/misere-2.html#c2.5

[8] Там же

[9] К. Маркс,Ф. Энгельс. Манифест коммунистической партии http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Manifesto/manifesto.html#man2

[10] К. Маркс. Критические заметки к статье «Пруссака» «Король Прусский и социальная реформа» http://lugovoy-k.narod.ru/marx/01/16.htm

[11] Там же

[12] К. Маркс. «Нищета Философии» http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Misere/misere-2.html#c2.5

[13] К. Маркс. Введение к «критике гегелевской философии права» http://lugovoy-k.narod.ru/marx/01/15.htm

[14] М. Бакунин. «Бог и государство» http://www.avtonom.org/old/index.php?nid=978

[15] К. Маркс. Гражданская война во Франции http://www.esperanto.mv.ru/Marksismo/Civwar/civwar-03.html#c3

[16] Там же

[17] Цитируется по Marx and Anarchism by Rudolf Rocker http://flag.blackened.net/rocker/marx.htm

[18] Цитируется по Obsolete communism: the left-wing alternative bн Daniel Cohn-Bendit and Gabriel Cohn-Bendit p. 193

[19] прямой перевод с текста автора

[20] М. Бакунин. Государственность и анархия

[21] Obsolete communism: the left-wing alternative by Daniel Cohn-Bendit and Gabriel Cohn-Bendit p. 18

[22] Л. Троцкий. История Русской Революции т.1 http://www.i-u.ru/biblio/archive/trockiy_istorija/05.aspx

[23] Rosa Luxemburg. Organizational Questions of the Russian Social Democracy http://www.marxists.org/archive/luxemburg/1904/questions-rsd/ch02.htm

[24] Роза Люксембург. Рукопись о русской революции http://revsoc.org/archives/338#r4

[25] R. Rocker. Anarchosyndicalism http://www.spunk.org/library/writers/rocker/sp001495/rocker_as4.html

[26] прямой перевод с текста автора

[27] Paul Mattick interview with J.J. Lebel http://www.marxists.org/archive/mattick-paul/1975/lebel.htm

CRIMETHINC.

ПОЛИТИКА ДЛЯ ТЕХ, КОМУ СЛИШКОМ СКУЧНО.

Классовая война, марксизм и анархизм, разговоры о революции - все это оказывается ужасно скучно. Нужна революция образа жизни. Все старое движение должно быть забыто, теперь революционным считается воровать из магазинов, есть еду из помоек и жить на сквоте. Те, кого раньше называли бомжами, оказывается и есть самые настоящие революционеры. Такую тактику предлагают нам ребята из CrimethInc и за ними это повторяют тысячи молодых людей.

Свержение капитализма откладывается на потом. Теперь можно жить на обочине капитализма и питаться его отбросами. Плевать, что все, что нас окружает, производится рабочими. Для краймсинкеров они, очевидно, овощи и обыватели, которые не знают как правильно жить. Миллионам работников, очевидно, нравится горбатиться целыми днями на работе, если они еще это делают. То ли дело подростки из среднего класса, они то знают, как не скучать.

Вся протестная энергия теперь направляется на бесполезные цели. Если это не воровство из магазина, то это обязательно воровство на работе. Для этого даже есть специальный день (как будто бы рабочие не таскали с работы и раньше без всяких специальных дней! и как будто бы в этом было что-то подрывное для системы!). Для каждой протестной и псевдопротестной акции есть специальный день в году, эти дни повторяются из года в год, а угнетение остается.

А если начинается какое-то действительное пролетарское движение, то краймсинкеры и субкультурщики остаются всегда в стороне. Это видно и у нас в СНГ, где на DIY-концерты ходят сотни человек, считающих себя анархистами, но на акциях против точечной застройки или на акциях в поддержку забастовки можно было увидеть лишь единицы из них. Да, и пролетарии не начнут интересоваться политикой краймсинкеров. Попробовали бы они предложить многодетной семье жить на сквоте, питаться по-фригану и не ходить на работу. Или иммигранту, у которого вымогают деньги менты, выразить свой протест, играя в diy-хардкор группе.

Революция будет праздником угнетенных масс. Праздником людей, беруцих свою жизнь в свои руки. Но, чтобы революция победила, необходимо пройти и тяжелый путь во времена реакции. Да, пролетарии сейчас не борятся за свои права и мало интересуется революционными идеями. Но даже сейчас для многих гораздо интереснее и актуальнее какая-нибудь «скучная» либертарно-коммунистическая газета, чем идеи краймсинкеров.

Когда рабочие своими силами организуют забастовку или студенты захватывают университет, то участие в таких вещах и есть то, что приносит радость. Гораздо больше, чем субкультурные «угары». Главное только поверить в свои силы. Но пока субкультурщики призывают людей питаться по помойкам, люди будут верить не в свои силы, а националистам, либералам или профбоссам, считать любую политику скучной и не верить в возможность революции. Подменяя революцию против нищеты капитализма нищетой на обочине капитализма, краймсинкеры пытаются увековечить как нищету, так и капитализм.

Про политику, которая ужасно буржуазна (и от этого не менее скучна), читайте в статье ниже.

ВАША ПОЛИТИКА УЖАСНО БУРЖУАЗНА.

(в оригинале – «Your politics are bourgeois as fuck», как ответ на краймсинковское сочинение «Your politics are boring as fuck»)

Есть два способа избавиться от капитализма: революция и смерть. Все остальное – от лукавого. Но по мнению американского (по большей части) субкультурного культа Crimethinc (CWC), смешивающего анархизм с богемным образом жизни «устранения» и мутными антицивилизационными идеями, капитализм это нечто, от чего можно просто удалиться, уволившись с работы, питаясь из мусорных бачков и доставляя себе удовольствие разнообразными способами. Они продолжают дело феерического идиота Эбби Хоффмана: выпускают книги и зины, фетишизирующие мошенничество, мелкие преступления и бессмысленную активистскую/панк-субкультурную деятельность типа Еды Вместо Бомб, сквотирования и т.д. У них из анархизма только название и никакого отношения к подлинному анархизму и классовой политике. Рискнем погрузиться в их секретный подпольный «клуб анархии».

Crimethinc пытается убедить людей в поэтическо-мистической манере, что оно (CWC) вовсе не существует. В таком случае мы начнем с того утверждения, что Crimethinc на самом деле существует, у него имеются адреса, изданные на бумаге книги, интернет-магазин, а также ряд сайтов. Это аморфная организация, представляющая самые разные политические взгляды, мешанину из пост-лефтизма, ситуационизма, примитивизма и всех тех «кратких пособий» по философии, о которых людям обычно стыдно признаться, что они их читали. Любой может публиковаться под их именем и создавать контент с использованием их логотипа, и каждый «агент» или группа действует индивидуально. У Crimethinc нет формальной структуры, членства или механизма принятия решений. В действительности CWC далеко не так децентрализованы, как они говорят об этом. Хотя сотни подростков, обитающих на форумах, имеют полное право называться частью Crimethinc, на самом деле мы имеем авангард из максимум 20-ти человек, которые имеют привилегию публиковаться под лого CWC и которые руководят всем шоу. Называя себя краймсинкером, ты даешь себе иллюзию, что ты часть чего-то большого, что может быть очень важно, если ты скучающий подросток из пригорода. Качественный дизайн и воодушевляющий слог изданий Crimethinc делают их очень увлекательным чтивом. Проблема в том, что если проанализировать их, то становится ясно, что смысла в них чуть.

Часто Crimethinc ссылаются на Ситуационистский Интернационал, и значительная часть их идеи основывается на ситуационистской концепции «трансформации повсед-

невной жизни». Но ситуационисты находились под сильным влиянием идей Маркса, в то время как CWC находятся под сильным влиянием американской потребительской культуры. Призыв к изменению повседневности – это призыв к уничтожению существующей эксплуататорской системы, к участию в классовой борьбе, к происходящему на наших глазах историческому конфликту между пролетариатом и правящим классом. Crimethinc подменяет эту классовую борьбу подростковым индивидуалистичным бунтом, основанным на получении удовольствия «здесь и сейчас». Шоплифтинг, дампстер дайвинг, уход с работы представляются как революционный способ жизни вне системы, но на самом деле это просто паразитический образ жизни, который зависит от капитализма и не несет в себе никаких реальных изменений. Высокомерие среднеклассовых детишек (подобно у хиппи), которые якобы должны изменить мир, обходясь без удобств как «нищие» несколько лет, хорошо выражено в цитате с задней обложки книги Evasion.

«Бедность, безработица, бездомность – если тебе это не в кайф, то ты делаешь что-то не так».

Высокомерное, инфантильное, среднеклассовое дерьмо. Думать, что бедность – это прикольно, могут только богатенькие детки, которые лишь играют роль бедных несколько лет. Повседневная реальность бедности, безработицы и бездомности для обычного человека – это очень серьезно, и это то, против чего анархисты должны организовываться, а не над чем они могут глумиться.

Реальность заключается в том, что ты не можешь бойкотировать капитализм, «устранение» из системы никогда не сломит ее. Максимум, это придаст сил системе, смягчая человеческое отчуждение и жажду революции посредством продажи нового образа жизни в рамках той же системы. Капитализм – это система насилия и контроля; мы работаем не для того, чтобы поддерживать систему, а потому что только так мы можем обеспечить себя едой и крышей над головой, и единственный способ получить что-то при капитализме – это деньги. Единственный способ получить деньги – это продавать свою рабочую силу, иначе – смерть, таков капитализм. Я не хочу кормить своих детей из помойки или подделывать полисы медстрахования, если я заболею раком – это не удобно и ни капли не революционно. В том, что ты используешь свое привилегированное положение белого выходца из среднего класса для «удаления» из системы за счет тех, кто в ней остается, нет ничего революционного. Никто не будет свободен, пока все не будут свободны.

Эта фетишизация попрошайничества и мошенничества как революционной тактики приобрела среди скучающих подростков много последователей (и они действильно последователи, так как почти не влияют на работу сайтов и магазина, и неформальная организационная структура «мы все CrimethInc» только усиливает это). Быстрый поиск по crimethinc.net удостоверит вас в этом. Более тревожная тема – это тезис «мы против остального мира», распространенный среди молодежи. Многие рассматривают тех, кто работают на постоянной работе как врагов, наймитов капиталистической системы, системы, которую они не понимают и которую Crimethinc своими текстами не могут нормально объяснить. У них жутко либеральное понимание капитала и борьбы против него:

«Исходя из этой твоей логики «поддержки рабочего класса», я так понимаю, мы все должны чувствовать себя виноватыми каждый раз, когда мы бойкотируем какую-нить ТНК типа Wal-Mart, ведь там тоже есть «рабочий класс», «клерки». – DizzIE

Эта цитата даже лучше революционной тактики ограбления туристов (или неоколонистов, как кто-то идиотски назвал их). Здесь краймсинкер демонстрирует угрожающее отстутствие понимания классовой борьбы. Бойкоты ТНК, равно как и образ жизни «устранения», никак не помогут уничтожить капитализм, который есть общественное отношение, основанное на наемном труде. Я не пытаюсь запретить им устраняться из общества и питаться на помойке, но они должны понимать, что они ничего не изменят, если будут жить таким образом. Их напыщенное самомнение убеждает их, что выбранный ими путь праведен, а все остальные люди либо с промытыми системой мозгами либо революционные бюрократы.

Одно из последних изданий crimethinc «Рецепты для хаоса: поваренная книга анархиста» - характерный показатель серьезных проблем. Книга в некотором смысле интересна как набор приколов, воровских тактик и информации для активиста. Заявленная как продолжение «Дни войны, Ночи любви», эта книга страдает серьезными дефектами. Рецепты (не более чем DIY-пособия) разнятся от советов как организовать черный блок до гинекологии, сквоттинга и пособия «как сделать из велосипеда проигрыватель». Эклектичная солянка информации, большая часть которая – просто бред, а остальная бесполезна без политического контекста. Она задумывалась как практическое дополнение к теоретическим «Дням Войны», но на самом деле в «ДВ» нет никакой теории, кроме устранения и получения удовольствия. Организация черного блока без понимания социальных условий, которые вызывают необходимость массового боевого анархистского прямого действия не просто опасна, но контрпродуктивна для всего нашего движения. Книга избегает серьезной революционной информации, например, как организоваться на рабочем месте или по месту учебы, как взаимодействовать с борющимися жилищными сообществами, как вырваться из активистского гетто, как создать социальный центр, как осуществлять поддержку заключенным и беженцам и т.д. Все описанные виды деятельности – это обычная активистская рутинная работа, то, на что можно потратить свое время в устранении, облегчить душу и не делать никакой тяжелой работы и подвергать себя риску работы в коллективе с обычными людьми, «поддерживающими систему». Пособие по антифашистскому действию имеет целью лучшие побуждения, но опять же – оно обращено к кучке пацанов в масках, кончающих от столкновений с полицией. В этом нет ничего удивительного, эти практики включены, потому что они опасны, возбуждающи и приятны, а не потому, что это эффективные формы революционной организации.

Рамар Райан в своей рецензии на «Дни Войны» бьет прямо в цель, и нам не нужно в чем-то его дополнять. Авторы ДВ не брезгуют плагиатом, текст изобилует грубыми и ошибочными замечаниями о радикальной истории, определяющими все явления как «хорошие» или «плохие» без какого-либо серьезного анализа в поддержку своих заявлений.

«Тексты, идеи и изображения взяты или украдены у Стоук-Ньюингтонского фанзина Vague, британского художника Клиффорда Харпера, французского ситуациониста Рауля Ванейгема и вообще у всего ситуационистского пантеона. Они разграбляют архивы радикальной субкультуры, чтобы создать пустышку, главный посыл книги – это то, что она должна стать инструментом «тотального освобождения». В реальности, перспектива Crimethinc редко выходит за пределы образа подростка из пригорода, протестующего против власти. Смоченное в панке и краст-субкультуре, на практике применение всех этих революционных теорий выливается в образование музыкальной группы, ебле в парке, веганстве или – да, блядь, мы и так умеем – бесплатном распространении поддельных билетов в местный кинотеатр. Становится ясно, что настоящее преступление – это их воровство самых интересных и подрывных идей конца XX века и превращение их в занудство и уродство». – Рамар Райан

Когда тысячи французских студентов недавно захватывали университеты и громили города, протестуя против закона договора первого найма, один краймсинкер сказал следующую фразу об организованных студентах:

«Когда я думаю о ситуации во Франции, мне часто кажется, что чего им не хватает, так это достаточного количества коллективов дампстер дайверов!»

Какую цель и какое отношение к массовому радикальному движению имеет группа людей, ковыряющихся в помойке в поисках старых бутербродов, которые и так можно спокойно стащить из магазина, и о чем думал тот человек, что писал эти строки, мне понятно. Когда начинается массовая борьба, краймсинкеры обычно остаются на обочине движения, так как массовая борьба означает работу с простыми людьми и включение рабочих в свою революционную субкультуру, но этого просто не может произойти. Книга «Анархия в эпоху динозавров» опубликованная под логотипом CWC коллективом Furious George (каждый заслуживает пули за преступления против анархизма), короткая и написанная плохим языком, выступает против идеи массовой организации и за «хаос» и «взмах крыла бабочки».

«Народная анархия – такое имя мы дали стреле, что направлена в сердце каждого динозавра. Мы заменяем массовое движение бесструктурным множеством мятежников, цыган, разваливающихся лачуг, ночных воров и безумных ученых».

Отсутствие какого-либо критического анализа и фокусирование на спонтанности – эти серьезные недостатки Crimethinc приводят меня к убеждению, что краймсинкеры не верят в революцию и вполне счастливы оставаться юнцами на «краю» капитализма, системы, производящей достаточно излишков, чтобы поддерживать образ жизни устранения. Этим объясняется отсутствие у Crimethinc теории революции: как подготовиться к свержению системы, сохранить наши революционные завоевания, как организовать пост-революционный мир так, чтобы не повторить провал НКТ (CNT) и другие исторические прецеденты. Спонтанная революция не оставляет рабочему классу средств защиты от реакционеров и государственных социалистов. Crimethinc призывают к революции образа жизни, а не самой жизни, они стремятся только отгородиться в субкультуре индивидуалистов, которые заботятся только о себе и о непосредственном окружении. К революции праздного и испорченного американского среднего класса, пренебрежительно относящегося к рабочим и организованным анархистам, так как они видят в них величайшую угрозу их буржуазному образу жизни.

Якобы самокритичный анализ в отчете Crimethinc за 10 лет ни в коей мере не касался описанных выше провалов. Может быть, эти люди все таки обратятся к указанным проблемам, а остальные анархисты подключаться к дискуссии. Я провел несколько лет, некритично выблевывая пустые краймсинковые слова и растрачивая время на безрезультатные тактики, и не хочу наблюдать за очередным одураченным поколением. Я буду агитировать всех своих товарищей серьезно пересмотреть «простые решения», педалируемые CWC. Мир не может ждать, пока честных революционеров уводят в сторону дурными идеями и стратегиями. *«Мы требуем лишь самого малого – мы требуем всю Землю!»* - Дж. Конноли

Weeler (текст с сайта anarkismo.net)

О РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

Мне задали товарищи вопрос: как я понимаю революционную дисциплину?

Под революционной дисциплиной я понимаю самодисциплину личностей, устанавливающую в действующем коллективе одинаковую, строго продуманную и ответственную линию поведения для членов коллектива, приводящую к точной согласованности, как действия, так и мысли их.

Без дисциплины в организации, как авангарде Революции, немыслимо серьезное дело революции. Без дисциплины авангард революции не может быть таковым; ибо, находясь в разбродном дезорганизованном состоянии, он бессилен формулировать задачи дня, чего для него, как инициатора, потребуют массы.

Эти положения я основываю на наблюдении и опыте. Предпосылки их следующие:

Русская революция в своем проявлении несла много положении чисто анархических. И если бы анархисты были тесным образом организованы и в своих действиях придерживались определенной дисциплины, они не понесли бы такого глубокого поражения в ней, какое имелось в действительности.

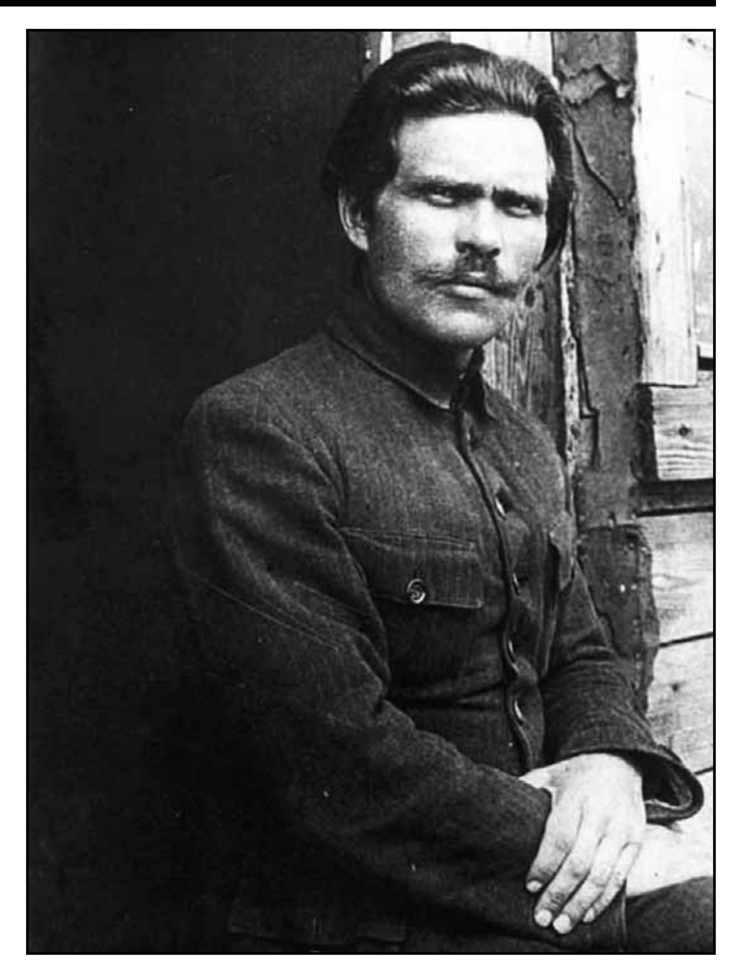
Но потому, что анархисты всех «толков и направлений» не представляли из себя, даже в своих фракционных группировках, определенного законченного в своей целости, дисциплинированного действующего коллектива, они не выдержали предъявленного революционной обстановкой политического и стратегического экзамена.

Их дезорганизованность, приведшая к политическому бессилию, породила две категории анархистов:

Одна категория – это те, кто бросился на систематические захваты буржуазных домов, особняков, в которых поселялись и жили во благо свое. Это с дугой стороны те «анархисты-гастролеры», которые переезжают из города в город, в надежде всегда на своем пути найти ночлежку – дом безделья – и жить в нем по мере их желания.

Другая категория – это те, кто порвали всякую честную связь с анархизмом (хотя за границами русской революции некоторые из них и по сию пору числятся чуть не вождями русского анархизма) и бросились на должностные места большевиков даже тогда, когда анархисты, сохранившие себя на своем посту и заклеймившие позор большевиков в Революции, за этот свой честный акт революционеров, расстреливались большевиками.

Из выше приведенного прискорбного факта становится совершенно понятным, почему я не могу быть равнодушным к существующему сейчас в анархических рядах разгильдяйству. Оно мешает им создать коллектив, перед которым бы люди, хватающиеся за анархизм ради фразы, люди, давно похоронившие себя для дела анархизма, или люди, лишь болтающие об анархизме, о его целости и действиях против врага, а когда доходит до дела, бегущие от этой целости, представились бы в ином виде, и ушли бы на подобающее им место. Вот почему я говорю об анархической организации, основанной на началах товарищеской дисциплины.

Такая организация приведет к необходимой согласованности все живые силы анархизма страны, и она же поможет анархистам занять свое должное место в великой борьбе труда с капиталом.

От этого идеи анархизма в массах только выиграют, а не пострадают. Бежать от такой организованности может только безответственный, пустой болтун, до сих пор занимавший в наших рядах по нашей же вине чуть не первое место.

Ответственность и дисциплина революционера не должны пугать. Они его спутники во всех делах рабочего анархизма.

Нестор Махно.

«Дело труда», No. 7-8, декабрь, январь 1925 г.

КООПЕРАТИВЫ

КАК «АНАРХИСТЫ» ВМЕСТЕ СО СТАЛИНИСТАМИ УЧАТ РАБОЧИХ САМОУПРАВЛЕНИЮ?

Нижеследующая статья является продолжением и дополнением нашей предыдущей работы «Реквием по национализации»[1], в которой мы критиковали требование национализации обанкротившегося предприятия. Некоторые из наших читателей поняли нас так, будто мы выступаем не за национализацию предприятий, а за самоуправляемый кооперативный капитализм, то есть за переход предприятия в собственность работников и продолжение его работы на рынке. За что мы выступаем на самом деле, будет прояснено в этой статье...

Продолжающийся капиталистический кризис толкает рабочих на попытки сопротивления и протеста. Поэтому возникает вопрос: как бороться рабочим, и какие требования выставлять, чтобы воспрепятствовать стремлению капиталистов переложить всю тяжесть кризиса на плечи пролетариев?

Одним из недавних проявлений пролетарского протеста в России стала борьба рабочих завода «Силикат» в Кирове. То, что рабочие встали на путь борьбы само по себе положительно. Однако, мы не можем ограничиваться некритической поддержкой иллюзий разделяемых не только рабочими, но и их «помощниками» из РКРП-РПК [2] (Российская Коммунистическая Рабочая Партия – Российская Партия Коммунистов) и АДА (Ассоциация Движений Анархистов).

14 декабря состоялся митинг рабочих «Силиката», от лица которых профсоюзная организация «Защита Силиката» выдвинула требование «предоставить трудовому коллективу возможность выкупа завода совместно с государством для создания народного предприятия на принципах самоуправления» [3]. Это требование было поддержано РКРП-РПК и АДА, которые на радостях, переступив через свои взаимное отвращение, принялись вместе писать устав будущего самоуправляемого народного предприятия – образовав тем самым трогательный анархо-сталинистский союз, в котором «своя своих познаша». АДА любит бахвалиться своими наездами на коммунистов, без разницы, на сталинистов, троцкистов или либертарных коммунистов и левых коммунистов – многие в АДА полагают, что это всё одно и тоже. Но когда дело доходит до практики – «левое» крыло буржуазии, сторонники «социализма» в одной стране и сторонники «анархизма» на отдельно взятом предприятии, объединяются, не смотря на разницу идеологических обёрток.

Претендующая на верность «марксизму-ленинизму» РКРП-РПК без малейшего стыда предлагает, чтобы рабочие, трудом которого создано и поддерживалось предприятие, выкупали это предприятие у своих эксплуататоров - да ещё выкупали совместно с буржуазным государством (почему, кстати, РКРП думает, что у рабочих хватит денег на это?). Ещё Ленин, которого РКРП считает пророком бога на земле, беспощадно критиковал программу кадетских [4] либералов о выкупе помещичьей земли, говоря, что поскольку земля обрабатывалась крестьянами, им она должна принадлежать без всякого выкупа, на который у крестьян и не было денег, а если бы деньги были, то крестьяне давно уже землю выкупили бы.

Но, хороши и наши «анархисты», считающие возможным обращаться с требованием к государству, желая, чтобы оно стало хорошим и бескорыстно помогло бы рабочим стать хозяевами завода, - не думая хотя бы о том, что государство в случае взятия на себя части выкупной суммы обязательно потребует или возвращения денег или права собственности на предприятие. Забавным образом член «анархо-коммунистического» крыла в «многоукладной» АДА egor_bredow пишет :«Кстати, одна из групп АДА отправила, как я прочитал на ЕФА, письмо в поддержку рабочих губернатору Кирова собственно... Хоть что-то!»[5]. Хотелось бы знать, как обращение к государству с просьбой о помощи в выкупе предприятия совмещается с находящейся в программной декларации АДА требованием «устранение государственного вмешательства в имущественные отношения и ликвидацию государственной системы перераспределения»[6]. АДА, в которой состоит много т.н. анархо-капиталистов видимо считает возможным пойти на такое нарушение своих принципов ради установления рыночно-«анархического» общества, когда, как указано в их программе предприятия вернутся к их трудовым коллективам, а хозяйственные отношения будут определяться «неограниченным количеством договоров и систем решения конфликтов, путем которых возможна мирная регуляция любых межгрупповых отношений и организованная деятельность любой степени сложности»[6]. Тем самым АДА показывает, что вожделенный ею анархо-капитализм не можеть служить руководством к действию и при попытках действовать исходя из его принципов заводит в тупик. Капитализм не возможен без государства, любая попытка реформировать капитализм не может не сопровождаться апелляцией к помощи государства. Сам же анархо-капитализм, это вредная антиутопия. Программа АДА гласит: «Экономическая стратегия любого коллектива или предприятия может определяться только согласием работающих на нем людей» [6]. Но ведь и в современном капитализме рабочие «свободно» трудятся на основе «свободного» договора и «согласны» на эксплуатацию ради физического выживания. Капитализм, будь он ультралиберальный или государственный, как в СССР, - всегда остаётся системой наёмного рабства и эксплуатации, системой, в основе которой лежит само товарное производство и общественное отчуждение.

Требование совместного с государством выкупа – это, конечно, запредельный перл. Однако, критике подлежит не только он, принципиальным вопросом является: могут ли рабочие свергнув власть капиталиста на предприятии, построить самоуправленческий ««социализм в одном, отдельно взятом предприятии».

Многие сталинисты и «анархисты», - тут они трогательным образом сходятся, что далеко не случайно - считают, что если нет частных капиталистов, то нет и капитализма, а есть либо «социализм» как в СССР, либо – идиллическое рабочее самоуправление, как в Мондрагоне. На самом деле не капиталисты создают капитализм, а капитализм создаёт персонифицированных капиталистов. Капитализм – это прежде всего не злобные капиталисты в малиновых пиджаках и на мерседесах, а общественная система, подчиняющая труд потребностям воспроизводства капитала. Эта система носит всемирный характер и может быть уничтожена только всемирной революцией, её нельзя уничтожить по кусочкам. Если убрать индивидуальных капитали-

стов в одной стране и уж тем более на одном предприятии, но оставить капиталистическую систему, то рабочие на освобождённой территории останутся наёмными рабами капиталистического строя, который будет диктовать им что и на каких условиях производить, чтобы не обанкротиться.

Любое современное предприятие – это лишь маленькая часть сложной системы мирового капиталистического хозяйства, для продолжения производства на этом предприятии необходимы постоянные поставки на него сырья, энергии и комплектующих изделий, необходим рынок сбыта, необходимо и внешнее кредитование. Более того, поскольку освобождённое от индивидуальных капиталистов и взятое под контроль трудовым коллективом предприятие волей-неволей остаётся в рамках капиталистического государства, оно не может сколь-нибудь долго существовать без компромисса с последним. О какой такой работе на самоуправляемом предприятии может идти речь, когда постоянно приходиться ждать налёта ОМОН?

Компромисс с буржуазным государством невозможен без признания кооперативом норм буржуазной законности, то есть без уплаты долгов бывших владельцев, налогов и взяток. Все эти расходы станут ещё одним дополнительным грузом на плечи рабочих...

Бросается в глаза, что требования национализации либо рабочего самоуправления выдвигаются тогда, когда капиталистическое предприятие находится в крайне тяжёлом финансовом положении или является банкротом. От того, что это предприятие станет собственностью государства или наёмных работников, его тяжёлое положение никуда не исчезнет. Став хозяевами такого обанкротившегося предприятия, рабочие окажутся либо такими же банкротами какими были предыдущие хозяева, либо должны будут делать то же самое, что делали бы последние для приспособления к новым требованиям рынка.

Изгнание юридических собственников с предприятия не будет означать изгнание из него самих капиталистических отношений. Как мы уже говорили выше, капиталисты являются лишь персонификацией капитала, который возникает из прибавочной стоимости, создаваемой рабочими. В тяжёлых условиях рабочим придётся самим совмещать в себе функции капиталиста и наёмных рабочих. Чтобы предприятие смогло выжить в стихии рынка, им придётся повышать норму собственной эксплуатации, дабы иметь возможность инвестировать средства в расширение и модернизацию производства. Таким образом, самоуправление трудящихся на отдельном предприятии будет означать не более чем самоэксплуатацию.

Примером такого самоэксплуатирующегося кооператива является керамическая фабрика «Занон» в Аргентине. Рабочие захватили её в октябре 2001-ого года. После многочисленных судов и столкновений с полицией в августе прошлого 2009 года государство таки признало захват предприятия рабочими законным [7]. Мы мало знаем о внутренних распорядках на «Заноне», но из того, что знаем, нам известно, что рабочие вынуждены работать почти также, как и до 2001 года. Не смотря на возросшее самоуважение и чувство собственного достоинства, законы рынка никогда не позволят существенно повысить уровень жизни наёмных рабочих, даже если нанимают они себя сами. На «Заноне» прежний хозяйский деспотизм сменился демократией делегатов, но капитализм остался капитализмом, а наёмный труд – наёмный трудом.

Капиталистическая фабрика представляет собой не только экономический институт, но и систему производственно-технических отношений, которые неизбежно имеют авторитарный характер, так как своей предпосылкой имеют разделение труда на управленческий и исполнительный. Созданная капитализмом техника в большинстве своём разделяет производственный процесс на отдельные сферы, где рабочие, как простые придатки машин, совершают одни и те же примитивные монотонные операции, тогда как управленцы концентрируют в своих руках управление производством. Однообразная конвейерная работа превращает рабочего в простого исполнителя, лишённого представления о характере производственного процесса в целом и не способного поэтому к реальному самоуправлению. Внедрение новой техники, которая позволила бы в действительности коллективно управлять предприятием, невозможно в условиях капитализма. Такая модернизация слишком дорого бы обошлось самоэксплуатируемому кооперативу, а глобальному капитализму она не нужна.

Судя по статье «Zanon factory occupation - interview with workers»[8] 2006 года, управление «Заноном» осуществляется профсоюзом, частично взятым рабочими под свой контроль. (Следствием интеграции кооперативов в буржуазное общество является то, что в нём руководящая функция остаётся за подзаконным профсоюзом, который априори, как контора по продаже рабочей силы, не может быть инструментом освобождения пролетариата). Часть делегатов профсоюза не являются освобождёнными работниками и против них у остальных рабочих претензий нет. Другая же часть сохраняет освобождённые должности с ещё доокупационных времён. В 2006 году часть рабочих хотела их поменять, что из этого вышло мы не знаем. Такая ситуация, то есть сочетание авторитарного и коллективного управления, является крайне неустойчивой. А так как «Занону» приходится существовать в экономических и производственных условиях капитализма, то весьма вероятно восстановление старых авторитарных порядков. Избранные рабочими профсоюзные делегаты будут всё больше превращатся в реально неподконтрольных рабочих начальников, превращать часть прибавочной стоимости, которая пока всё идёт на инвестирование в производство в свою личную прибыль и станут со временем новыми персонифицированными капиталистами (высокооплачиваемыми менеджерами).

То, что в большинстве случаев самоуправляющиеся предприятия обречены на такое вырождение доказывает пример звезды кооперативного социализма – испанская Мондрагона. Вот что пишет о ней крупнейший буржуазный журнал The Economist [9]: «Для завода Fagor в Мондрагоне (северная Испания) настали трудные времена. Компания страдает от той же проблемы, что и другие фирмы, занятые производством бытовой техники, - продажи падают. Зарплата за декабрь будет заметно ниже обычной. Некоторых уволили. Сейчас зарплаты собираются уменьшить на 8 процентов. Казалось бы, самое время для влиятельных испанских профсоюзов начать забастовку... Не на Fagor – здесь решение было принято самими рабочими...

"Мы частная компания, которая работает на тот же рынок, что и все остальные", – говорит Микель Забала, начальник отдела HR в Мондрагоне. – "Мы так же уязвимы, как и наши конкуренты"... Общими с конкурентами могут быть проблемы, но не их решения. Рабочие кооперативы связаны по рукам. Они не могут сократить штаты или, в случае с Мондрагоном, продать компанию или её часть. Потери в одной части покрываются за счет других. "Временами, это бывает довольно тяжело – зарабатывать, чтобы отдавать другим", соглашается г-н Забала. Убыточные кооперативы могут быть закрыты, но их члены должны будут получить новую работу в радиусе 50 км. Это может звучать ужасно для менеджера, борющегося с кризисом. Но кооперативы также имеют свои преимущества. ***Неоплачиваемый отпуск, неполный рабочий день, урезание зарплаты – всего этого удается достичь без забастовок, и соглашение достигается быстрее, чем в компаниях, которым приходится договариваться с профсоюзами и с государственными органами согласно Испанскому трудовому законода-***

тельству.

13 тысяч членов Eroski, другого кооператива, входящего в группу Мондрагон, и второй по величине испанской сети розничной торговли, в этом году не смогли даже сохранить свои зарплаты на прежнем уровне. Они также отказались от своих дивидендов по акциям в пользу компании. Постоянный поток информации к работникам-владельцам, говорит Забала, делает их готовыми к принятию болезненных решений.

Кажется, что все происходит мирно, но не стоит обманываться. ***Один из многих парадоксов Мондрагона заключается в том, что рабочие-владельцы также являются начальством для остальных работников.*** Расширяясь, группа стала нанимать людей из самых разных мест, от Америки до Китая. В группе сейчас больше дочерних компаний, чем кооперативов. На одного совладельца Мондрагона приходится два нанятых работника. Итог – двухъярусная система. И когда прижимает кризис, больше всего страдают рабочие, не являющиеся совладельцами. Они уже теряют работу, т.к. временные контракты не продлеваются. ***Как и обычные капиталисты, совладельцы Мондрагона, должны противостоять забастовкам и разрешать конфликты с профсоюзами…***

…наиболее успешны как раз те кооперативы, что в наименьшей степени скованы идеологией. Верхний предел зарплаты менеджера в Мондрагоне в три раза выше, чем у самых низкооплачиваемых членов кооператива. Но это привело к тому, что компания стала терять лучших менеджеров, и что некоторые менеджеры-несовладельцы стали получать больше, чем менеджеры-совладельцы. Разница в зарплатах была увеличена до восьми раз. Но это все еще на 30% ниже рыночного уровня, поэтому некоторые менеджеры все еще ищут для себя место получше. "Честно говоря, это был бы дурной знак, если бы никто не хотел уйти на другое место," - говорит Адриан Сэлайя, генеральный секретарь Мондрагона.

В последнее время Мондрагон столкнулся с проблемой сохранения успешных кадров. Irizar, производитель высококомфортабельных автобусов, в прошлом году вышел из состава группы, объясняя это тем, что больше не собирается поддерживать убыточные кооперативы».

Таким образом Мондрагона стала сегодня обыкновенной капиталистической корпорацией, корпорацией с остаточными самоуправленческими пережитками в сфере идеологии. Поэтому, когда egor_bredow рассказывает сказочки о том, как западные пролетарии «экспроприировав множество производств» положили тем самым «начало вольной жизни на основе равенстве и коллективизма» - он просто бредит.

Превращение в обычную капиталистическую корпорацию - это один из возможных путей развития самоуправляющегося предприятия. Если его работники не захотят или не смогут идти таким путём, вполне возможен и другой вариант – банкротство и закрытие предприятия. Именно это случилось с часовым заводом «Лип», на котором рабочая борьба продолжалась с 1973 по 1979гг, и который в 1979 году вынужден закрыться под давлением конкуренции. Как говорится в одной из статей ИКТ: «…под маской самоуправления скрывается расставленная профсоюзами ловушка изоляции. Примеров немало: часовой завод «Лип» во Франции в 1973 г., «Квареньон» и «Салик» в Бельгии и «Тримф» в Англии в 1978-1979 гг., а совсем недавно шахта «Тауэр Кольери» в Уэльсе. Каждый раз повторяется один и тот же сценарий: угроза банкротства вызывает протесты рабочих, профсоюзы способствуют изоляции этой борьбы и в конечном итоге ведут ее к поражению, уговорив рабочих и служащих выкупить предприятие, даже потратив, если необходимо, зарплату за несколько месяцев или выплаты по увольнению на увеличение капитала предприятия. В 1979 г. завод «Лип», ставший рабочим кооперативом, вынужден был закрыться под давлением конкуренции. На последнем общем собрании какой-то рабочий выразил свой гнев и отчаяние профсоюзным делегатам, которые стали настоящими хозяевами предприятия: «Вы подлецы! Сегодня вы вышвыриваете нас за дверь… Вы обманули нас!»[10]

Альтернативу, стоящую перед самоуправляющимися предприятиями: буржуазное перерождение или финансовое банкротство - ещё в 1898 году с предельной ясностью сформулировала Роза Люксембург: «…в капиталистическом хозяйстве обмен господствует над производством и, под влиянием конкуренции, делает ничем не сдерживаемую эксплуатацию, т. е. полнейшее подчинение производственного процесса интересам капитала, условием существования предприятий. Практически же это выражается в необходимости насколько возможно усилить интенсивность труда, сократить или увеличить его, смотря по состоянию рынка, привлечь или выбросить на улицу рабочую силу, опять-таки в зависимости от требований рынка, одним словом, пустить в ход все приемы, делающие капиталистическое предприятие конкурентоспособным. В силу этого рабочие, объединенные в производительное товарищество, должны подчиняться полной самых острых противоречий необходимости: они должны применять к самим себе режим абсолютизма со всем, что с ним связано, разыгрывая по отношению к самим же себе роль капиталистического предпринимателя. Эти противоречия ведут производительные товарищества к гибели, так как они или превращаются в капиталистические предприятия, или, если пересиливают интересы рабочих, совершенно распадаются»[11].

За последние 20 лет в России есть два наиболее известных случая захвата рабочими предприятий: Выборгский ЦБК и Ясногорский Металлургический Завод (оба в период кризиса 98-99 годов). В Выборге в конце концов профсоюзное начальство сдало рабочих хозяевам, а Ясногорске же силы рабочих истощились в долгом противостоянии и они потерпели поражение.

Некоторые сторонники кооперативного социализма считают даже, что благодаря развитию всяких саумоправленческих инициатив «капитализм в США мутирует во что-то более левое и прекрасное»!!! [12]. Как говорится в статье про «мутирование»: «порядка 120 миллионов американцев входят в кооперативы – это огромное количество». На самом деле эта сногсшибательная цифра не означает, что треть американцев работает на самоуправляющихся предприятиях. Многие кооперативы представляют собой просто жилищные товарищества, муниципальные предприятия, сообщества потребителей и.т.п. и.т.д.

Организаций подобного типа было полным полно в Западной Европе и даже в царской России сто лет назад. Уже тогда сторонники кооперативного социализма считали, что в недалёком будущем они вытеснят капитализм. Прошло сто лет – а воз и ныне там. Всевозможные объединения такого рода - и даже рабочие самоуправляющиеся предприятия - обречены существовать на обочине капитализма, командные высоты которого твёрдо оберегают крупный капитал и буржуазное государство. Даже во время пика захвата предприятий в Аргентине в начале 2000-х годов на захваченных рабочими предприятиями работало от десяти до двадцати тысяч человек, тогда как только промышленных рабочих в Аргентине было 8 миллионов. На захваченной рабочими текстильной фабрике «Брукман» было всего 58 работниц! На фабрике «Занон» - 370 рабочих. Это были маленькие предприятия, не игравшие решающей роли в экономике страны, и потому буржуазное государство и крупный капитал (капитал всегда стремится к монополизации) могли сквозь пальцы смотреть на эти эксперименты. Совсем другая была бы реакция на попытку захвата крупных промышленных предприятий, банков, средств транспорта и связи и.т.п. Однако автор статьи о «мутировании» американского капитализма «во что-то более левое и прекрасное» говорит даже не о рабочем самоуправлении на производствах, а о некоммерческих центрах реабилитации наркоманов или, например, получении всеми жителями Аляски ренты от продажи нефти (проект Долины Теннесси). При таком подходе получается, что подобный «кооперативный социализм» - обеспечиваемый нефтяной рентой! - давно существует в драконовских средневековых режимах Кувейта, Саудовской Аравии, ОАЭ.

Кто жил в эпоху «перестройки», тот хорошо помнит как иллюзии о сочетании преимуществ капитализма и «социализма», о социализме как строе цивилизованных кооператоров, о праве работников свободно продавать на рынке продукты своего труда, о народных предприятиях и народной приватизации и.т.п. владели тогда сознанием широких масс. Чем это кончилось, мы прекрасно знаем. Повторение подобных иллюзий будет иметь точно такой же результат.

Нас спросят: а какую же конкретную программу действий мы предлагаем? Что мы можем предложить тем же рабочим «Силиката» в Кирове?

Вернёмся к захватной забастовке на заводе «Лип» во Франции в 73-79 годах. На самом деле, там было два рабочих выступления, придерживавшихся разных стратегий

и кончившихся разными результатами. В 73 году, узнав о скором закрытии завода, рабочие сперва стали проводить саботаж, а затем заперли в комнате представителей администрации. Ночью полиция освободила захваченных, но сразу после этого рабочие вывезли с завода и спрятали 25 тысяч часов, решив «заменить живых заложников на материальных». На следующий день общее собрание одобрило конфискацию часов и решило начать захватную стачку.

Чтобы обеспечить получение средств для поддержания своей жизни и ведения борьбы, рабочие решили возобновить на захваченном предприятии производство часов и продавать их самостоятельно.

«Свыше 400 предприятий заказывали часы. В течение 8 недель было продано 62 тысячи часов на сумму свыше 9 миллионов франков. Товар продавался по фабричной цене, которая была на 40% ниже магазинной. Покупка разрешалась только отдельным лицам и делегациям от предприятий; промышленнику из Кувейта с миллионами в чемодане, который хотел сделать закупки, указали на дверь. Рабочие заявляли: «Продажа часов - это только средство, а не цель. Именно это следовало объяснять покупателям, которые наводили справки или стремились к хорошей сделке: мы черпаем свои силы не из продажи, а из вашей политической поддержки». «Каждые проданные часы должны стать знаком нашей борьбы. Поэтому комиссия по приему принимает каждого посетителя и до или после покупки объясняет ему смысл нашей борьбы».

Возобновление производства было названо «активной стачкой». Рабочие говорили: «При капиталистической экономической системе фабрика не может работать на благо рабочих. Это невозможно! Это немедленно повлекло бы за собой бойкот всех продукции, бойкот при распределении, и операция провалилась бы. Поэтому мы не говорим о самоуправлении». Они определяли свою акцию как «рабочую самооборону» [13].

Хотя, через две недели после начала захватной стачки 3000 жандармов выбили рабочих с завода, борющиеся пролетарии «Липа», продолжали борьбу, собирали общие собрания и вели интенсивную пропагандистскую кампанию, используя для этого полученные от продажи часов средства. Они стали выпускать еженедельную газету с тиражом в пятьдесят тысяч и издали брошюру «Борющийся «Лип» обращается ко всем рабочим» в котором призывали всех рабочих следовать своему примеру. Брошюра вышла тиражом в миллион экземпляров. Эта пропагандистская кампания имела определённый успех

«В сентябре 1973 г. был организован «марш на Безансон». Рабочие делегации со всей Франции и из-за границы образовали колонну в 80-100 тысяч человек, которая, несмотря на проливной дождь, продемонстрировала свою солидарность с «ЛИП» [13].

Именно благодаря радикализму своих действий и тактике, направленной на расширение борьбы, на вовлечение в неё как можно большего числа рабочих, рабочие «Липа» добились частичной победы.

«В январе 1974 г. один промышленник предложил план нового открытия завода, который в основных своих пунктах совпадал с прежними требованиями рабочих: отказ от частичного закрытия и трудоустройство 900 рабочих (к этому времени из 1300 рабочих завода на нем оставались как раз 900 человек)... 8 марта суд одобрил создание новой компании, и на следующий день полицейские части покинули территорию завода после 6-месячной оккупации. Рабочие вернули обратно свой «боевой запас» часов и вывезенные ими с завода машины.

Но новая фирма проработала всего 2 года, до мая 1976 г., когда вспыхнул новый конфликт. В апреле Административный совет решил прекратить выплату зарплаты, поскольку убытки фирмы составили якобы 1 миллион франков в неделю. Логическим результатом была ликвидация фирмы.

Рабочие снова захватили предприятие. Но в отличие от 1973 г. вся ситуация в целом выглядела гораздо хуже. В стране было свыше 1 миллиона безработных, положение безработных ухудшилось» [13].

Если в 73 году рабочие вели «активную стачку» за конкретные материальные требования, то теперь они взяли ориентир на создание самоуправляющегося предприятия, которое сможет выжить в условиях мирового экономического кризиса. Однако, это оказалось невозможным. Несмотря на напряжённые усилия и тяжёлый труд, зверскую самоэксплуатацию «Лип» не смог приспособиться к мировой экономической конъюнктуре и был закрыт в 79 году.

Какие выводы мы можем сделать из этой истории?

Когда в 73 году, рабочие не имея иллюзий о возможности самоуправления в условиях капитализма, использовали захват фабрики в качестве средства давления на государство и капитал, когда они рассматривали захваченную фабрику лишь как боевую крепость, а не как островок социалистического благополучия в бушующем рыночном океане, а производство часов было для них лишь источни-

ком средств для жизни и продолжения борьбы, тогда они победили.

Когда же они захотели «доказать, что предприятие может выжить... повысить технический уровень при одновременном расширении перечня производимых товаров» [13], пошли по пути создания рыночно-ориентированного предприятия, по пути самоэксплуатации ради выживания на рынке – то они неизбежно проиграли.

Мы не отрицаем, что захват предприятия является огромным шагом вперёд в рабочей борьбе. Но идя на этот шаг, рабочие должны понимать, что после захвата предприятия перед ними встанет выбор. Либо пытаться интегрироваться в рыночную экономику и буржуазную легальность - и тогда их ждёт либо банкротство предприятия (на модернизацию которого у них нет средств), либо интенсивная самоэксплуатация, которая скорее всего закончится обыкновенной эксплуатацией.

Другой путь – это использовать захват предприятия как средство давления на буржуазию и государство ради удовлетворения своих конкретных материальных требований. Использовать захваченное предприятие как цитадель в классовой борьбе против угнетателей. Тут нет принципиальных отличий со взятием власти в отдельной взятой стране или городе. Захватив любой участок территории, рабочие не должны питать иллюзий, что мировой рынок и буржуазное государство оставят их в покое, но должны использовать захваченную территорию со всеми находящимися на ней средствами для расширения борьбы и вовлечения в неё всё большей части своего класса.

Мы понимаем, конечно, что рабочие захватывающие предприятие, в большинстве своём хотят не немедленной мировой революции, а вещей куда более непосредственных – работы и зарплаты. Однако диалектика заключается в том, что только испугавшись реальной угрозы расширения и радикализации их борьбы, испугавшись их радикальных действий, буржуазия и государство могут пойти на отступление по части работы и зарплаты. Только борясь за всё – можно получить что-то. Только страх перед готовыми идти на всё и сражаться до конца пролетариями может заставить эксплуататоров перестать относиться к ним как к «быдлу».

К сожалению, у нас нет активистов в городе Кирове и поблизости от него. Но если бы у нас была возможность как-то повлиять на борьбу рабочих, мы не стали бы в отличие от РКРП и АДА, сочинять бессмысленные прожекты устава самоуправляющегося предприятия, не стали бы просить буржуазное государство, чтобы оно помогло рабочим выкупить предприятие и в отличие от них же не стали бы писать письма губернатору. Мы предложили бы рабочим:

1) Захватить предприятие и использовать его как опорную точку в классовой борьбе.

2) Если есть запасы продукции, то продавать их, а полученные деньги тратить на жизнь и на продолжение борьбы.

3) Вести агитацию среди работников других предприятий и всего пролетарского населения города, взывать к классовой солидарности. Призывать следовать своему примеру, чем больше рабочих борется – тем победить их сложнее.

4) Захватив завод, если есть возможность, попытаться возобновить производство и опять же тратить вырученные средства на жизнь и расширение борьбы.

5) В качестве дополнительных инструментов воздействия использовать перекрытие важных путей сообщения.

6) Создать рабочую дружину по охране завода от сил буржуазного государства и мафии.

Сколь мы можем судить, на заводе «Силикат» работает относительно небольшое количество людей. Сил только их одних не хватит для таких радикальных действий. Без пролетарской солидарности, без вовлечения в общую борьбу рабочих других предприятий, победа рабочих «Силиката» невозможна. Но удовлетворение их требований ТЕМ БОЛЕЕ НЕВОЗМОЖНО путём жалостливых просьб и челобитных к буржуазному государству.

В результате, скорее всего рабочие «Силиката» не получат сейчас ничего. Но будет еще много таких пролетарских выступлений, и чтобы они, как искры, не гасли зазря, пролетарии не должны идти на поводу у буржуазии и её государства, не должны надеяться на подачки с её стороны, не должны они и верить таким пособникам класса капиталистов, как сталинисты и горе-«анархисты». Только совместная радикальная борьба может привести к освобождению пролетариев от эксплуатации и гнёта. Впереди долгий тяжёлый путь борьбы, испытаний и неизбежных поражений, только приобретя опыт в этой борьбе, только разуверившись в иллюзиях о капитализме, рынке и государстве, пролетарии станут способными покончить со своей нищетой и рабством.

Из искры возгорится пламя.

Коллектив СРС

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] - http://revsoc.org/archives/1080

[2] – http://revsoc.org/archives/2593

[3] - http://kprf.ru/crisis/edros/74078.html

[4] –Конституционно-демократическая партия – партия русской либеральной буржуазии в начале 20 века.

[5] – http://lj.rossia.org/users/egor_bredow/37434.html?mode=reply

[6] – http://vintovka.front.ru/programma.htm

http://libcom.org/library/zanon-factory-occupation-interview-with-workers

[7] – http://upsidedownworld.org/main/content/view/2052/1/

[8] – http://libcom.org/library/zanon-factory-occupation-interview-with-workers

[9] – http://revsoc.org/archives/3253

[10] –http://ru.internationalism.org/icconline/2006/self_management

[11] – http://revsoc.org/archives/321#r1

[12] - http://copylefter.livejournal.com/106721.html

[13] - http://antijob.anho.org/class_war/id178

КООПЕРАТИВЫ ИЛИ КОНФЛИКТЫ?

Национализация долгое время была основным требованием левых, и сегодня, когда беспрецедентная национализация банковской системы никак не приблизила нас к социализму, подтверждается старый тезис анархистов, что государственный контроль не может ничего дать рабочему классу. Вместе с тем, это создает возможность продвижения анархистских идей не как критики левых, но как самостоятельного предложения. Вместо требования национализации проблемных предприятий, многие теперь выдвигают требование рабочего контроля. Но это требование не менее проблематично, по двум причинам.

Во-первых, что немаловажно, мы не в состоянии что-либо требовать. Будучи крайним меньшинством класса, наши "требования" – не более чем беспомощные крики. Национализация банков осуществлялась не потому, что парламентарии вняли призывам различных троцкистских групп, а потому что существовала материальная необходимость предотвратить крах банковской системы и последующий экономический крах, падение прибылей и возможные социальные волнения.

Единственный способ сделать наши требования необходимостью для капитала – это подкрепить их классовым движением, способным навязать их капиталу. Требовать того или иного при отсутствии такой силы класса значит забегать вперед дела; сейчас есть более неотложные задачи. Мы вернемся к этому чуть позже.

Вторая проблема находится на более глубоком уровне. Хотя многие понимают, что рабочий контроль в условиях капитализма – это просто самоуправляемая эксплуатация, это требование все еще выдвигается как своего рода промежуточное, "реалистичное" требование для нереволюционного времени. Однако, как и национализация, рабочий контроль – это не требование, основанное на наших конкретных материальных потребностях, но на том, *как следует управлять капиталом.*

Капиталом нельзя управлять в наших интересах, так что нет смысла и пытаться. Вместо этого нужно выдвигать конкретные материальные требования: против увольнений, снижений зарплат, сокращения социальных услуг и выселений; и, забегая вперед, – за повышение зарплаты, снижение рабочего дня без потери в зарплате, улучшение социальных услуг и т.д.

Самоуправляемая эксплуатация – это не просто удачный оборот речи, это указание на то, *как капитал управляет общественной жизнью.* Он делает это как вертикально, через начальство, так и горизонтально, посредством рыночных сил. Многие анархисты фокусируют внимание в основном на вертикальном устройстве иерархии на рабочем месте, и поэтому рассматривают рабочий контроль как ступеньку на пути к либертарному коммунизму.

Однако, это не ступень, а тупик. Например, я работаю в сфере финансовых услуг. Как и ожидалось, из-за финансового кризиса нам пришлось потуже затянуть пояса. Часть людей сократили, а тех, кому «посчастливилось» остаться, вынуждают работать больше и усерднее, чтобы компенсировать нехватку людей. Если бы мы превратили нашу организацию в кооператив, то те рыночные силы, что заставили моего босса устроить сокращения, все также бы существовали, но нам бы уже некого было винить, когда нам пришлось бы поднять норму эксплуатации, чтобы выжить во враждебной рыночной среде.

Конечно, мы могли бы уменьшить сокращения или увеличить зарплату, используя бывший доход директора. Но если фирма имеет ресурсы для этого, а уровень классовой борьбы так высок, что мы можем экспроприировать хозяев и создать кооператив, мы должны просто требовать *конкретные материальные вещи, которые мы хотим* – в данном случае, гарантию занятости и улучшение условий труда, – а не выдвигать требования касательно того, *как следует управлять капиталом*, чтобы удовлетворить наши реальные потребности.

Успех в образовании кооператива – это успех в замене одной формы отчуждения на другую – пролетарской

на мелкобуржуазную. Есть важный момент, почему рабочий класс может стать революционным классом, а мелкие предприниматели – нет, – это классовый антагонизм. Когда капитал в лице работодателя насаждает рабочим свои требования, рабочие могут сопротивляться. Потребности рабочих находятся в прямом противоречии с потребностями капиталистического накопления.

Однако если мы становимся своими собственными начальниками, нам уже некому что-то возразить, наоборот, мы сами должны продвигать требования капитала. Классовая борьба, а с ней и потенциал революционных изменений, сорвана. Цель создается из средств; некоторые средства приближают нас к цели, другие же – отдаляют ее и, в конечном счете, убивают ее возможность.

Так какой тогда должен быть либертарно-коммунистический ответ на кризис? Коммунистические требования – это конкретные, материальные требования, отражающие наши потребности как рабочих. Чтобы иметь возможность осуществить эти требования, нам нужно иметь достаточный уровень силы и решимости рабочего класса, чего сейчас как раз и не хватает. Следовательно, нашу активность следует направить на развитие решимости, силы и боевого духа класса.

Рабочий бюллетень "Tea Break" –один из таких проектов, он агитирует за либертарно-коммунистическую тактику достижения конкретных материальных требований. Это тактика коллективных действий, сетевых и «реальных» сообществ боевых работников, массовых собраний, включающих всех рабочих, независимо от членства в профсоюзе (исключая менеджеров и штрейкбрехеров, конечно же), как способа управления борьбой и налаживания связей между рабочими, разделенными по месту работы, отрасли, профсоюзу, между постоянными и временными работниками и множеством других разделений, имеющихся в настоящее время (национальность, гендер и т.д.).

Как конкретный проект, направленный на распространение либертарно-коммунистической тактики требований и развитие решительности и силы класса, он делает, по крайней мере, небольшой, но твердый шаг в правильном направлении.

Joseph Kay

КООПЕРАТИВЫ И КОНФЛИКТЫ!

Я не уверен, прочитал ли Джозеф Кей («Кооперативы или конфликты?») мою статью о кооперативах, перед тем как написать свою. Вероятнее всего, нет, так как она выглядит как стандартная статья об отношении либертарных коммунистов к кооперативам в рамках капитализма.

Я надеялся, что моя статья («Бэйлауты или кооперативы?») дала ясно понять, что я выступаю за кооперативы как краткосрочное решение для рабочих, сталкивающихся с сокращением штатов, и для тех, чьи работодатели хотят получить бэйлаут [государственную финансовую помощь проблемным предприятиям]. Я не касался темы так называемой *«самоуправляемой эксплуатации»*, просто потому что это другой вопрос, касающийся кооперативов в рамках капитализма и будущего либертарного общества. Моя изначальная статья была призывом к действию, кроме того, я пытался объяснить, почему кооперативы – это действительная **социалистическая** альтернатива бэйлаутам и национализации в рамках нынешнего кризиса.

Во-первых, нужно действительно отметить несколько противоречий в аргументации Кея. Он заявляет, что мы *«не в состоянии что-либо требовать. Будучи крайним меньшинством класса, наши 'требования' – не более чем беспомощные крики»*. Тем не менее, без всякой иронии, он предлагает выдвигать различные *«коммунистические требования»*, с которыми нам следует выступать! Каково это? Мы не в силах что-либо требовать или мы все-таки можем выдвигать требования? Скорее всего, имеется ввиду второе, так как он критикует конкретно именно требование кооперативов.

Кей утверждает, что *«коммунистические требования – это конкретные, материальные требования, отражающие наши потребности как рабочих»*. По-видимому, избегание безработицы не отражение наших потребностей как рабочих. Он серьезно полагает, что рабочие, сталкивающиеся с закрытием их рабочих мест, должны просто забрать свои документы в отделе кадров и направиться прямиком на биржу труда? Что задача анархистов – не только **не** предлагать захватов, но и **препятствовать** им, как *«мелкобуржуазным»* действиям? Или что мы должны оставаться безразличными, когда общественные (наши!) деньги используются для спасения уродов, втянувших нас в этот кризис?

Довольно забавно, но он оглашает список «конкретных материальных требований», которые мы должны «выдвигать» (забыв про то, что «мы не в состоянии что-либо требовать»), а именно «против увольнений, снижений зарплат, сокращения социальных услуг и выселений». Никаких выселений? Типа, когда работодатели закрывают рабочие места и выселяют оттуда рабочих? И как мы можем это обеспечить? Наверно, путем захвата? И что же тогда захватчики смогут противопоставить последующим «урезаниям зарплат» (я сомневаюсь, что хозяева вообще будут что-то платить им)? Наверно, путем возобновления производства под своим контролем? Разве не должны тогда анархисты выступать за захват предприятия, как пример «конкретного материального требования»?

И это ключевой момент. Я нигде не говорил, что поддержка кооперативов – это единственная возможная тактика в кризисные времена. Стоит ли мне указывать, что создание кооперативов означает *«коллективное действие»* и *«массовые собрания»*? Стоит ли мне указывать, что это форма прямого действия? Таким образом, речь идет и о конфликтах и о кооперативах **одновременно.**

Кей утверждает, что кооперативы не имеют значения, пока они не *«подкреплены классовым движением, способным навязать их капиталу. Требовать того или иного при отсутствии такой силы класса значит забегать вперед дела; сейчас есть более неотложные задачи»*. Но выдвижение требования превращения фирмы, запрашивающей государственную помощь, в кооператив как раз и может послужить средством формирования этого движения (крайне слабого сегодня). Предложение либертарных решений *неотложному делу* бэйлаутов, сокращения рабочих мест и базработицы никак не может рассматриваться как забегание вперед.

Так надо ли мне говорить, что мое предложение кооперативов имело целью поддержку собственных действий рабочих, поддержку самостоятельного поиска рабочими решений их проблем, вызванных кризисом? Разумеется, я согласен с Кеем, что *«нашу активность следует направить на развитие решимости, силы и боевого духа класса»*. Сопротивление бэйлаутам и закрытиям производств путем захватов и кооперативов – это как раз **часть** этого проекта.

Кей уделил несколько слов ограниченности кооперативов. «Капиталом, - говорит он, - нельзя управлять в наших интересах, так что нет смысла и пытаться». Однако, как Прудон и Маркс ясно дали понять, кооперативы не являются капиталистическими фирмами: «Пусть сами рабочие владеют соответствующими средствами производства и обменивают свои товары друг с другом. Эти товары не были бы тогда продуктами капитала». (Маркс, Капитал т.3)

Для рабочих, сталкивающихся с увольнениями, образование кооператива вряд ли означает, что *«классовая борьба, а с ней и потенциал революционных изменений, сорвана»*. Действительно ли он считает, что государство или капитал позволят рабочим захватить свои рабочие места? Я в этом сомневаюсь. Я уже говорил, что Кропоткин предлагал профсоюзный контроль как альтернативу национализации. Но об этом также говорил и Энгельс в 80ых гг. 19 века: вместо приватизации общественных проектов и государственных земель, он предлагал передать их в собственность кооперативов. Разве Кропоткин и Энгельс выступали за умерщвление рабочего класса как *«потенциально революционного класса»* и преодоление *«классового антагонизма»*, когда они предлагали кооперативы в качестве альтернативы национализации? Я в этом сомневаюсь.

Кей переходит к следующему пункту: *«требование кооперативов выдвигается как своего рода промежуточное, "реалистичное" требование для нереволюционного времени», хотя «рабочий контроль в условиях капитализма – это просто самоуправляемая эксплуатация»* и *«замена одной формы отчуждения на другую – пролетарской на мелкобуржуазную»*. Я признаю себя виновным по первому обвинению, однако я должен отметить, что мое предложение было попыткой приблизить революцию посредством агитирования за прямое рабочее действие, другими словами, я не ставлю целью *«рабочий контроль при капитализме»*, но скорее рабочий контроль как шаг вперед на пути к свержению капитализма.

Что касается *«самоуправляемой эксплуатации»*, то тут все напутано. *«Самоуправляемая эксплуатация – это не просто удачный оборот речи»*, утверждает Кей, но я не соглашусь. Он смешивает господство рыночных сил над жизнями рабочих (и это серьезное возражение) с капиталом/наемным трудом и, соответственно, с эксплуатацией (в анархистском или марксистском смысле - экспроприацией прибавочного труда непроизводителями). Кей утверждает, что *«капитал управляет общественной жизнью»* *вертикально «через личность начальника»* и горизонтально *«посредством рыночных сил»*, но надо ли мне указывать, что капитализм – это способ производства, а не способ распределения? Рынки существовали и до капитализма, и самозанятые ремесленные рабочие не эксплуатировались капиталистом.

Кей утверждает, что если его рабочее место превратиться *«в кооператив, то те рыночные силы, что заставили моего босса устроить сокращения, все также бы существовали, но нам бы уже некого было винить, когда нам пришлось бы поднять норму эксплуатации, чтобы выжить во враждебной рыночной среде»*. Неужели? Он и правда уверен, что рабочие будут принимать те же самые решения, что и начальство при тех же обстоятельствах? Если говорить до конца, то этот аргумент будет вторить апологетам капитализма: капиталисты не имеют власти, все определяет рынок. Однако, это не правда – рыночные силы могут повлиять на принятие тех или иных решений, но, в конечном счете, все определяет начальник.

Если бы все не было так, то зачем бы нам тогда нужны были профсоюзы? Мы бы не смогли тогда достичь никаких реформ, если бы капиталисты лишь выполняли требования *«рыночных сил»*! Более того, вопрос *«рыночных сил»* также поднимает и другой вопрос: а не занимаются ли ка-

питалисты *«самоуправляемой эксплуатацией»*, когда **они** принимают решения, которые им не нравятся (например, вместо покупки третьего загородного домика инвестируют средства в свою компанию, чтобы сохранить ее на плаву)? Являются ли инвестиции капиталиста «эксплуатацией» капиталиста? Согласно логике Кея – да, являются, что показывает несостоятельность его аргументов.

Кей утверждает, что если *«у фирмы достаточно ресурсов,то мы должны просто требовать конкретные материальные вещи,которые мы хотим»*. Однако мой довод касался прежде всего фирм, находящихся на грани банкротства. Что же, вместо того, чтобы экспроприировать капиталиста, мы должны просто принять увольнение? В общем, я удивлен, что член Solidarity Federation сопротивляется предложениям экспроприации капитала, выступает против призывов к рабочим захватывать свои рабочие места и говорит, что нам не надо никак реагировать, если государство национализирует или вытаскивает из долговой ямы капиталистические предприятия.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что это сопротивление кооперативам является *«не ступенью, а тупиком»*, но не их поддержкой. Я думаю, он смешивает понятия постепенных реформ, завоевываемых посредством кооперативов, с кооперативом как ответом на сокращения (что видно из его слов *«как и национализация, рабочий контроль – это не требование, основанное на наших конкретных материальных потребностях, но на том, как стоит управлять капиталом»*). Возможно, экспроприация рабочих мест в нереволюционной ситуации это и правда плохая затея, но опять же, почему это нереволюционная ситуация? Может, потому что работники не экспроприируют рабочие места?

В общем, мое предложение кооперативов как практической альтернативы для либертариев остается в силе, с тем лишь уточнением, что кооперативы для нас – это в первую очередь одна из форм прямого действия и солидарности. Таким, образом, мы должны фокусировать внимание и на кооперативах и на конфликтах в их взаимосвязи, чтобы создать, сначала, революционное рабочее движение и, затем, свергнуть капитализм!

Iain McKay

КООПЕРАТИВЫ, КОНФЛИКТЫ И ДЕМАГОГИЯ

Первые две статьи «Бэйлауты или кооперативы?» и «Кооперативы или конфликты?» были опубликованы в рождественском выпуске 2008 года газеты Freedom, затем последовал ответ Иэна на мою статью – «Кооперативы и конфликты!» Так как мы втягиваемся в самую глубокую рецессию со времен Второй Мировой и уже имеются признаки обострения классового противостояния и подъема реакционных настроений, то сегодня как никогда важно всестороннее обсуждение либертарно-коммунистического ответа на кризис. Соответственно, мой ответ Иэну имеет целью прояснить некоторое его недопонимание или искажение моей позиции и внести конструктивный вклад в эту важную дискуссию. Начнем с заявления Иэна, будто мои доводы противоречивы:

«Во-первых, нужно действительно отметить несколько противоречий в его аргументации. Он заявляет, что мы *«не в состоянии что-либо требовать. Будучи крайним меньшинством класса, наши 'требования' – не более чем беспомощные крики»*. Тем не менее, без всякой иронии, он предлагает выдвигать различные *"коммунистические требования"*, с которыми нам следует выступать! Каково это? Мы не в силах что-либо требовать или мы все-таки можем выдвигать требования?»

Здесь нет противоречия, по двум важным причинам. Во-первых, как я ясно сказал об этом в своей статье, я критикую стратегию кооперативов с двух сторон:

«Во-первых, что немаловажно, мы не в состоянии что-либо требовать. (...)Вторая проблема находится на более глубоком уровне (...)как и национализация, рабочий контроль – это не требование, основанное на наших конкретных материальных нуждах, но на *том,как следует управлять капиталом*».

Я говорю о том, что, как троцкистские требования национализации, так и анархистские требования кооперативов бессильны, так как мы не в состоянии сейчас добиться их. Требования относительно того, как управлять капи-

талом (посредством государства, посредством ассоциации рабочих кооперативов) бессмысленны без рабочего движения, достаточно сильного, чтобы навязать их. Но в любом случае, они не представляли бы собой коммунистические требования, даже если бы мы были в состоянии добиться их.

Во-вторых, даже в отсутствие сильного рабочего движения, предложения о том, *что должны делать рабочие*, не настолько бессильны, как требования о том, как следует управлять капиталом, так как действующих управленцев капиталом может поколебать только сила, то есть классовая борьба: забастовки, захваты и другие формы прямого действия; наших коллег по работе в принципе также можно убедить силой – силой доказательств, то есть путем пропаганды, продвигающей либертарно-коммунистическую тактику.

Даже если вы считаете кооперативы хорошей идеей, то для начала следует занять соответствующее положение в обществе, чтобы вы могли добиться этого требования. Иэн согласен с тем, что наиважнейшая проблема анархистского ответа на кризис – это развитие силы и решимости класса, – как раз того, на что мы в состоянии повлиять в данный момент (в отличие от управления капиталом). Тем не менее, вопрос требований рабочего класса также необходимо обсуждать, дабы не обрекать себя на поражение с самого начала; поэтому следует повторно рассмотреть мои замечания по поводу стратегии продвижения кооперативов.

Иэн утверждает, что кооперативы являются «действительной социалистической альтернативой бэйлаутам и национализации в условиях нынешнего кризиса», (хотя и ясно, что «да, это не социализм»). Он пишет:

«Кэй утверждает, что если его рабочее место превратиться "в кооператив, то те рыночные силы, что заставили моего босса устроить сокращения, все также бы существовали, но нам бы уже некого было винить, когда нам пришлось бы поднять норму эксплуатации, чтобы выжить во враждебной рыночной среде". Неужели? Он и правда уверен, что рабочие будут принимать те же самые решения, что и начальство при тех же обстоятельствах?»

Вряд ли Иэн разбирается в ситуации на моем рабочем месте лучше меня, но и без этого я вполне четко говорю о возможности изменений при переходе к кооперативной форме:

«мы могли бы уменьшить сокращения или увеличить

зарплату, используя бывший доход директора. Но если фирма имеет ресурсы для этого, а уровень классовой борьбы так высок, что мы можем экспроприировать хозяев и создать кооператив, мы должны просто требовать конкретные материальные вещи, которые мы хотим – в данном случае, гарантию занятости и улучшение условий труда, – а не выдвигать требования касательно того, как следует управлять капиталом, чтобы удовлетворить наши реальные потребности».

Однако, довод Иэна "касался прежде всего фирм, которые находятся на грани банкротства". Что же мы тогда собираемся захватывать и чем будем самостоятельно управлять? В случае моей фирмы, мы предоставляем в кредит деньги, которые занимаем у крупных банков. Вероятно, у нас не останется другого пути, кроме банкротства, если наши безнадежные долги поднимутся слишком высоко или мы будем отрезаны от наших источников финансирования. В любом случае, кооператив столкнулся бы с теми же проблемами, что и сегодняшний хозяин, но только имел возможность по-другому ими управлять. То же в принципе верно и для рабочих Woolworths и Zavvi: коллективное банкротство – все еще банкротство [банкротство розничной сети Zavvi было вызвано банкротством сети Woolworth, которая была оптовым поставщиком для Zavvi]. Захваты могут помочь предотвратить продажу администрацией оборудования с целью возврата долгов кредиторам, а не рабочим, и обеспечить увеличение выходных пособий, но они не могут сделать разоряющуюся фирму жизнеспособной. Единственное, что может оживить фирму, – это увеличение неоплачиваемого сверхурочного труда, способного восстановить доходность предприятия; но даже реализация этой непривлекательной перспективы зависит от кредиторов и поставщиков, предоставляющих кредит, и нормальных рабочих условий торговли на рынке, что так же реально для незаконно захваченной фирмы, как и предоставление сквоттерам ипотечного кредита от Barclays.

Утверждения Иэна о том, что «этот аргумент вторит апологетам капитализма: капиталисты не имеют власти, все определяет рынок» просто нелепы. Правильное понимание того, как работает капитализм, еще не является его апологетикой (наоборот, утверждение, что самоуправляемые фирмы являются "социалистическими" куда ближе к оправданию капитализма, чем все, что я написал). Капиталисты не вольны в своих решениях, они должны действовать в соответствии с рынком. Они почти наверняка не лгут, когда говорят, что они сожалеют о сокращении кадров и т.п., я уверен, что они бы предпочли нанять больше работников и получить больше прибыли. Конечно, они предпочтут опустить работников на 15 000$, вместо того, чтобы сократить выплаты себе на 15 000$, так что да, в рамках предприятия "все определяет начальник".

Но это возвращает нас к предыдущему вопросу: если имеются ресурсы, чтобы сократить число увольнений, в чем же тогда требование передачи капитала работникам более реалистично, чем, скажем, сохранение рабочих мест за счет дохода начальства? Какой предприниматель скорее отдал бы свой капитал, чем принял бы временное сокращение своей зарплаты? Иэн утверждает, что кооперативы являются «краткосрочным решением для рабочих, сталкивающихся с сокращением штатов, и для тех, чьи работодатели хотят получить бэйлаут», но если на повестке дня стоит экспроприация (а без этого никакого кооператива не может быть), то практика простого отстаивания рабочих мест остается далеко позади нее.

Я вовсе не считаю, что было бы плохо, если бы рабочие захватили свое предприятие и начали управлять им как кооперативом (а ля Занон), но я думаю, что это (a) не то, чего следует ожидать при имеющемся уровне классовой борьбы и в тяжелых условиях надвигающейся рецессии, (b) гораздо менее практично и реалистично, чем требование поднять выходные пособия или предотвращение сокращений как таковых, и (c) не то, что либертарные коммунисты должны предлагать в качестве стратегии, так как кооперативы – это тупиковый путь для такого уровня борьбы, на котором мы способны экспроприировать капитал. Я обо всем этом говорил в исходной статье, и Иэн до сих пор не объяснил, почему кооперативы – это более реалистичный ответ на кризис, чем борьба, противостоящая увольнениям

или требующая достойных выходных пособий – той борьбы, которая имеет место в действительности.

Таким образом, проблема не в том, кто, каким образом и насколько демократично управляет капиталом; проблема заключается в самом капитале. Цитирование Маркса не отменяет того факта, что существуют деньги в обращении, возвращающиеся с излишком (Д-Т-Д'); активы кооператива не перестанут быть капиталом, когда люди будут голосовать за то, как их использовать в обществе, основанном на товарном производстве и наемном труде. То есть попрежнему существует тенденция накопления, а значит и стремление к минимизации рабочего времени для выполнения необходимых задач. Вот почему уместно говорить о самоуправляемой эксплуатации. Иэн не соглашается с этим, поэтому стоит остановиться на этом пункте подробнее, так как этот вопрос касается самой сущности капиталистического социального отношениям и нашего сопротивления ему.

«Что касается "самоуправляемой эксплуатации", то тут все напутано. "Самоуправляемая эксплуатация – это не просто удачный оборот речи", утверждает Кэй, но я не соглашусь. Он смешивает господство рыночных сил над жизнями рабочих (и это серьезное возражение) с капиталом/наемным трудом и, соответственно, эксплуатацией (в анархистском или марксистском смысле – экспроприацией прибавочного труда непроизводителями)».

Фирма, действующая в условиях конкурентного рынка – а если она «на грани банкротства», то это по определению так, – должна произвести достаточно прибавочной стоимости, чтобы реинвестировать ее в расширение производства и новые технологии с целью сохранения или улучшения своих позиций на рынке по отношению к конкурентам. То есть фирма, как концентрация капитала, имеет свою собственную логику. Ей необходима подпитка прибавочным живым трудом, иначе она будет слабеть и погибнет. Как мертвый труд, она, словно вампир, высасывает живой труд, и живет тем полнее, чем больше живого труда она поглощает. Именно поэтому это является «эксплуатацией в анархистском или марксистском смысле» без «экспроприации прибавочного труда непроизводителями». Незачем излишне персонифицировать социальные отношения – фирма может руководствоваться своей логикой (расширяйся или умри) и без злодея в цилиндре с моноклем, возвышающимся над ней. Такова реальность ведения бизнеса, и она не зависит от того, каким образом управляется этот бизнес: одним тираном, акционерным обществом или кооперативом. Таким образом, когда я писал, что «многие анархисты фокусируют внимание в основном на вертикальном устройстве иерархии на рабочем месте» – я невольно предугадывал одностороннее понимание Иэном капиталистического отношения. Поэтому, когда Иэн пишет...

«Кэй утверждает, что "капитал управляет общественной жизнью" вертикально "через личность начальника" и горизонтально "посредством рыночных сил", действитель-

но ли я должен указывать, что капитализм – это способ производства, а не способ распределения? Рынки существовали и до капитализма и самозанятые ремесленные рабочие не эксплуатировались капиталистом».

...он все говорит за меня. В рамках существующего капиталистического способа производства упразднение капиталиста – т.е. индивидуальной персонификации капитала на уровне фирмы – не отменяет эксплуатации труда капиталом, т.е. мертвым трудом, который требует дополнительного труда, чтобы фирма сохранила свое положение в рыночной среде, а ее конкуренты не смогли вырасти и поглотить ее. Таким образом, Иэн сам себя запутывает и повторяет ошибку, о которой я предупреждал, обращаясь к докапиталистическому ремесленному производству, чтобы объяснить, почему кооперативы при капитализме якобы не связаны с эксплуатацией труда. Тот факт, что рынок является главным механизмом, посредством которого осуществляется тенденция к накоплению, не делает это вопросом распределения; при капитализме производство на рынок, то есть само товарное производство, требует этой динамики "расти или умри".

Иэн прав, что "это анархистская традиция – выдвигать требование кооперативов", но эта близорукая традиция акцентирования внимания на иерархическом аспекте отношения капитала в ущерб может привести нас в конечном счете к отстаиванию буржуазной свободы рынка против деспотизма производства, который является ее необходимым контрапунктом. Прудону, Кропоткину и другим это, по крайней мере, простительно в силу того, что им было недоступно то богатство знаний об истории движения, что есть у нас сегодня. Как бы Иэн не пытался хитро выстроить армию авторитетов, он не имеет того же оправдания (1). Истошный вопль «пришло время дать экономической свободе шанс!» как раз из этой традиции – традиции мелкобуржуазного социализма из XIX века, которая была давно дискредитирована как практически, так и теоретически (2).

Таким образом, разобравшись с более существенными вопросами, я чувствую, что должен обратиться к некоторым довольно нетоварищеским обвинениям и искажениям, которыми Иэн приправил свой ответ. Он спрашивает:

«Он серьезно полагает, что рабочие, сталкивающиеся с закрытием их рабочих мест, должны просто забрать свои документы в отделе кадров и направиться прямиком на биржу труда? Что задача анархистов – не только не предлагать захватов, но и препятствовать им? Я удивлен, что член Solidarity Federation сопротивляется предложениям экспроприации капитала и выступает против призывов к рабочим захватывать свои рабочие места».

Это нелепая инсинуация, и неудивительно, что она сделана без приведения какой-либо цитаты из моей статьи, так как я нигде не выступал против захватов рабочими своих рабочих мест или предлагал рабочим «просто забрать свои документы». Если вы сомневаетесь в этом, то просто посмотрите, что я писал в той части, на которую отвечает Иэн:

«нужно выдвигать конкретные материальные требования: против увольнений, снижений зарплат, сокращения социальных услуг и выселений»

Я не мог бы выразиться яснее, и Иэн обладает тем преимуществом, что читал мою статью перед ответом, так что действительно ему нет здесь оправдания (как если бы наши исходные статьи писались «вслепую», одновременно). Поэтому я оценил бы, если он откажется от этого обвинения, потому что это усложняет дискуссию, когда ты терпишь необоснованные обвинения за вещи, противоположные фактически сказанным. Захват рабочих мест – это как раз то, что я поддерживаю, я лишь говорил о том, что требовать превращения захваты в кооперативы ошибочно.

Идем дальше:

«Возможно, экспроприация рабочих мест в нереволюционной ситуации это и правда плохая затея, но опять же, почему это нереволюционная ситуация? Может, потому что работники не экспроприируют рабочие места?»

К сожалению, это настолько логически верно, насколько предположение, что на улице мороз вызван низкими показаниями термометра. Очевидно, что «революционные ситуации» не создаются захватами рабочих мест, но скорее характеризуются ими. Революция – признак высокой уровня классовой борьбы, и поэтому встает вопрос «как мы можем помочь повышению уровня классовой борьбы?» Это намного более насущный вопрос, потому что до тех пор, пока не произойдет этого повышения, любые требования будет лишены смысла. (Я не претендую на то, что повышение уровня классовой борьбы произойдет только через нас, отвечающих на этот вопрос, но этот вопрос должен быть поставлен, так как мы – тоже работники, и нас также будут иметь в течение этого кризиса, и защитить себя мы можем только коллективно).

Чтобы попытаться ответить на этот вопрос, брайтонская ячейка Solidarity Federation недавно выпустила брошюру об анархо-синдикалистской стратегии и организации [см. этот номер Максималиста]. Мы выступаем за создание активистских сообществ на территориальной и производственной основе, которые могли бы продвигать практики солидарности, прямого действия и низового контроля среди коллег по работе и всего класса. Мы полагаем, что рабочие, которые согласны с этими принципами, должны взаимодействовать друг с другом и проводить пропаганду, выступающую за массовые собрания на рабочих местах и коллективное прямое действие. Требования, с которыми мы будем выступать, будут конкретными, касающимися наших насущных потребностей (против сокращений зарплат и рабочих мест, за гарантию дохода и занятости, в случае сокращений, неизбежных так или иначе – за увеличение выходного пособия).

Захват рабочего места – это, безусловно, пример коллективного прямого действия. Но поощрять рабочих брать на себя предприятия на грани банкротства в худший кризис со времен Второй Мировой войны – это ошибочная тактика, поскольку, даже если бы удалось восстановить бизнес, то только приложив огромное количество дополнительных усилий – неоплаченного сверхурочного времени и т.п. – то есть того, против чего бы мы протестовали, если бы это проводилось начальством; но если мы будем работать в рамках самозанятых кооперативов, то ничего не сможем с этим поделать. Наконец, следует рассмотреть еще один момент, связанный с двумя высказываниями, неприемлемыми для либертарного коммуниста. Иэн пишет:

«Он серьезно полагает, что мы должны оставаться безразличными, когда общественные (наши!) деньги используются для спасения уродов, втянувших нас в этот кризис?»

Во-первых, идентификация государственных денег с «нашими!» (обязательно с восклицанием!) требует отождествления населения с государством. Государственные фонды, сформированные за счет налогов, не более «наши», чем Бентли моего босса – «моя» машина, потому что налоговые поступления – это принадлежащая государству часть прибавочной стоимости, экспроприированной капиталистическим классом. (3) Конечно, налоги более прозрачны, чем другие формы прибавочной стоимости, но «нашими» они от этого не становятся. Понятие «деньги налогоплательщиков» – это излюбленный риторический прием популистских ораторов – буржуазных идеологов от Джорджа Гэлловэя [член британского парламента от левацкой партии RESPECT] до Дэвида Кэмерона [лидер тори]. Я бы хотел, чтобы анархисты понимали, к чему приводит такое голое отождествление государства и населения.

Во-вторых, это заявление полностью следует господствующей буржуазной идеологии, например, заявлениям премьер-министра, о том, что в кризисе виновны банкиры. (4) Не то, чтобы не существует жадных или беспечных банкиров, но любой материалистический, коммунистический анализ кризиса должен отвергать популистские поиски козла отпущения и искать подлинные причины кризиса. Без этих «безответственных» кредитов экономика не испытала бы десятилетие устойчивого роста, на котором Браун построил свою репутацию, что еще раз демонстрирует бессмысленность выражения «банкиры втянули нас в этот кризис».

В конечном счете, Иэн так и не смог отстоять свое утверждение о том, что кооперативы представляют «действительную социалистическую альтернативу бэйлаутам и национализации в рамках нынешнего кризиса, (...) практическую альтернативу для либертариев». Вместо этого он исказил мои аргументы и утверждал – несомненно, в преемственности с «анархистской традицией», – что ведение собственного бизнеса является эффективной стратегией в

классовой борьбе. При этом он высказал несколько предложений, крайне характерных для буржуазной идеологии: что рынок – это свобода, за которую стоит бороться, что государственные средства – это «наши деньги», и что кризис – это ошибка жадных банкиров, а не исход противоречий капиталистического накопления.

Поэтому я утверждаю, что либертарно-коммунистический ответ на кризис – это подъем силы, решимости и самоорганизации класса для выдвижения требования конкретных вещей, которые мы хотим от капитала, а не выдвижение «реалистичных» методов эффективного управления капиталом (то есть кооперативного вместо иерархического); так как капиталом нельзя управлять в наших интересах, то и пытаться не имеет смысла. Стратегия продвижения «кооперативов и конфликтов» будет также соответствовать в XXI веке коммунизму – действительному движению, утверждающему наши потребности против текущего положения дел – как стратегия «национализации и конфликта» соответствовала ему в XX веке. Мы должны перестать пытаться управлять капиталом и вместо этого начать бороться с ним.

ПРИМЕЧАНИЯ

1)Из всех заблуждений, которые можно было бы ожидать от анархиста, апелляции к авторитетам являются, наверно, самыми нелепыми («как Прудон и Маркс ясно дали понять»). Я признаю важность Прудона, Бакунина, Кропоткина, Маркса, Энгельса, но какое отношение имеют политические стратегии мертвых знаменитостей XX века к сегодняшнему кризису? Об этом нет ни слова, мы просто должны преклониться перед авторитетами: «разве Кропоткин и Энгельс выступали за умерщвление рабочего класса как "потенциально революционного класса" и преодоление "классового антагонизма", когда они предлагали кооперативы в качестве альтернативы национализации? Я в этом сомневаюсь».

2) На ум приходит разгром Прудона Марксом. («Нищета Философии»)

3)Например, подоходный налог никогда не поступает на банковский счет рабочих, и выплачивается непосредственно от нанимателя государству. Повышение подоходного налога било бы по заработной плате так же, как и прямое снижение зарплаты, только касалось бы уже всего общества. И то и то означает увеличение части стоимости, присваиваемой капиталистом, и удар по цене рабочей силы, что, в случае отсутствия сопротивления, привело бы к снижению уровня жизни, то есть воспроизводству рабочей силы по сниженной стоимости.

4)Гордон Браун сказал относительно банкиров Сити, что он «зол на их безответственное поведение, (...) чрезмерный и безответственный риск должен караться».

Joseph Kay

ПРОТИВ САМОУПРАВЛЕНИЯ

Изначально эта заметка задумывалась как критика статьи А. Яновского «Социализм как историческая возможность», опубликованной в прошлом номере «Максималиста». Но, я надеюсь, ее содержание будет интересно и более широкому кругу читателей, так как она направлена против центрального анархистского/синдикалистского фетиша – против самоуправления.

Для тех, кто не читал оригинальной статьи Яновского, вкратце перескажу основные его идеи.

Главный вопрос для революционеров сегодня – почему провалились великие революционные движения прошлого? Яновский отвечает на него в духе традиционного исторического материализма: уровень развития производительных сил для торжества нового способа производства был недостаточен. В основе классового общества лежит разделение труда на исполнительский и организаторский, стремление избавиться от этого разделения составляет основу революционного движения. Наиболее боевыми пролетариями были рабочие первых поколений – у них еще сохранялись коллективистские традиции сельской общины, и на заводах они были способны бороться за рабочую автономию. В революционные моменты они могли достичь самоуправления производством в рамках цеха или предприятия, но дальше этого, как показывает Яновский на историческом материале, рабочим редко удавалось продвинуться. И это было неизбежно, так как для обмена информацией внутри предприятий и между ними необходимо было выделение обособленной касты людей, занятых чисто управленческим трудом. С автоматизацией труда, развитием телекоммуникационных систем и появлением децентрализованных сетевых сообществ необходимость в бюрократии отпадает, победа коммунизма становится возможной.

«Если генералы готовятся к войнам прошлого, то революционеры – к революциям минувшего века». Что ж, я скажу, что эти слова Яновского в полной мере применимы и к его собственному коммунистическому проекту. Ничего из того, что предлагает Яновский в своей позитивной программе не является принципиально новым. Наоборот, он воспроизводит все идеи и принципы старого рабочего движения, включая его главный фетиш – самоуправление. Именно против фетиша самоуправления мы направим острие нашей критики.

САМОУПРАВЛЕНИЕ ЧЕМ?

Сначала определимся с терминами. Прежде всего, «самоуправление» чем? Очевидно, что не жизнью людей в коммунистическом обществе, ведь цель движения – как раз обрести контроль над своими жизнями. И не самоуправление классовой борьбой – для этого обычно используется понятие «самоорганизация». Обычно когда говорят о самоуправлении, то подразумевают самоуправление отдельным (отделенным) общественным пространством в рамках капитализма, чаще всего – средствами производства в форме частного предприятия. Частное предприятие - это ограниченное место производства стоимости, противостоящее другим местам производства стоимости, а также пространству вне рабочего места.

Коммунизм как практическое уничтожение стоимости означает преодоление всех разделений и в первую очередь частного предприятия, изолирующего рабочее пространство-время от нерабочего, и возвращение целостности. Примером здесь может быть жизнь первобытной общины: для того, чтобы создать орудие труда, человеку примитивного общества не нужно было просыпаться по будильнику и идти в репрессивное, чуждое ему место, он всегда оставался частью общины. На это могут возразить: «и что, люди будут есть и спать посреди шумной работающей фабрики?» или «а что, если я не хочу устранять разделение между ра-

ботой и досугом, хочу 6 часов работать, а остальное время отдыхать?» Но эти вопросы не имеют смысла – как будто мы можем выбирать из нескольких вариантов постреволюционной реальности. Коммунизм – не проект, а движение, и сами борющиеся пролетарии на практике будут решать как реогранизовать производство и перекроить городской ландшафт.

Таким образом, я выступаю не против самоуправления как такового, а против идеологии самоуправления. Чтобы было понятнее, можно провести аналогию с так называемым «государственным социализмом». Либертарии критикуют не само общество государственного социализма – такого просто не существует – а идеологию, утверждающую всеобщее освобождение посредством захвата государственной власти, и текущие практики, вытекающие из этой идеологии. Схожим образом, меня интересует не (не) возможное общество, основанное на власти общих собраний и прямой демократии, а зацикленность революционного меньшинства на этих фетишах и том воздействии, которое они оказывают на практическую борьбу пролетариев.

СТАРОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

Идеология старого рабочего движения, апогеем которого стала революционная волна 1917-21гг., заключалась в стремлении захватить буржуазный мир, избавиться от «паразитов»и установить на земле царство трудового человека - иначе говоря, в основе этого движения лежал фетиш самоуправления. Претворение в жизнь этого идеала возлагалось на пролетариев доминирующей производственной модели конца XX-начала XX веков, то есть на квалифицированных работников крупных промышленных предприятий.

«Золотой Век металлурга,шахтера,железнодорожника, докера находился не в прошлом,а в будущем,основанном на гигантских заводах… без хозяев. Опыт работы в относительно самостоятельной бригаде позволял рассчитывать, что он сможет коллективно управлять заводом и, схожим образом,всем обществом,которое представлялось как демократическое объединение предприятий [в форме рабочего государства,системы советов или федерации синдикатов]. Начальники только раздают задания, поэтому рабочие полагали,что смогут обойтись и без них. [как показала история (и Яновский), не смогли] Рабочая или «индустриальная» демократия была продолжением общинности (мифической и реальной),существовавшей на профсоюзных собраниях, во время забастовки, в рабочем районе,в пабе или кафе,в профессиональном языке,внутри мощной сети социальных институтов, формировавших жизнь рабочего класса начиная с гибели Парижской Коммуны и заканчивая 50-60ми годами 20го столетия». (Ж. Дове «Пролетарий и работа»)

Эта рабочая общинность, унаследованная от докапиталистических обществ, расширялась с развитием капитализма тяжелой промышленности. В ту эпоху капитал (и, соответственно, наемный труд) действовал как нечто внешнее по отношению к обществу, ему необходимо было утверждаться в нем. Для капиталистического класса это означало совершенствование техники и открытие новых рынков, для рабочего класса – утверждение наемного труда как доминирующего образа жизни, что означало борьбу за нормальные условия труда и представительство в политическом поле. Рабочее движение (партии и профсоюзы) было призвано оспаривать долю труда в экономике и политике, но оно никогда не оспаривало само существование экономики и политики, так как в их силе заключалась также и его сила. Так ключевое противоречие капитал-пролетариат уходит из поля зрения критики и подменяется противоречием капиталист-пролетариат; во главу угла ставиться вопрос управления классовым отношением.

Революционное меньшинство – часть своего класса, поэтому радикальная теория не могла предложить ничего больше, чем радикальное решение вопроса управления – избавиться от слоя управленцев вообще, посредством рабочей автономии и прямой демократии. Революционный синдикализм не мыслим без обычного синдикализма, а ультралевая политика – без левой политики. *«Цель рабочего класса заключается в самоуправлении,самоопределении путем организации советов».* (Паннекук)

Но развитие капитализма пошло не по тому пути, который предсказывали реформистские и революционные мыслители. Пройдя ряд кризисов и войн, капитал стал безраздельно властвовать в обществе. Тейлоризм уничтожил

общинность на рабочем месте, а современный урбанизм добил ее за рамками предприятия. С упадком традиционной индустриальной модели идеология самоуправления также приходит в упадок. В наше время бессилие самоуправления очевидно – достаточно взять любой современный учебник по менеджменту: просвещенная буржуазия уже давно занимается прославлением рабочей автономии и поддержкой низовых инициатив и критикует старомодных авторитарных управленцев и централистские структуры управления; радикальный демократизм бессилен в обществе выбора. Но в чем же заключалась теоретическая ошибка ультралевых (и Яновского)?

Идеология самоуправления исходит из того, что для классового общества первично разделение труда на управленческий и исполнительский. Да, это неотъемлемая сторона всякого классового общества, но разве отчуждение ограничивается только сферой управления? Нет, оно охватывает всю совокупность общественных отношений, которые производятся человеком. Современная антропология вряд ли подтвердит, что ключевым фактором развития цивилизации было выделение в общине слоя начальников. Мы можем лишь констатировать раскол первобытной целостности, проявляющийся в разных формах: государстве, работе, семье, религии, - и тот факт, что производство – это то, чем человек выделяет себя от остального мира.

Капитализм включает в себя бесчисленное множество противоречий, иерархий, разделений, но мы можем уверенно утверждать, что капитализм (а значит, и коммунизм) – это не способ управления, а способ производства.

«Освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса», гласит Манифест. Но в чем заключается это освобождение? Для ультралевых [и для Яновского] коммунизм был равнозначен рабочему управлению. Они не понимали,что автономия должна распространяться на все сферы жизни,а не ограничиваться одним производством,что пролетарии смогут поддерживать процесс революции, только вырывая с корнем товарный обмен из всех общественных отношений. Новая реорганизация производства создаст лишь новый слой чиновников. Тот,кто ставит во главу угла вопрос управления,обрекает себя на воспроизводство менеджмента.

Власть бюрократии над нашими жизнями – это лишь одна сторона нашего общего отчуждения от самих себя. Это отчуждение – не просто административная реальность, с которой может справиться другая форма менеджмента. Монополия на принятие решений, принадлежащая привилегированному слою лиц, – это продукт общества, построенного на рынке и наемном труде. […] Менеджеры лишь олицетворяют отчуждение. Замена бюрократов на рабочие советы вряд ли даст что-то больше,чем замена буржуазии на партийных и профсоюзных чиновников, и, скорее всего, это будет лишь повторением провального опыта русской революции». (Ж. Дове «Наши истоки»)

Вслед за Дове, мы можем предположить, что замена бюрократов на автоматизированные системы управления также будет лишь повторением провального опыта русской революции.

ПРОГРЕССИЗМ

Кроме самоуправления, Яновский также вторит и другому фетишу старого рабочего движения – вере в прогресс. Социалисты начала XX века видели в коммунизме лишь продолжение имеющихся тенденций, коммунизм им представлялся как централизованное объединение пред-

приятий тяжелой промышленности. *«Предлагаю не разрушать эти великолепные машины, работающие и хорошо, и дешево. Давайте возьмем их себе. Пусть они радуют нас своей производительностью и дешевизной. Будем сами управлять ими… Это, господа, и есть социализм…»* (Джек Лондон. «Железная пята»)

Идеология Яновского также могла бы закончить прославлением горизонтальных сетей автоматизированных производств, но он не доходит до конца в своих рассуждениях. И это вполне объяснимо – компьютерная сеть не может стать такой же эффективной и универсальной моделью организации капитала, каким был крупный завод квалифицированных рабочих. Образ программиста не может тягаться с образом накаченного белого мужчины с молотом – это лишь один из целого калейдоскопа образов, наравне с работником кол-центра, швеей из Индии или офисным клерком. Соответственно, бессмысленно возлагать надежды на постепенный подъем низовой борьбы, подобного тому, что был у промышленных рабочих конца XIX века. Трудно рассматривать работников хайтека как авангард классовой борьбы; наоборот, эти категории работников начисто лишены каких-то коллективистских традиций и навыков самоорганизации, среди них распространены индивидуалистские и либертарианские идеи (пример - slashdot.org)

Раз прошлая общинность, из которой выросло рабочее движение, умерло, то для нового движения нужна новая общинность. *«Социальные сети помогают людям объединятся для решения общих задач и помогают преодолевать отчуждение повседневной жизни, создавая новую форму общности – глобальное сообщество».* Чтобы доказать ложность этого «сообщества» достаточно просмотреть чат на контрстрайк-сервере или почитать комментарии на ютубе – у обычных людей в интернете куда больше злобы, агрессии и эгоцентризма, чем у последнего маргинала в самом злачном кабаке. Люди посредством экрана монитора объединяются, чтобы еще больше отделить себя от остального мира. Интернет – продолжение скорее не древнегреческого форума, а современного мегаполиса. Это ложное сообщество никак не противоречит капиталистическому способу производства, наоборот, оно полностью соответствует современной индустриальной модели, характеризующейся нарастанием нестабильности и атомизации и манией убийства времени. Современные технологии предлагают интересные возможности для подлинного сообщества людей – коммунизма – но не больше, чем предложил паровой двигатель. Опыт коллективного управления, взаимопомощи и солидарности не возродился с опенсорсом, он существовал и будет существовать всегда, пока будут существовать люди.

Мы не увидели никаких «убедительных доказательств» возможности реализации коммунизма в нашу эпоху, если не считать таковыми жонглирование марксистскими заклинаниями про «исторический материализм» и «производительные силы». На самом деле, и вопроса этой возможности у Яновского не стоит: можно подумать, он бы «провел исследование» современного общества и пришел бы к выводу, что предпосылки для социализма еще не созрели! В таком случае, ему бы пришлось либо застрелиться, либо пуститься в реформизм, максимально работая на развитие производительных сил. «Марксизм», который унаследовал Яновский, опирался на оптимизм – веру в то, что История находится на нашей стороне; веру религиозную, но облаченную в форму научной теории, что само по себе было свидетельством неспособности порвать с доминирующей идеологией научной рациональности.

***

Тут мы переходим к вопросу революционной субъектности – то есть того, из чего вытекает наша способность осуществить революцию. Революционная субъектность непосредственно связана с содержанием революции. У Яновского это содержание сводиться к устранению разделения труда на организаторский и исполнительский, значит, в основе революционной борьбы лежит стремление к самоуправлению. В таком случае, самым революционным классом должны были быть крестьяне – уж они-то точно в совершенстве знали, как управлять производством, им не хватало разве что техники, чтобы построить коммуну во всемирном масштабе. Собственно, сам капитал(изм) как таковой ускользает из поля зрения Яновского - разница в различных эпохах для коммунизма только в уровне развития производительных сил. Но много ли в нашем мире людей, кто видит в самоуправлении производством средство обретения подлинного человеческого бытия? О самоуправлении как источнике революционной субъектностине может быть и речи в мире, где 90% заняты в торговле, финансах и других сферах деятельности, которые будут уничтожены в первые часы Восстания; где всякая созидательная деятельность подчиняется логике абсурда и максимизации серости.

Что же тогда нас воодушевляет на свержение этого мира? То, на чем построен этот мир – наемный труд. То, что составляет основу нашего существования, является одновременно и объектом нашей атаки, и в этом заключается отличие пролетариата от крестьянства, желавшего лишь освобождения труда, а не его уничтожения. Крестьянству было нечего революционизировать; капитализм переносит отчуждение в центр общественной жизни – трудовую деятельность, и революция становиться возможной. Чтобы реализоваться как личности, мы не можем утверждать наш образ жизни, наоборот, мы должны порвать с ним и с обществом, построенном на нем.

Чешир

ПЛАТФОРМА СРС

Мы – социалисты, и мы – революционеры.

Мы – социалисты, потому что мы убеждены, что человеческое достоинство, человеческая свобода и счастье могут быть обеспечены только в бесклассовом, бестоварном и безгосударственном обществе, в обществе, где война всех против всех сменится товарищеским сотрудничеством, в обществе, где освободившиеся от проклятий старого мира люди станут хозяевами собственной судьбы.

Мы – революционеры, потому что мы убеждены, что социализм может быть достигнут только действием и борьбой самого угнетенного класса, что его не создадут никакие спасители сверху – «ни бог, ни царь и ни герой», что он может быть достигнут лишь всеохватывающей освободительной социальной революцией самого угнетенного класса, революцией, в ходе которой угнетенные устанавливают власть своих общих собраний.

Борясь за всемирную социальную революцию, мы продолжаем дело всех героев и мучеников освободительной борьбы угнетенных классов прошлых времен – от повстанцев Спартака и Степана Разина до установивших на короткое время свою власть во время Великой Российской Революции 1917-1921гг. рабочих Петрограда и крестьян Гуляй-Поля; продолжаем дело таких революционных организаций прошлого, как Международное товарищество рабочих (Первый Интернационал), Северорусский и Южнорусский рабочие союзы, Индустриальные рабочие мира, Союз эсеров-максималистов, Партия левых эсеров, Коммунистическая рабочая партия Германии и Всеобщий рабочий союз Германии – Единство, Рабочая федерация аргентинского региона и других революционно-социалистических организаций прошлого. Продолжаем дело таких идейных традиций, как революционные течения марксизма, левое народничество и пролетарский анархизм.

Наш революционный социализм есть продолжение этих великих революционных течений прошлого при снятии их устаревших ошибок и недостатков. Мы не только продолжаем старое, но мы – и это самое главное – начинаем новое, стремимся создать революционное движение, которое доведёт до победы вековую борьбу угнетённых классов за своё освобождение. Являясь сторонниками материалистического понимания истории, мы развиваем его и переводим на новую стадию, основываясь на фактическом материале истории и новейших достижениях науки. Мы создаём революционное движение и революционную теорию, адекватные современному состоянию классовой борьбы пролетариата.

МЫ СЧИТАЕМ:

1. Общество, где свободное развитие каждого является условием свободного развития всех – это коммунизм, общество без частной собственности, классов, государства, наемного труда, денег и товарного производства, общество не конкурентной борьбы всех против всех, а товарищеского сотрудничества. Победа этого общества является возможной и необходимой. Необходимой, потому что только при этом обществе человечество не погибнет от вызванных капитализмом катастроф и сможет развиваться дальше; возможной, потому что современные производительные силы позволяют уничтожить первопричину классового деления общества – разделение труда на организаторский и исполнительский.

2. Переход к коммунизму может быть осуществлен только посредством революции, осуществленной пролетариатом – угнетённым классом капиталистического общества, лишенным политической и экономической власти.

3. Революция означает разрушение восставшими пролетариями буржуазной государственной машины (бюрократии, милиции и т.п.) и коллективную экспроприацию ими капиталистической собственности, всеохватывающую социализацию производства.

4. Разрушив буржуазную государственную машину, пролетарии не должны передоверять свою власть никому. Вся власть должна принадлежать общим собраниям трудящихся. Увеличение свободного времени позволит каждому непосредственно принимать участие в управлении обществом.

5. После революции все производство должно управляться общими собраниями трудящихся и ориентироваться на удовлетворение человеческих потребностей, что будет следствием социализации производства.

6. Во всех странах современного мира независимо от разницы их политических форм – господствует диктатура капитала в форме диктатуры буржуазного государства. Парламентская демократия есть лишь замаскированная форма этой диктатуры. Любые попытки трудящихся играть по правилам, установленным их угнетателями, ведут лишь к поражению и деморализации трудящихся. Поэтому освободительное движение пролетариата не может поддерживать какую-то одну из буржуазных группировок против другой, не может отстаивать одну форму диктатуры буржуазии против другой (демократии против фашизма) и не может участвовать в выборах в органы буржуазной власти, в выборах, которые для угнетённых означают лишь смену их хозяев.

7. Исторический опыт показывает, что национальное неравенство и национальный гнёт являются неизбежным следствием существования национального буржуазного государства, выдвижение лозунга о праве наций на самоопределение и поддержка «национально-освободительных» движений не способны привести к уничтожению национального неравенства и гнёта, а лишь превращают трудящихся в пушечное мясо в войнах буржуазных клик. Единственное средство уничтожения национального неравенства и гнёта – это разрушение всех национальных государств, уничтожение всех границ и установление безнациональной власти общих собраний, при которой будет возможно свободное и равноправное развитие всех этнических и неэтнических культур.

8. В современном мире профсоюзы являются конторами по продаже особого товара – рабочей силы, приводным ремнём от буржуазии к пролетариату, инструментами подчинения пролетарской борьбы интересам буржуазии. Все попытки преобразования существующих профсоюзов или создания новых радикальных профсоюзов обречены на неудачу и ведут лишь к деморализации имеющих подобные иллюзии, трудящихся. Наша задача – объяснять людям труда, как входящим, так и не входящим в профсоюзы, что освобождение угнетенных может быть лишь делом самих угнетенных, пролетариям бесполезно надеяться на партийных и профсоюзных чиновников, на парламентскую возню и хождение по судам. Освободительная борьба класса пролетариев – это борьба методом прямого действия (забастовки, перекрытия дорог и т.п.). Именно в ходе такой борьбы угнетенный класс воспитывает в себе чувство солидарности и классовую сознательность, приобретает навыки самоорганизации и самоуправления, необходимые для совершения революции.

9. В современных условиях единственными эффективными формами организации и освободительной борьбы пролетариата являются возникающие в ходе подъёма классовой борьбы общие собрания трудящихся. Создание революционной организации соединяющей борьбу за конкретные требования, уже выдвинутые общими собраниями трудящихся, с борьбой за социальную революцию является нашей целью.

10. Так как в СССР и подобных ему странах власть принадлежала эксплуататорскому классу государственной буржуазии, а трудящиеся оставались лишенными власти и собственности наемными рабами, эти страны не были социалистическими, но являлись обществами государственного капитализма, наёмного труда и господства товарно-денежных отношений. Все организации, выступающие за реставрацию существовавших в СССР порядков, хотят лишь замены одной формы эксплуатации на другую, и являются врагами освободительной борьбы пролетариата.

11. Социализм невозможен в одной отдельно взятой стране или группе стран, а возможен лишь как мировая система, как результат мировой социальной революции. Ликвидировать мировую систему капитализма, систему эксплуатации человека человеком можно только совместными усилиями сознательных и организованных представителей всех угнетённых классов всех или большинства стран мира.

12. Патриотизм сегодня есть реакционная идеология господствующего класса, которая поддерживает эксплуататорский строй, систему наемного рабства. Долг каждого сознательного пролетария бороться с патриотизмом и шовинизмом в любой его форме. Пролетарии не имеют отечества. Нет – войнам между народами, нет – миру между классами!

13. В перспективе задачей революционных социалистов является формирование нового Интернационала, который своим действием и примером инициирует и объединит борьбу всего угнетённого класса. Лозунгами этого нового Интернационал должны быть:

Угнетённые и эксплуатируемые всех стран, соединяйтесь!
Да здравствует Мировая Коммуна!

